

А. В. Амфитеатровъ и В. М. Дорошевичъ.

Китайскій вопросъ.

Китайскій вопросъ.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., с. д.
МОСКВА. — 1901.

СКАЗКА

о мужикѣ Иванѣ и о старомъ Змѣѣ Горыничѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, въ этакихъ мѣстахъ, въ этакихъ большихъ деревняхъ жилъ-былъ мужикъ, по имени Иванъ. Мужикъ рослый, здоровый, мужественный, и, хотя дѣтный, а шибко богатый. Земли у него было изрядное множество — ажъ до края свѣта, а дальше ужъ море-окіянъ тёкъ, откуда по утрамъ зори солнце выводитъ. На самомъ же краю свѣта, промежъ моря-окіяна и мужиковой земли, лежалъ старый-престарый Змѣй Горыничъ. И, какъ лежалъ онъ аккуратъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ небо съ землею сходится, и прачки вѣшаютъ мокрое бѣлье сушиться на облака, то почитали его люди сыномъ неба и стражемъ небеснымъ. И тянулся тотъ Змѣй Горыничъ на многія версты и былъ весьма широкъ и толстъ. Такъ что, хотя земли у Змѣя Горынича было всего только, что у него подъ брюхомъ, да что лапами прихватилъ, однако, пропадала чрезъ то дуромъ превеликая

палестина угодьевъ. И столь превосходная, что ближніе господа-помѣщики, которые изъ баръ и въ дворянскомъ банкѣ позаложившись, только языками пощелкивали да печаловались другъ дружкѣ:

— Просто уму непостижимо, господа дворяне, сколько подъ этою глупою скотиною чернозему погибаетъ. Ежели бы теперича намъ съ вами ее съ мѣста выжить да черноземъ этотъ между собою подѣлить, большое мы пріобрѣли бы богатство, — ажно и внукамъ и правнукамъ заглаза станетъ.

Что Змѣй Горыничъ былъ скотина глупая, въ томъ господа-помѣщики правы были. Глупая и смирная. Занятіевъ-службы у него почитай что никакихъ не было, потому что небо — что жъ его сторожить? Туда, опосля Ильи Пророка, живымъ-то никто и не посыкивался. Умъ, который смолоду имѣлъ, Змѣй отъ старости прожилъ, науки перезабылъ, торговлею и ремеслами не занимался, — такъ, по всему тому, отъ большой скуки, проводилъ время больше соннымъ дѣломъ. Съ господами-помѣщиками, по необразованію своему, не знался, а съ мужикомъ Иваномъ жилъ ни въ ссорѣ ни въ мирѣ. Такъ нужно сказать: большой надобности другъ въ дружкѣ не видали, а сосѣди были хорошіе. До того даже, что Змѣй позволилъ протоптать черезъ хребетъ свой особую тропу отъ самой мужиковой избы прямо на окіянъ-море, чтобы Ивановымъ бабамъ было спорѣе на портомойню ходить, а ребятамъ сѣти таскать, заколы бить да невода закидывать.

Пролежалъ Змѣй Горыничъ на мѣстѣ сорокъ вѣковъ, и пожаловалъ ему Богъ за выслугу лѣтъ золотую чешую. Лежитъ Змѣй, на солнцѣ поблескиваетъ, а господа-помѣщики смотрятъ на него издали, черезъ заборъ, и отъ аппетита даже слюною исходятъ:

— Ахъ, животное! Да есть ли въ тебѣ разумъ-то, чтобы понять, какая ты еси золотая валюта?

Какъ ни глупъ былъ Змѣй, а догадался, что господа-помѣщики не съ добромъ на него зарятся, и началъ потрухивать:

— Ахъ, ограбятъ меня, сироту, какъ пить дадутъ, ограбятъ. Потому — народъ слабкій; земли у нихъ — только столъ поставить, да къ столу судебному приставу сѣсть, чтобы опись имуществу сдѣлать.

И сталъ онъ кланяться мужику Ивану.

— Не покинь шабра, другъ Ванюша! Жили мы съ тобою кои вѣки въ согласіи, пальцемъ другъ друга не тронули, а у господъ нынѣ, какъ я замѣчаю, на чешуйку мою глаза горятъ. Такъ ужъ чѣмъ ихъ баловать, наѣзжихъ людей, лучше я порадѣю тебѣ, сосѣду извѣчному. Все же ты человѣкъ простой, имѣешь крестъ на шеѣ; коли и попользуешься какою малостью, то не до семи же шкуръ, а съ умѣренностью, честь зная. Прочихъ же не допущай!

— Зачѣмъ допущать? — говоритъ Иванъ, — расчета нѣту. Али я своему счастью дуракъ? А насчетъ обдёру, — истинно тебѣ, Горыничъ, скажу: вовсе не драть тебя никакъ невозможно, потому —

простъ ты очень, и чешуя у тебя хороша. Но, что я крестъ на шеѣ имѣю, это ты правильно разсудилъ. Пользоваться я отъ тебя, Горыничъ, буду, но по чести-совѣсти: чешуи драть не стану, а коли иной разъ этакъ метелочкою съ тебя пыль пообмахну, на томъ не взыщи.

Стали они жить, да поживать, да добра наживать. Надоть Ивану недоимку вносить, а денегъ у Ивана не припасено,—ништо! взялъ метлу, обмахнулъ Змѣя,— анъ, глядь, прутья-то всѣ въ золотѣ, вотъ-те, стало-быть, и деньги. Друго̃й, на мѣстѣ Ивана, только тѣмъ и занимался бы денно и ночно, что Змѣя чистилъ. Но мужикъ Иванъ жадности въ душѣ не имѣлъ и, будучи склоннымъ къ земледѣлію, больше страдничалъ по своимъ полямъ — пахотамъ; за метлу же брался лишь предъ большими праздниками, да когда староста въ окно стучался: подати подавай!—и столь умѣренно, что Змѣй, по дурости своей, даже обижался:

— Забываешь старика, Иванъ! Али мнѣ для тебя жалко?

Долго ли, коротко ли, разбогатѣлъ Иванъ, возвеличился, и всѣ ближніе господа-помѣщики стали его очень бояться и почитать. На что ужъ предводитель дворянства, баронъ Фридрихъ-Амалія-Карлъ Карловичъ Шпицбубе фонъ-Мюнхгаузенъ, важный былъ господинъ, по прямой линіи отъ крестоносцевъ происходилъ и всѣмъ, по старой памяти, кованымъ въ броню кулакомъ грозился,—а и тотъ, бывало, какъ встрѣтитъ Ивана, сейчасъ ему руку протягиваетъ, да не въ перчаткѣ, и не палецъ,

либо два, какъ всѣмъ прочимъ, а цѣлую голую пятерню:

— Ви бефинденъ зи зихъ, Иванъ Петровичъ? Гутъ или не очень гутъ?

— Гутъ-то гутъ, — говоритъ Иванъ, — а вотъ зачѣмъ ты, ваше превосходительство, свиней да гусей моихъ задерживаешь, не пропущаешь на рынокъ скрозь свое имѣніе? Оттого мнѣ большой убытокъ. Грѣхъ тебѣ — сосѣди, чать!

— Ну, не сердись, Иванъ Петровичъ, — зачѣмъ сердиться? Мы съ тобой на другой собакѣ сойдемся.

Особливо же возлюбилъ Ивана веселый баринъ Альфонсъ Альфонсовичъ мусье Гильоме. Сей мусье, бывъ принужденъ бѣжать изъ отечества своего, по несогласіямъ съ полиціей нравовъ, онъ же говорилъ — по причинамъ политическимъ, — жилъ первоначально въ городѣ Петербургѣ въ подмастерьяхъ у самаго перваго парикмахера на Большой Морской. Но, какъ былъ патріотъ и неуклонно мечталъ о реваншѣ, то однажды, стригучи атташе германскаго посольства, оттяпалъ ему ножницами полъ уха. За такое эльзасъ-лотарингское геройство хозяинъ выгналъ Гильоме вонъ; онъ же, не унывая, поѣхалъ гувернеромъ, на кондиціи, въ деревню къ русскому помѣщику Митрофану Простакову и, проживъ у него многіе годы, присоединилъ къ парижскимъ своимъ пріятностямъ то немаловажное дарованіе, что выучился пить водку и пѣть русскія пѣсни. Когда Митрофанъ Простаковъ, частію отъ огорченія эмансипаціей, частію отъ ботвиньи съ бѣлужиной,

волею Божіею помре, Гильоме вдову его, Софью Милоновну, безъ труда обольстилъ и, сочетавшись съ оною бракомъ, самъ въ помѣщики вышелъ. Въ качествѣ француза,— ибо кому же неизвѣстно, что французъ есть Вольтеръ?— Гильоме слылъ по уѣзду первымъ либераломъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ только безгранично легкомысленъ и женолюбивъ. Шпицбубе фонъ-Мюнхгаузенъ страхъ его не любилъ и двѣ пустоши у него оттягалъ; Гильоме же, хотя и скитался по судамъ, тщась оныя возвратить, но только всуе на адвокатовъ тратился да начальство жалобами утруждалъ. И, такъ какъ Иванъ-мужикъ накопилъ противъ Шпицбубе фонъ-Мюнхгаузена тоже не одну досаду, то стали они съ Гильоме первые друзья. Всѣ праздники вмѣстѣ: пообѣдаютъ, — ужасно много они обѣдали!— и пошли гулять по базару, въ обнимку, цѣлуются, ура кричатъ и пѣсни играютъ. Гильоме камаринскую норовитъ, а Иванъ по-французскому не обученъ, такъ на гармоникѣ марсельезу наяриваетъ. И столь это у нихъ складно выходило, что другіе господа-помѣщики только диву давались, а Шпицбубе фонъ-Мюнхгаузенъ даже и призадумывался:

— Какой, однако, между ними альянсъ франко-рюссъ!

Вотъ до чего превозвысилъ себя Иванъ: сталъ его уважать самъ Джонъ Джемсовичъ Булль, нелюдимый хозяинъ сталелитейнаго завода. А мистеръ Булль ни съ кѣмъ изъ сосѣдей не знался и всѣхъ ихъ почиталъ ниже земляныхъ червей, потому что былъ самимъ собою очень много

доволенъ: пришелъ онъ въ нѣкоторое царство нищимъ-мальчонкою безъ штановъ, а потомъ, казенныя субсидіи получивъ, въ большого милліонщика разжился. Доходы въ Англію отсылалъ, но зубы рабочимъ чистилъ кулакомъ болѣе, чѣмъ по-русски. Когда же мировой приговаривалъ его за мордобойство къ штрафу или на Казачьемъ плацу сидѣть, мистеръ Булль писалъ своему консулу жалобу на угнетеніе великобританскаго подданнаго; и заваривалась такая международная каша, что изъ-за нея уже трое мировыхъ повѣсились на собственныхъ своихъ цѣпяхъ. Но и грозный Джонъ Джемсовичъ чуть завидитъ, бывало, съ веранды своего коттэджа, что Иванъ, громыхая подводою, въѣзжаетъ на заводскій дворъ, вынималъ сигару изо рта, а руки изъ брючныхъ кармановъ, ухмылялся отъ одной рыжей бакенбарды до другой и любезно приглашалъ:

— Русски звинь... стаутъ хочешь?

Ибо иныхъ ласковыхъ словъ не зналъ, будучи больше привыченъ ругаться съ рабочими.

Съ Джономъ Джемсовичемъ по портерамъ, съ Альфонсомъ Альфонсовичемъ по коньячкамъ, съ барономъ — пивка, съ тѣмъ-другимъ — иного-прочаго, — только и дѣла стало у Ивана, что чаи-сахары по гостямъ разводить да у себя господъ принимать: что есть въ печи, все на столъ мечи. Жуируетъ жизнью во всю подоплеку, а чтобы не подъ сухую веселиться, выписалъ изъ губернскаго города Анджело Мазини, шарманщика итальянскаго: навертывай — „Среди долины ровныя“.

Но, сколько Мазини арій на шарманкѣ ни навертывалъ, ни одной мужикъ Иванъ не любилъ больше, чѣмъ — „Куды ты, ангелъ мой, стремишься?“ Такъ что, слушая ее, даже плакалъ и, утирая слезы кулакомъ, приговаривалъ:

— А Господь же меня знаетъ, куда я стремлюсь?!

Выбрали - было господа Ивана гласнымъ въ земство,—только тамъ онъ, по мужицкому добродушію своему, скандалу надѣлалъ. Дали ему слово, какъ путному, онъ и пошелъ растабарывать предъ господами:

— Надо, господа сосѣди, жить не по-пёсски, но по-Божески... не такъ, чтобы все угрозою да сварою, какъ вы промежъ себя грызетесь,— надо дать время и мирному ангелу полетать... Что хорошаго? Мусье на барона ярится, баронъ на мусье—обоимъ разоръ: однимъ подъячимъ что денегъ переплачено! А ну-те-ка, благословясь, — обымемъ другъ друга, рцемъ: братіе! — и ненавидящимъ насъ простимъ. Худой миръ лучше доброй ссоры.... Христосъ-то что велѣлъ? Ну-те-ка, братцы, господа честные,—ась?

Очень Иванъ тогда господъ - помѣщиковъ оконфузилъ. Даже Гильоме на него обидѣлся. Потому что онъ, какъ нарочно, только-что приноровился подложить барону Шпицбубе фонъ-Мюнхгаузену здоровеннѣйшую свинью, а мужикъ Иванъ вдругъ ему — про Христа!.. И стали тутъ господа-помѣщики на мужика руками махать:

— Оставь, братъ, Иванъ, пожалуйста, эти рацеи! Мысли у тебя благородныя, разговоръ чувстви-

тельный, но, что касается политичнаго обращенія, ты еще мало каши ѣлъ.

И порѣшили: впредь гласному Ивану-мужику въ земствѣ съ господами засѣдать, но въ ораторство не вдаваться, понеже говоритъ онъ не отъ политики, но отъ души, и чрезъ то можетъ всегда господъ осрамить и цивилизацію нарушить.

Долго ли, коротко ли, за всѣми тѣми дѣлами и забавами мужикъ забылъ и думать о Змѣѣ Горынычѣ, каково-то онъ на краю свѣта полеживаетъ. А полеживалъ Змѣй не ахти хорошо и не такъ, чтобы очень весело.

Однимъ раннимъ утромъ, когда еще черти на кулачки не бились, а мужикъ Иванъ, угостившись съ вечера у мусье Гильоме, на палатяхъ третій сонъ видѣлъ, чуетъ Змѣй: больно саднитъ у него въ правомъ боку, что на море-окіянъ выходитъ.

— Кто тамъ? — спрашиваетъ Змѣй.

— Я тамъ.

— А кто ты таковъ?

— Джонъ Джемсовичъ Булль, эсквайръ, фабрикантъ, заводчикъ и просвѣщенный мореплаватель.

— Откуда ты, пострѣлъ, взялся? Вѣдь сказано Ивану-мужику: никого изъ вашей братьи ко мнѣ не допущать.

— Иванъ твой коё время на полатяхъ храпомъ храпитъ. Да мнѣ въ немъ и страху большого нѣту: кабы я черезъ его землю прошелъ, — другое дѣло. А я къ тебѣ подвалилъ по свободному море-окіяну, на собственномъ пароходѣ, подъ великобританскимъ флагомъ.

— Что же, — говоритъ Змѣй, — тебѣ, господинъ эсквайръ, угодно? И что ты тамъ такое у меня въ боку пакостишь, отчего мнѣ саднитъ?

— Очень просто, что, — отвѣчаетъ Джонъ Булль, — я съ тебя чешую деру.

Разсвирѣпѣлъ Змѣй.

— Какъ же ты, такой-сякой, смѣешь съ чужого тѣла чешую драть?! Ну, счастливъ твой Богъ, что кости у меня стычныя, обернуться мнѣ на тебя тяжело: показалъ бы я тебѣ, гдѣ раки зимуютъ. Да вотъ погоди: проснется Иванъ, пріятель мой вѣрный, онъ те пропишетъ ижицу!

— О, нѣтъ, — отвѣчаетъ Булль, — онъ ижицы не пропишетъ.

— Что такъ? — силенъ ты ужъ очень, что ли? Слыхали мы, братъ, тоже и про тебя, — ты вѣдь, рыжій дьяволъ, только съ виду важенъ, а на дѣлѣ-то тебя не токмо Иванъ-богатырь, а и собственные твои пастушонки поколачиваютъ.

Джонъ Джемсовичъ ему на то въ отвѣтъ:

— Потому я не боюсь Ивана-мужика, что вчера онъ самъ намъ у Гильоме жалился, что ему одному за тобою не усмотрѣть: очень ужъ ты великъ выросъ. И положили мы съ нимъ по-сосѣдски, чтобы блюсти тебя вдвоемъ — онъ съ сухого пути, а я съ моря. Вотъ видишь, какой ты, сэръ Змѣй Горыничъ, глупый и неблагодарный: мы твое благополучіе устрояемъ, а ты рычишь, брыкаешься, пускаешь хулу. Рыжимъ дьяволомъ меня обозвалъ, насчетъ пастушонковъ нехорошо намекаешь. Развѣ можно такъ обращаться съ великобританскимъ подданнымъ? Счастье твое, что я

человѣкъ торговый и миръ люблю: больше трехъ ссоръ въ сутки не затѣваю. Не то я сейчасъ закатилъ бы тебѣ такое дипломатическое представленіе, что не прочухаться тебѣ до вторыхъ вѣниковъ!

Усомнился Змѣй, разбудилъ мужика Ивана.

— Правду иль нѣтъ сказываетъ Джонъ Буллъ о твоемъ съ нимъ соглашеніи?

Но Иванъ, какъ вечорась весьма монополіей ошибся, только глазами хлопалъ, въ затылкѣ чесалъ, да руками разводилъ:

— Ничего,— говоритъ,— не помню, окромя того, что былъ монополіей покоренъ и дворянскому предводителю Кожину по сему случаю землю за безцѣнокъ продалъ. А впрочемъ, такъ надо думать, — Джонъ Джемсовичъ врать не станутъ. Господинъ настоящій, образованный, не то, что нашъ братъ-сиволапъ. Мы въ лѣсу живемъ, молимся пенью, да и то съ лѣнью; на верею крестимся, а Бога во щахъ слопали. А онъ, братъ, всякую науку-этику произошелъ, такъ что надувать и жульничать ему не только заповѣдь Божія, но и Милль со Спенсеромъ не велятъ. И ужъ ежели онъ взялся сторожить твое добро, будь благонадеженъ: устережетъ! Вотъ до чего устережетъ: самъ для себя просить станешь — и то не дастъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Аль я въ своемъ добрѣ не воленъ, въ своемъ дому не хозяинъ?

— Не дастъ, и шабашъ. Скажетъ: тебѣ на баловство, а у меня цѣлѣй будетъ. Я, братъ, ихъ, англичановъ-то, знаю. У меня самого Джонъ Юзъ

землю арендуетъ,—такъ ты къ нему и не подступись.

— Yes,—поддакиваетъ Джонъ Джемсовичъ,—у меня цѣлѣе и не подступись! Ибо ты, сэръ Горыничъ, большой звинь и не можешь быть безъ сивилизэшенъ и протекторатъ.

Поклонился Иванъ и по своему хозяйству хлопотать пошелъ. А Змѣй смутился. Оно и лестно, что этакая особа взялась счастіе его составить, а, съ другой стороны, и жутковато какъ бы.

— Почему же ты, сэръ,—сказалъ онъ,—если взялся меня сторожить, взамѣнъ того, самъ первый меня обдираешь?

— А въ возмѣщеніе расходовъ: даромъ я что ли по морю-окіяну пароходъ гонялъ?

— Такъ вонъ и Иванъ-мужикъ меня не даромъ сторожитъ, однако, чешуи не деретъ, а только пыль метлою обмахиваетъ.

А Джонъ Джемсовичъ шепчетъ ему на ушко:

— Эхъ, ты, простота! Не видишь развѣ, что за то онъ обмахиваетъ тебя *всего*, а я, какъ человѣкъ деликатный, деру до живого мяса только въ *одномъ* мѣстѣ? Кто же изъ насъ выходитъ справедливѣе? Ему всего тебя подай, а я и кусочкомъ доволенъ.

Очень онъ Змѣя этою логикою поразилъ. Такъ что тотъ даже, впервые за эки года, покосился на Иванову избу съ подозрѣніемъ:

„Ишь, дескать, что умные люди говорятъ. А ну, какъ и впрямь ты только прикидываешься пріятелемъ, а на дѣлѣ-то выходишь лукавый мужиченко?“

И запало Змѣю въ сердце, отъ хитрыхъ Джонъ-Буллевыхъ словъ, неудовольствіе на Ивана. А съ Джонъ Джемсовичемъ онъ заговорилъ уже много ласковѣе:

— Инъ-правда твоя. Что жъ? надо и тебѣ кормиться. Только ты ужъ хоть поосторожнѣе какъ-нибудь дери, чтобы мнѣ полегче было, а то вѣдь просто хоть кричи крикомъ.

— О!—сказалъ Джонъ Джемсовичъ,—объ этомъ не безпокойся: у насъ на всякую боль лѣкарствіе есть.

И, вынувъ изъ кармана коробокъ опійныхъ пилюль, угощаетъ Змѣя: у насъ — про васъ, кушайте, милости просимъ!.. Наглотался Змѣй снадобья и заснулъ богатырскимъ сномъ. Мистеръ Булль съ него золотые ремни кроитъ, а ему и горюшка мало. Проснулся Змѣй, облизнулся, а Булль ему еще пилюлю, да еще, да̀ еще... И полюбилъ Змѣй тѣ пилюли до страсти и по цѣлымъ днямъ отъ нихъ въ безчувствіи валялся, а Джонъ Джемсовичъ, знай, ухмылялся въ бакенбарду да ремни кроилъ.

По нѣкоторомъ времени слышитъ Змѣй, сквозь тяжкій опійный сонъ, будто что-то у него надъ ухомъ зудитъ, словно монашка надъ покойникомъ начитываетъ.

— Это что еще?

— Я это! — отвѣчаетъ ему голосокъ слаще меду.

— Кто таковъ?

— Аббатъ Жоржъ Дорси, мусье Гильоме племянникъ, смиренный инокъ коллегіи Сердца Іисусова.

— Чего же тебѣ, господинъ аббатъ, отъ меня надобно?

— Замѣтилъ я, monsieur Змѣй, что вы безъ вѣры живете и тѣмъ непремѣнно погубите свою душу и угодите въ адъ. И я поспѣшилъ притти, чтобы обратить васъ къ истинному Богу и наставить на правый путь.

— Чувствительнѣйше тебѣ благодаренъ. Только вотъ что: говоришь ты, будто Гильоме племянникомъ приходишься, — такъ ты бы его сперва обратилъ. А то онъ Бога-то ровно бы и вовсе забылъ,—даже самъ тѣмъ на весь свѣтъ хвастается.

— Oh, monsieur! Дядя мой осужденъ безвозвратно, осужденъ навѣки. Ибо онъ республиканецъ, вольтеріанецъ и либрпансёръ. Вообразите себѣ: онъ меня, родного племянника и благочестиваго человѣка, собственноручно выгналъ изъ дому только за то, что я проповѣдывалъ ему непогрѣшимость и свѣтскую власть святѣйшаго отца нашего, римскаго папы... Va-t-en, Satan! — и колѣнкою сзади.

— Слыхалъ я про эту власть, — говоритъ Змѣй, — нечего сказать, хорошую штучку прид мали! Неудивительно, если у Гильоме на тебя к лѣнка зачесалась. Ну, а еще что врать станешь

— Если угодно, за нѣсколько штучекъ вашей драгоцѣнной чешуи я могу вамъ дать отпущеніе грѣховъ въ сей жизни и будущей... Очень много берутъ, и всѣ господа покупатели весьма одобряютъ.

— Ну, какіе у меня грѣхи. Я — Змѣй старый. Уже и какъ грѣшать-то, позабылъ. На что мнѣ твое отпущеніе!?

— Затѣмъ, берусь слѣдить за вами, чтобы вы не уклонились въ еретичество.

— А если уклонюсь?

— Oh, monsieur! Для уклоняющихся у насъ, смиренныхъ иноковъ, было встарину превосходное исправительное средство: ихъ ставили живыми на костеръ и поджаривали, пока они не раскаются, послѣ чего возрожденная душа ихъ улетала прямо въ рай... Такъ что, если вы будете любезны разрѣшить...

— Нѣтъ-съ, не буду любезенъ; съ ума я что ли сошелъ? — вскричалъ Змѣй, — дайся ему на кострѣ печься! Удивительная вещь, однако: сколько лѣтъ я съ сосѣдомъ Иваномъ знаюсь, и онъ тоже христіанинъ, и за вѣру свою готовъ хоть на смертный бой, а никогда онъ ко мнѣ ни съ папою не приставалъ, ни раемъ со мной не торговалъ, ни поджаривать меня не собирался.

— Это потому, — отвѣчалъ Жоржъ Дорси, — что вашъ сосѣдъ Иванъ—схизматикъ и будетъ такъ же кипѣть въ гееннѣ огненной, какъ вольтеріанецъ Гильоме и вы, monsieur Змѣй, если не признаете папу, благо индульгенцій и святость блаженной памяти инквизиціи.

Махнулъ змѣй на него лапою: пошелъ, молъ, туда, откуда пришелъ! — и, опіуму глотнувши, опять захрапѣлъ. А Жоржъ Дорси, не будь глупъ, выждалъ, покуда у змѣя сонъ закрѣпчалъ, и давай лущить чешую у него прямо со лба. Но, чтобы люди думали, что онъ лущитъ не для корысти, но для вѣры, то, луща, воспѣвалъ: „Te Deum laudamus“ и, какую чешуйку слущитъ,

сейчасъ же на мѣстѣ ея вырѣзывалъ ножикомъ по живому мясу крестикъ или папскій инициалъ. А слущенное отсылалъ въ Римъ, въ фондъ fidei propagandae — на борьбу съ вольтеріанствомъ дяди Гильоме и восточною схизмою мужика Ивана.

Кончилъ мужикъ Иванъ по хозяйству хлопотать. Пришелъ взглянуть на змѣя—только руками всплеснулъ, да ужахнулся. Чешуи на змѣѣ — половины какъ не бывало, кровища изъ него такъ и валитъ, а кругомъ народу видимо-невидимо, со всѣхъ помѣщьихъ усадебъ. Даже Анжело Мазини, шарманщикъ итальянскій, Змѣя за ушко тянетъ; даже Марья Богдановна, бабка-голландка, съ перочиннымъ ножикомъ въ хвостѣ ковыряется. Набрался Иванъ храбраго духа и сталъ было господъ помѣщиковъ усовѣщивать. Какъ вскинутся на него всѣ:

— Мужикъ! Что ты понимаешь? Развѣ мы худое что дѣлаемъ? О его же благѣ заботимся: сивилизэшенъ ему въ самое нутро вгоняемъ!

А Фридрихъ-Амалія-Карлъ Карловичъ Шпицбубе фонъ-Мюнхгаузенъ даже пригрозилъ Ивану (правда, издали) закованнымъ въ броню кулакомъ:

— Хабенъ зи гевидѣлъ?

Плюнулъ Иванъ и прочь пошелъ:

— Ну, васъ, — говоритъ, — къ ляду! Отъ васъ лучше подальше: того гляди, смертоубійство выйдетъ, — въ свидѣтели попадешь!

Долго ли, коротко ли, слышитъ Иванъ ревъ нѣкакій, ровно бы разгудѣлось окіянъ-море. Глядь-поглядь, бѣгутъ къ нему всѣ господа-помѣщики:

лица ни на комъ нѣтъ, души отъ страха изъ пятокъ выглядываютъ.

— Представь,—кричатъ,—дружище Иванъ! Змѣй твой проклятый взбѣсился.

Глянулъ Иванъ черезъ заборъ - такъ и ахнулъ: ужасти, что такое! Реветъ Змѣй не своими голосами, мечется, инда пыль столбомъ до неба летитъ, подъ каждую лапу по человѣку зажалъ, а въ пасти аббата Жоржа Дорси держитъ, да со щеки на щеку его жуетъ-перекидываетъ. Спина ощетинилась, горбомъ встала, — дорожки, по которой Ивановы бабы на портомойню ходили, и въ nоминѣ нѣтъ. Хвостище у Змѣя такъ вертуномъ и ходитъ. Чего не коснется—въ муку! Деревья съ корнемъ рветъ, бревна за облака швыряетъ.

Только свистнулъ Иванъ:

— Однако, —говоритъ, ловко! Съ чего бы это онъ?

— Не знаемъ,—отвѣчаютъ господа,—истинно не знаемъ. Должно-быть, закормилъ ты его; съ хорошаго корму бѣсится, съ жиру, отъ большой сытости.

Удивился Иванъ. Зналъ онъ, что Змѣй постникъ и, кромѣ рису, въ ротъ ничего не беретъ. Но Гильоме, какъ былъ совѣстливѣе другихъ, отозвалъ Ивана въ сторону и признался:

— Увлеклись мы очень. Джонъ Джемсовичъ ему опіумъ дать забылъ, а тутъ его съ моря-окіяна вѣтеркомъ пообдуло,—онъ и заворочался. Почуялъ, что мы его индѣ расцарапали, да какъ засвищетъ, застонетъ, завопитъ... Мы было его унимать. Малайка Фукушима, — знаешь, Джонъ - Буллевъ

казачокъ, что себя подъ барчонка строитъ, — здорово ему по зубамъ прошелся. Инда Змѣй даже притихъ было... А потомъ собрался съ духомъ и пошелъ крушить...

Покачалъ Иванъ головою:

— Ахъ вы, черти-черти!

А господа надсѣдаются, крикомъ кричатъ:

— Безпремѣнно Змѣя теперь убить надо. Взбѣсился Змѣй: всѣхъ насъ, по необразованію своему, слопаетъ. Убить — и шкуру промежъ себя подѣлить.

— Нѣтъ,—сказалъ Иванъ,—это вы, господа-помѣщики, неладно затѣяли. Не резонъ Змѣя убивать. Первое дѣло: не онъ виноватъ, что взбѣсился, — вы его взбѣсили. Второе дѣло: какое вы имѣете право на его шкуру? А третье и главное — кто же его, махину этакую, убивать-то пойдетъ?

— Какъ кто? — хоромъ закричали господа-помѣщики, — конечно, ты, Иванъ! Кому же еще? Это твоя святая обязанность!

Иванъ даже ротъ разинулъ: такъ его ошеломило.

— Я?—говоритъ.

— Непремѣнно ты. Мы, пожалуй, всѣ тебѣ поможемъ,—только сзади, издали; а тебѣ, какъ младшему питомцу цивилизаціи, надлежитъ впереди всѣхъ, во имя ея, на Змѣя итти и на рогатину его принять.

— Нѣтъ, ужъ увольте,—отвѣчалъ Иванъ,—больно не въ охоту мнѣ драться со Змѣемъ! И въ правѣ-то онъ своемъ правъ, и здоровъ онъ непомѣрно — вѣдь, возясь съ нимъ, идоломъ, животъ

надорвешь. А, главное, пріятели мы извѣчные. — Сами посудите: могу ли я на сосѣда съ рогатиной итти?

— Э, что тамъ „пріятели"! — шумятъ господа, — всѣ мы друзья-товарищи до первой ссоры.

— Ну, это по-вашему, по-господскому, а у насъ, въ мужицкомъ нашемъ разумѣ, совсѣмъ другія понятія. Не пойду. Сами раздразнили Змѣя, сами и унимайте.

— Да вѣдь *твой* Змѣй-то, — кричатъ господа, — *твой*, или нѣтъ? Вѣдь за все, что онъ набѣдокуритъ, *тебѣ* у мирового отвѣчать придется. *Твой* Змѣй, *тебѣ* его и убивать.

Озлился Иванъ.

— Что вы мнѣ тычете „твой" да „твой"? Откуда онъ моимъ сталъ? Ничей Змѣй — свой да Божій. А что пріятели мы, это вѣрно.

На это ему говорятъ съ язвительностью:

— Ха-ха-ха! То-то сосѣдъ-пріятель твой, — отъ большой дружбы, должно-быть, весь твой заборъ по доскѣ расшвырялъ.

Бросился Иванъ къ забору: точно, исщепилъ его Змѣй хвостищемъ, по пескамъ мечучись. Взяла Ивана досада: долго и прочно онъ тотъ заборъ городилъ! — и принялся онъ Змѣя ругать:

— Что же ты, Горыничъ, въ самомъ дѣлѣ, озорничаешь? То дорожку мою испортилъ, теперь заборъ разнесъ. За что? Если и обидѣлъ тебя кто, я тому не причиненъ; я твоей чешуи не бралъ...

А Змѣй реветъ:

— Ой, батюшки! ой, матушки! смертушка моя приходитъ! Гдѣ ужъ мнѣ разбирать, кто бралъ

кто не бралъ... Отъ боли свѣту не вижу. Всѣ вы— черти! Кто ни попадется подъ лапу, такъ и раздавлю. Ой, батюшки! Ой, матушки!

И бухъ, бухъ хвостищемъ по гумну мужикову: только его и видѣли!

— Видишь, — говорятъ одни господа-помѣщики,—какъ Змѣй жестоко взбѣсился: и знать тебя не хочетъ. Напротивъ, тебѣ достается пуще насъ всѣхъ.

— Еще бы! — говорятъ другіе, — земли у Змѣя хотя и много, но аккуратъ, чтобы на брюхѣ спокойно лежать. А что онъ ни метнется, все придетъ ударомъ по сосѣдской землѣ: потому—у себя дома податься ему некуда, толстъ очень.

И хоромъ всѣ кричатъ:

— Бери рогатину, Иванъ, — безпремѣнно тебѣ Змѣя пришибить надо! Не то онъ тебя въ разоръ разоритъ.

Долго упирался Иванъ, но, какъ прибѣжала къ нему его баба да завыла на голосъ, что Горыничъ, подавшись туловомъ, смялъ у нихъ озимь и цѣльное стадо съ ихняго выгона какъ метлою счистилъ,—разгорѣлось въ немъ хозяйское сердце. Взялъ съ телѣги желѣзныя вилы-тройчатки и пошелъ на Змѣя. А тотъ, знай, катается, какъ умалишенный, по лугамъ-полямъ, да причитаетъ:

— Ой, батюшки, ой, матушки! Гдѣ жъ это лиходѣи-то мои попрятались? Такъ бы я вотъ всѣхъ ихъ зубомъ и переѣлъ.

Сталъ супротивъ него мужикъ Иванъ, поклонъ отдалъ, вилы съ плеча снялъ и заговорилъ истово:

— Ну, сосѣдъ Горыничъ, хоть и не твоя вина, что ты взбѣсился и со слѣпу на меня полѣзъ, а съ бѣшенымъ въ сосѣдяхъ мнѣ, мужику, не житье. Больно не хотѣлось мнѣ на тебя руки поднимать, да, видно, таланъ твой таковъ. Крѣпко мы съ тобою дружили, крѣпко и драться станемъ... ну-ка, выходи-ка — кто кого?

КИТАЙСКАЯ ГРОЗА.

(Послѣ боя при Таку).

Въ немногихъ русскихъ домахъ бой при Таку нашелъ столь страшный, тяжелый отголосокъ, какъ въ моемъ мирномъ, глухомъ уголкѣ. Въ то время, какъ я набрасываю эти строки,—ужъ извините, если нескладныя,—изъ-за стѣны слышатся стоны и плачъ сестры, потерявшей брата, сестры героя, отнынѣ незабвеннаго въ русской боевой исторіи, сестры Василія Георгіевича Деденева...

Г-жа Деденева, образованная и трудолюбивая дѣвушка, давно уже работаетъ у меня по разнымъ переводнымъ и справочнымъ занятіямъ. Мнѣ на долю выпала печальная обязанность сообщить ей страшную вѣсть о смертельно раненомъ лейтенантѣ Деденевѣ. Момента этого лучше не вспоминать.

Поэтъ, говоря объ ужасахъ войны, признавался, что ему

.... жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ.

Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ.
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ,
Средь всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подглядѣлъ
Святыя, искреннія слезы.
То—слезы бѣдныхъ матерей...

Этихъ слезъ по В. Г. Деденевѣ пролито не будетъ: онъ сирота, безъ отца и матери. Сперва корпусъ, потомъ служба замѣнили ему семью. Братъ и сестра его жили въ Петербургѣ, а онъ вотъ уже восемь лѣтъ оставался въ дальнемъ плаваніи, такъ трагически заключенномъ на „Корейцѣ", который нынѣ изрѣшетили китайскія пушки. Но трое сиротъ были связаны не только тѣсною — пламенною дружбою. Наблюдая ее по М. Г. Деденевой, я, человѣкъ съ мало развитою способностью къ родственной нѣжности, прямо завидовалъ ей въ огромномъ обиліи этого драгоцѣннаго чувства. Разбросанные за тридевять земель, двое — здѣсь, третій — въ тридевятомъ царствѣ, эти люди только и думали, что другъ о другѣ.

— Вася не пишетъ!—и полное уныніе, котораго не развлечь никакими шутками, глубочайшая апатія, которую не расшевелить самыми интересными новостями.

— Вася написалъ! — и почти дикій восторгъ: веселые глаза, жизнерадостный смѣхъ, шутки, быстрыя движенія, дружелюбіе ко всему міру, остроты.

Отбывъ обязательный пятилѣтній срокъ службы, В. Г. Деденевъ хотѣлъ возвратиться на родину.

Какъ его ждали!.. Обстоятельства не позволили, удержали его на Востокѣ. Свой морской цензъ онъ заплавалъ за два чина впередъ. Будущею осенью его ждали обязательно назадъ въ Петербургъ и въ родное псковское Новоселье.

И вотъ...

Вы сидите себѣ и въ усъ не дуете, наслаждаясь милою жизнью, а въ это время гдѣ-нибудь въ Пекинѣ судьба, въ видѣ скучнаго, безобразнаго китайца, ткетъ ваше несчастіе. Парадоксъ въ этомъ родѣ сочинилъ Гейне. Увы! надъ семьею Деденевыхъ иронія его осуществилась съ буквальною, неумолимою точностью. Китаецъ выткалъ имъ вѣковѣчное несчастіе. За что?

Ужасенъ вѣтеръ смерти, что, дуя на Тихомъ океанѣ, нагоняетъ дожди слезъ и бури отчаянія въ псковскихъ и новгородскихъ захолустьяхъ! И тѣмъ ужаснѣе, что, утирая слезы, захолустья могутъ лишь съ недоумѣніемъ повторять: за что онѣ? откуда надуло ихъ негаданною бѣдою?

Наши газеты полны мало скрываемымъ негодованіемъ по поводу робкой и вялой европейской политики, чьею неизреченною милостью Россія втравлена теперь въ операціи противъ „Большого Кулака“, а лучше сказать—не будемъ обманывать себя — въ войну съ Китаемъ. Въ войну, которая Россіи глубоко безполезна, которой въ Россіи никто не желалъ, не желаетъ и желать не будетъ,— въ войну противоестественную. Ибо, сколь бы побѣдоноснымъ исходомъ она ни кончилась, мы наживаемъ себѣ врага въ природномъ сосѣдѣ, неудалимомъ отъ насъ никакими судьбами на

пространствѣ двухъ третей нашихъ азіатскихъ владѣній. Россіи, какъ шестьсотъ лѣтъ назадъ, снова предоставляется завидная честь—защищать своею грудью европейское благополучіе отъ монголовъ. Trop d'honneur! Мы будемъ таскать голыми руками каштаны изъ огня, а щелкать и ѣсть ихъ станутъ другіе. Таcканье уже началось. Нѣсколько десятковъ русскихъ жизней угасло не за „вѣру, Царя и отечество", какъ искони и безотказно умирали наши солдаты на поляхъ благородныхъ, крестоносныхъ битвъ, но — за прекрасные глаза Вильгельма II, г. Делькассэ и, паче всѣхъ, господина Джонъ Булля.

Китай насъ не ненавидитъ. Мы не ненавидимъ Китая. Онъ для насъ можетъ и долженъ стать источникомъ безконечныхъ выгодъ. Ради нихъ Россія совершила рядъ великихъ культурныхъ подвиговъ, начиная съ сооруженія Сибирской желѣзной дороги. Ничего рѣшительно противъ выгодъ этихъ Китай не имѣетъ, ибо онѣ взаимны. Мы для Китая—огромный органъ, чрезъ который его могучая древняя цивилизація вступаетъ въ мирные компромиссы съ новою европейскою цивилизаціею и понемногу пріобщается къ ней. Всякое европейское вмѣшательство, приходящее въ Китай съ моря, Небесной имперіи ненавистно. Она не хочетъ знать сосѣдей черезъ соленую воду, ни правъ ихъ на общеніе съ нею. Пусть европейская цивилизація — добро, а китайская — зло, — хотя на дѣлѣ это и не такъ, — но Китай желаетъ оставаться при своемъ злѣ, а не при чужомъ мнимомъ добрѣ опіума и іезуитовъ. Онъ глупъ? Хорошо.

Онъ желаетъ и пребыть глупымъ, но хозяиномъ въ своемъ домѣ. Между тѣмъ, его низвели въ его домѣ на степень послѣдняго человѣка. Въ Китаѣ не стало правительства; его замѣнила команда по телефону и телеграфу иностранныхъ миссій. Все это было весьма прекрасно и весьма непрочно. Вѣчная ошибка европейской дипломатіи на Востокѣ заключается въ томъ, что она считаетъ въ восточныхъ государствахъ единицами ихъ деспотическія правительства, а подвластныя таковымъ народы нулями; увеличивающими вѣсъ единицъ, но ничего не значащими въ отдѣльности. Въ дѣйствительности же, правительства на Востокѣ слабы, и отъ нихъ легко добиваться уступокъ, лишь пока уступки не претятъ народному чувству. Послѣднее расколыхать трудно, уже по самой громадности того грознаго человѣческаго океана, на днѣ котораго оно спитъ; чтобы прошла волна по населенію въ 400.000.000 человѣкъ, нужна не та буря, что встряхиваетъ народецъ въ пять-шесть милліоновъ душъ. Кто не билъ китайцевъ? презрительно говорятъ шовинисты. Да, въ правительственныхъ войнахъ, потому что покуда Китаю не случалось еще вести противъ европейцевъ войнъ иного характера. Правительственная война была англо-французская, правительственная — японская. И такъ какъ правительства были слабы, и драться за нихъ было китайцамъ не въ охоту, то легко было и побѣждать китайцевъ. Но то, что происходитъ теперь, весьма похоже на народную войну. Огромное значеніе народныхъ войнъ не намъ, русскимъ, отрицать: мы въ 1812 году побѣдили

народною войною Европу и по пятамъ ея прошли въ столицу міра, въ этотъ ликующій Парижъ, гдѣ теперь такъ весело и такъ... постыдно. Мы шли черезъ Германію. Если китайская народная война, сохрани Богъ, повлечетъ для китайцевъ столь же успѣшное изгнаніе иноплеменниковъ, какъ удалось намъ въ отечественную войну, ихъ послѣдующее наступательное движеніе на Европу должно свершиться черезъ Сибирь и Туркестанъ, то-есть, чрезъ Россію. Мы, конечно, китайцевъ не пропустимъ. Но что же тутъ все-таки утѣшительнаго? Опять — Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ за спиною; опять русская граница, развернутая огромнымъ фронтомъ, выдерживаетъ безчисленныя нападенія безчисленныхъ ратей, въ то время какъ Западная Европа, — опять стоя за нами, какъ за каменною стѣною, — мирно прогрессируетъ и уходитъ отъ насъ впередъ на добрый вѣкъ.

Телеграммы изъ Таку и о Таку — должно оговорить съ гордою искренностью, безъ всякой патріотической фальши: за исключеніемъ телеграммы вице-адмирала Алексѣева, — были бы смѣшны, если бы не были грустны.

Китайскій посланникъ въ Берлинѣ извиняется, что комендантъ Таку защищалъ крѣпость по недоразумѣнію, не дождавшись телеграммы изъ Пекина, повелѣвавшей сдачу... Очень утѣшительно для Буракова, Деденева, Титова и сотни русскихъ матросовъ, которымъ недоразумѣніе это стоило — кому жизни, кому тяжелыхъ ранъ! Ужасно умирать отъ разумной войны, но еще болѣе ужасно стать неповинною жертвою какого-то трагическаго

qui pro quo. Ахъ, извините, мы отстрѣлили вамъ голову... Мы, конечно, не имѣли никакого права ее отстрѣливать, но намъ поздно сообщили о томъ... Наши телеграфы преподло работаютъ... Впередъ, конечно, мы будемъ осторожнѣе, и другой головы вамъ, если выраститъ, безъ приказа не отстрѣлимъ!.. Вѣдь это же издѣвательство!

А телеграмма Делькассэ, грозящаго вице-королю Юннана изъ Парижа?!

За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!

Правда, сорву не сейчасъ, а этакъ послѣ 3 іюля, когда съ помощью Божіей удастся добраться туда французскому отряду на отряжаемыхъ нынѣ крейсерахъ. Развѣ это политика? Это — крикъ ребенка. Дитяти разсказали о пятнахъ на лунѣ сказку будто тамъ Каинъ убиваетъ Авеля. Дитя грозитъ кулачкомъ и вопитъ:

— Не смѣй, гадкій Каинъ, трогать Авеля, а не то я тебя самого поколочу.

Но луна далеко, Юннанъ тоже, и Каинъ, посмѣиваясь въ усъ, выбиваетъ изъ Авеля душу.

Китайцы трусы? А что, если это вѣковое заблужденіе?

Знаете ли, семьсотъ убитыхъ и только сто плѣнныхъ... битвы исторически храбрыхъ англичанъ съ бурами пріучили насъ совсѣмъ къ обратнымъ пропорціямъ. Теперь, когда буры почти побѣждены, они не знаютъ, что имъ дѣлать съ толпами плѣнныхъ англичанъ, затрудняющими ихъ движенія своими массами. Китайцы, можетъ-быть, плохо

нападаютъ, но должно-быть, умѣютъ умирать. А это не шутка. Врагъ, который позволяетъ истреблять себя массами,— страшный врагъ. Вѣроятно, епископъ Гаттонъ, когда напали на него крысы, передушилъ не одинъ ихъ десятокъ, но, въ концѣ-концовъ, крысы съѣли епископа Гаттона.

Мы побѣдили при Таку, побѣдили хорошо, при не слишкомъ значительной потерѣ, хотя отъ китайцевъ никто и такой прыти не ждалъ. Теперь вопросъ: что будетъ изъ того, что мы побѣдили и побѣдимъ еще и еще? Cui prodest?

Намъ, русскимъ? Да вѣдь у насъ и безъ того прекрасныя старыя отношенія съ Китаемъ. Они портятся только тогда, когда между извѣчными друзьями начинаютъ шнырять черными кошками— прыткій Джонъ Булль, японскія обезьянки или вдругъ просовывается нѣмецкій, закованный въ броню, кулакъ.

Ахъ, этотъ броненосный кулакъ... Сколько назвенѣлъ и нагремѣлъ онъ въ свое время! Какъ гордо имъ стучали по столу: разумѣйте-де, языцы, и покоряйтеся! И что же? тѣмъ самымъ языкамъ, коимъ онъ былъ показанъ, т.-е. намъ, русскимъ, приходится теперь проливать кровь сыновъ своихъ, чтобы не дать броненосный кулакъ въ обиду кулаку безъ всякой брони, но большому и увѣсистому, и поддержать его въ неравномъ бою.

Польза европейскимъ державамъ?

Но вѣдь вся политика европейскихъ державъ въ Китаѣ всегда клонилась исключительно къ тому, чтобы ослабить русское вліяніе, отнять, для

себя, у русскихъ возможныя выгоды, разрушить добрыя отношенія двухъ сосѣдей-великановъ. Конечно, весьма великодушно съ русской стороны заплатить добромъ за зло. Но въ то же время мы куемъ себѣ вѣковѣчнаго могучаго врага, не пріобрѣтая ни одного искренняго друга. Ибо — когда намъ придется отстаивать отъ врага уже самихъ себя — кто знаетъ? — не окажется ли и тогда, какъ теперь, эскадра нашихъ друзей и союзниковъ совершенно и блестяще готовою... къ увеселительной прогулкѣ въ Ла-Маншъ, по случаю какой нибудь новой выставки? А „Гиляки“ и „Корейцы“ будутъ подставлять свои бока подъ бомбы, а Бураковы, Деденевы, Титовы—полагать головы. Ибо — „не въ первой!“

Польза европейской цивилизаціи?

А какое намъ, спрашивается, до нея дѣло? Цивилизація сама по себѣ повелительная сила, а не ребенокъ на помочахъ. Гдѣ она необходимость, тамъ она внѣдряется силою собственнаго тяготѣнія. Если Китай желаетъ ея, онъ обзаведется ею самъ, какъ обзавелись мы, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Если не желаетъ, ужъ, во всякомъ случаѣ, не наша печаль ее Китаю навязывать. Позвольте! — скажутъ мнѣ: обязанность странъ культурныхъ уподоблять себѣ страны дикія. Да Китай совсѣмъ не дикая страна! у него есть цивилизація, чуждая нашей, но столь же развитая и прочная, если еще не болѣе убѣжденная. Она — косная, она — врагъ прогресса! Да намъ-то отъ того какая грусть? Вѣдь китайцамъ съ нею жить, а не намъ. Хороша она имъ, — ну, и пусть

радуются! о вкусахъ не спорятъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ китайцы хотѣли напугать англо-французскій десантъ деревяными пушками, крашенными подъ бронзу и сталь, а теперь они со своихъ фортовъ сами калѣчатъ броненосныя суда. Подумаешь, — какое удивительное благополучіе для Европы отъ внесенной въ Китай европейской цивилизаціи!

— Помилуйте! надо же, чтобы въ Китаѣ можно было жить европейцу!

Да ему и можно было бы жить, если бы онъ, какъ наши кяхтинцы и т. п., признавалъ китайца имѣющимъ такое же право, какъ и всякій европеецъ, имѣть отечество, домъ, личную и государственную независимость. А то вѣдь, въ сущности говоря, защищать права европейцевъ въ азіатскихъ земляхъ почти все равно, что вырабатывать своимъ горбомъ постороннему человѣку привилегію класть ноги на чужой обѣденный столъ. Что видѣлъ Китай добраго отъ Европы? Ея вліяніе растлѣвало его старую цивилизацію, а изъ своей она не давала ему ничего или почти ничего хорошаго. Даже христіанство — и то понесли ему іезуиты въ такихъ грубыхъ и суевѣрныхъ формахъ, что Китай, тысячи лѣтъ обладающій философскими религіями, возненавидѣлъ миссіонеровъ, какъ какихъ-то нечистыхъ колдуновъ.

Мы, русскіе, до сихъ поръ не любимъ воспоминаній о берлинскомъ трактатѣ, гдѣ Европа однажды продиктовала намъ свою волю, и вышли мы побѣжденными побѣдителями. А вѣдь въ Китаѣ, съ его 400.000.000 подданныхъ, берлинскіе

трактаты переживаются чуть не каждый день. Одни русскіе всегда хоть нѣсколько церемонились съ Китаемъ, и съ одними русскими зато не отказывался ладить китайскій народъ, и однихъ русскихъ онъ уважалъ и боялся, какъ націи спокойной, не сующейся не въ свое дѣло. Теперь, когда китайскому народу берлинскіе трактаты надоѣли, и онъ пробуетъ заявить, что имѣетъ свою волю, намъ же приходится давить эту волю и доказывать оружіемъ, что берлинскіе трактаты — чудеснѣйшая вещь, но лишь тупыя китайскія головы не понимаютъ, сколько въ нихъ тайной сласти.

— Умирать, ваше-ство, мы завсегда согласны!— сказалъ на смотру солдатъ генералу. Это звучитъ даже сильнѣе и выразительнѣе, чѣмъ римское dulce et decorum est pro patria mori. Но — pro patria это одно, а pour le roi de Prusse — это другое.

И ужъ если наши европейскіе друзья требуютъ, чтобы русскіе за нихъ умирали, такъ — хотя бы затѣяли настоящую войну, а не „недоразумѣніе“ по телеграфной неисправности, послѣ котораго приносятся извиненія за нечаянный отстрѣлъ головы и продырявленіе канонерскихъ лодокъ.

Миръ праху нашихъ героевъ! Умерли хорошо, честно, красиво, съ побѣдою. Конечно, приходится больше завидовать такой смерти, чѣмъ жалѣть о ней. Осколокъ китайскаго ядра въ високъ—лучше, чѣмъ размѣнять свои силы въ бездѣйствіи по мелочамъ и, сойдя на нѣтъ, —

Скончаться посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей...

Вотъ только женскія слезы эти, да стоны, да проклятія... тяжко ихъ слышать, и не находишься, что имъ противопоставить въ отвѣтъ. Развѣ что извѣчное:

— Молитесь... За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадетъ!

О китайцахъ, бурахъ, Львѣ Толстомъ и прочихъ недоумѣніяхъ.

Полвѣка назадъ война съ китайцами казалась чѣмъ-то нелѣпымъ, невообразимымъ, смѣшнымъ.

> **Есть слухъ: война съ Китаемъ! —**
> **Нашъ батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ! —**

Вотъ какую новость придумалъ мужикъ въ крыловской баснѣ, когда ему понадобилось озадачить деревенскихъ политикановъ совсѣмъ ошеломляющею небывальщиною. И дѣйствительно озадачилъ, да такъ здорово, что, покуда политиканы „судили, да рядили“, мужикъ, подъ шумокъ, — говоря простымъ, удобопонятнымъ языкомъ россійскихъ марксистовъ, — лишилъ товарищей части питательнаго блага, причитающейся на ихъ долю по распредѣленію изъ общей суммы накопленія богатствъ страны. То-есть, въ переводѣ на русскую рѣчь, всѣ щи слопалъ... Я съ грустью думаю, что дѣдушка Крыловъ, — недаромъ же Бѣлинскій звалъ его Конфуціемъ нашей литературы! — окажется правъ и для нашего времени. Извѣстіе о войнѣ съ Китаемъ обрушилось на русское общество, какъ громъ изъ яснаго неба, —

фокусъ погоды, который можетъ ошеломить до полоумія человѣка, даже настолько отчаяннаго, что рѣшается ввѣрять судьбы свои календарю г. Демчинскаго и, слѣдовательно, быть готовымъ ко всякимъ изступляющимъ умъ неожиданностямъ въ природѣ. Озадаченные до нельзя, мы судимъ и рядимъ, и — я боюсь, что кто-нибудь, тѣмъ временемъ, пришипившись въ уголку, подъ общій говоръ, ѣстъ втихомолку, ложка за ложкою, наши вкусныя, жирныя щи.

Полвѣка назадъ надъ войною съ Китаемъ смѣялись не только въ басняхъ. На Александринскомъ театрѣ шла комедія „Война Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами", перешедшая потомъ въ репертуаръ балагановъ. Ѳедосья Сидоровна разгоняла китайскую армію ухватомъ. Раекъ рукоплескалъ. Судя по телеграммамъ съ театра военныхъ дѣйствій, въ Пекинѣ очень и очень не достаетъ этой удивительной Ѳедосьи Сидоровны, съ ея ухватомъ. Тамъ, за ея воинственныя гастроли, державы дали бы хорошія деньги. Но — увы! Ѳедосья Сидоровна умерла еще до Севастопольской кампаніи, а ухватъ ея пропалъ безъ вѣсти, и Богъ одинъ знаетъ, кто имъ теперь ворочаетъ печные горшки. Броненоснымъ же судамъ и удалымъ атакамъ моряковъ современный Китай оказываетъ гораздо больше сопротивленія, чѣмъ театральный Китай дѣдовъ — бутафорскому ухвату ряженой русской бабы. Льется кровь, а не театральныя словоизверженія, кровь дорогая, родная кровь. Русскіе бьются, побѣждаютъ, и — смерть ли, побѣда ли, — все то же недоумѣніе въ умахъ: зачѣмъ?

Войну буровъ всѣ понимали. Всѣ сочувствовали геройскому народу, отстаивающему свою самостоятельность противъ могучей европейской державы, всѣ рукоплескали борьбѣ Давида съ Голіафомъ и надѣялись, что, какъ въ извѣстномъ еврейскомъ анекдотѣ о борьбѣ этой, „Давидки имѣютъ себѣ такую свою комбинацію“, при которой мѣдный лобъ Голіафа будетъ обязательно прошибленъ камнемъ, а затѣмъ слетитъ съ плечъ и самая голова великана. Когда у Давида не оказалось комбинаціи, и Голіафъ сталъ одолѣвать, по всему земному шару начались поиски охотника вступиться за Давида и припугнуть Голіафа. Такого охотника на всемъ земномъ шарѣ не нашлось. Народы стыдили другъ друга невниманіемъ къ бѣдѣ Давида и наперерывъ хвастались своими къ нему симпатіями. Тутъ и наша русская копеечка не щербата!.. Но, тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ Голіафу никто не рѣшился даже кулака показать; только газеты ругались издали, чѣмъ, впрочемъ, по библейскому сказанію, занимались отъ скуки и евреи Саулова стана до прихода къ нимъ Давида. Въ особенности много издѣвательствъ вызвало откровенное нежеланіе вмѣшаться въ трансваальскую войну со стороны правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Льва Николаевича Толстого, великаго проповѣдника Христова мира на землѣ, произвели чуть не въ изверги за то, что онъ отказался совѣтовать американцамъ итти войною на англичанъ и бойню, уничтожающую тысячи людей, превратить въ бойню десятковъ и даже сотенъ

тысячъ. Позволяю себѣ повторить здѣсь соображенія, которыя въ свое время противопоставилъ я этому странному недоразумѣнію.

* *
*

Льва Николаевича Толстого жестоко бранятъ и даже обзываютъ Пилатомъ за то, что онъ отказался просить правительство Соединенныхъ Штатовъ, чтобы оно запретило англичанамъ воевать съ бурами. Злобно и рѣзко говорится, что „Л. Н. Толстой умылъ свои руки въ крови буровъ". Повторяются старые упреки, что „самъ проповѣдникъ огражденъ въ своихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ и нанятымъ лакеемъ, и дворникомъ, и тѣмъ же городовымъ, судьей и солдатомъ, которыхъ не признаетъ, но косвенными услугами которыхъ volens-nolens — пользуется, а тому народу, въ страну котораго ворвалась орда грабителей и убійцъ, рекомендуетъ заповѣди непротивленія".

Давнымъ-давно, совсѣмъ молодой и бодрый духомъ, совершилъ я пѣшее путешествіе по Кавказу. Много испыталъ я въ немъ приключеній, имѣлъ курьезныхъ встрѣчъ. Одну изъ нихъ — въ деревнѣ Казбекъ. Заночевавъ у рекомендованнаго мнѣ во Владикавказѣ охотника-осетина, я поутру отправился на почтовую станцію завтракать. Подхожу къ станціи, — на крыльцѣ мотается, еле можаху, какая-то вдребезги пьяная, — издали вижу, — несомнѣнно московская фигура. Видитъ меня и устремляется съ воплями и объятіями:

— Дррругъ!!! к'кими судьбами?

Оказывается: извѣстный московскій вивёръ — капиталистъ, изъ крупныхъ коммерсантовъ, нынѣ уже покойный, — царство ему небесное! — хотя весьма сомнительно, чтобы его туда пустили... да и что бы онъ тамъ сталъ дѣлать?!

— К'кими судьбами?!

— Путешествую, какъ видишь. А вотъ тебя-то зачѣмъ сюда занесло?

— Меня? На Казбекъ желаю!

— Зачѣмъ?!

— Желаю на Казбекъ, потому — очень я его, подлеца, возненавидѣлъ!

— Чортъ знаетъ, что ты мелешь!

— Не „чортъ", а я, быть-можетъ, и пью-то третій день отъ того, что желаю на Казбекъ. Какъ сказалъ мнѣ проводникъ, что ноги на немъ, бѣломъ идолѣ, человѣческой не было,—тутъ я его и возненавидѣлъ: желаю на Казбекъ, — и шабашъ!

— И полѣзешь?

— Полѣзу!

— Смотри: долѣзешь ли?

— Коли не долѣзу, осетинамъ денегъ не заплачу, — потому условлено, чтобы безъ обману: привели на вершину, — половину денегъ изъ рукъ въ руки; довели обратно на станцію, — получай другую половину и магарычъ.

— Ну, давай тебѣ Богъ вернуться цѣлымъ. Что же ты теперь здѣсь-то, на крыльцѣ, одинъ топчешься?

— А это я такую манеру взялъ, чтобы къ нему по утрамъ примѣряться.

— Къ Казбеку?

— Къ Казбеку. Ишь, анаѳема, какой стоитъ дылдастый да бѣлый! Погоди, будешь ты меня помнить, чортовъ кумъ! — Такъ вотъ, — по цѣлымъ утрамъ на него глазѣю, ругаю его да кулакомъ грожусь...

— Страху, значитъ, напущаешь? Ну — что же? Спьяну, и то — занятіе! Только не понимаю, что будешь ты на вершинѣ Казбека дѣлать? Тамъ вѣдь кахетинскаго не найдешь...

— Какъ — что, милый человѣкъ?! Харкну ему всею пастью на самую маковку, гдѣ снѣжокъ почище, да и назадъ пойду.

— Затѣмъ только и полѣзешь?

— Затѣмъ. Наплюю и доволенъ буду. И въ книгѣ станціонной распишусь: лазилъ такой-то купецъ, первой гильдіи, на горишку Казбекъ и наплевалъ ему на темя... А то — бѣлый! Вырости-ка меня въ экую дылду, я, братъ, тоже бѣлый буду! Подъ облака-то торчать — это не пенькой торговать!

Лѣзть на Казбекъ бѣднягѣ все-таки не пришлось, потому что къ вечеру того же дня купецъ сталъ задумываться, опасливо поглядывать вокругъ себя мутными глазами и смахивать съ лацкановъ пиджака „незримые предметы“. А ночью вдругъ забушевалъ, переломалъ у себя въ номерѣ всю мебель, и, когда поутру я пришелъ его провѣдать, было уже поздно: московскаго альпиниста увезли въ Капкай, связаннаго, въ жесточайшемъ припадкѣ delirium tremens.

Нападки на Л. Н. Толстого раздаются довольно часто. Нападаютъ иной разъ люди убѣжденные,

со злобою не пустяковою, страдальчески нападаютъ, идейно. И все-таки, когда приходится знакомиться съ противниками Толстого, мнѣ всякій разъ припоминается непорочно бѣлый, величаво ушедшій въ синія небеса Казбекъ, тихій, задумчивый, курящійся, какъ ѳиміамомъ, голубыми парами ущелій, и у ногъ его — маленькій, мятущійся, пьяненькій человѣчекъ, который никакъ не можетъ простить Казбеку, что онъ такъ великъ и незапятнанно-бѣлъ.

Прочитавъ письмо И. Г. въ редакцію „Россіи", съ выговоромъ Толстому за невмѣшательство въ англо-бурскія дѣла, я подивился не столько этому письму, сколько вообще идеѣ — привлекать Льва Николаевича къ подобному вмѣшательству. Его упрекаютъ, будто онъ, „ослѣпленный мечтою объ абсолютной правдѣ и гуманности, словно въ сомнамбулическомъ снѣ, съ закрытыми глазами, ходитъ по головамъ живыхъ людей только потому, что не хочетъ посчитаться съ обстоятельствами реальной жизни". Увы! Это упрекъ, который, тысячу восемьсотъ шестьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ, былъ неоднократно поставленъ современною близорукостью Высшему Существу, слѣдовать которому по евангельскимъ путямъ, вотъ уже четверть вѣка, такъ страстно и настойчиво приглашаетъ насъ Левъ Николаевичъ Толстой. Увы! И у Христовыхъ „нравственныхъ ученій нѣтъ реальной исторической почвы", и они — „отвлеченная мораль, внѣ условій пространства и времени". Въ то самое время, когда Христосъ проповѣдывалъ: „возлюби ближняго, какъ самого

себя“, на окраинахъ цивилизованнаго міра шли кровопролитныя войны противъ культурныхъ или некультурныхъ народовъ и даже — по странной случайности — въ странѣ фризовъ (28 г. по Р. Хр.), которые, черезъ голландцевъ, приходятся дѣдушками современнымъ бурамъ. Христосъ не любилъ войны, Христосъ осудилъ воюющихъ, сказавъ глубокую истину, что „взявшійся за мечъ, отъ меча и погибнетъ“. Христосъ не вмѣшивается въ политическіе вопросы кипѣвшей вокругъ Него преходящей жизни. Даже революціонное броженіе въ самой Іудеѣ, гдѣ Онъ ходилъ со Своею проповѣдью къ грядущимъ вѣкамъ, почти не имѣетъ въ Евангеліи отклика, хотя бы теоретическаго. Кесарево — кесарю, а Божіе — Богу, вотъ отвѣтъ Христовъ, явившійся отказомъ дать лозунгъ іудейской націоналистической революціи, но зажегшій глубокимъ смысломъ своимъ всемірную общечеловѣческую революцію, которая длится на исходѣ уже второго тысячелѣтія, и — когда-то будетъ ея конецъ съ Новымъ Іерусалимомъ и блаженнымъ millennium!.. Христіанская легенда говоритъ, что императоръ Тиверій былъ расположенъ къ христіанству и даже хотѣлъ ввести Христа въ число божествъ римскаго народа. Вообразите теперь, что — хотя бы по поводу этого же возстанія фризовъ, предковъ нашихъ буровъ, — Христосъ обратился бы къ Тиверію съ представительствомъ за маленькій грубый народъ, который не надлежитъ угнетать великому образованному народу! И, если бы не послушалъ Тиверій, — то написалъ бы письмо, съ просьбою

о вмѣшательствѣ въ римско-фризское столкновеніе враждебному римлянамъ пароянскому царю!.. По мнѣнію людей, живущихъ интересами насущнаго дня, такъ бы именно Христу и слѣдовало поступить, тѣмъ бы онъ и *доказалъ* свое человѣколюбіе. Но вотъ вопросъ: если бы Христосъ поступилъ такимъ образомъ, повѣрила ли бы, затѣмъ, вселенная въ Его ученіе, отрицающее силу меча и царство отъ міра сего? Разумѣется, нѣтъ. Потому что, кто приглашаетъ, чтобы унять разрушительную работу одного меча, другой мечъ, все-таки, значитъ, самъ вѣритъ въ мечъ, хотя бы призывалъ его не прямо для кровопролитія, а только для угрозы.

Кто грозитъ, тотъ долженъ быть готовъ и выполнить угрозу. Вообразимъ себѣ, что Толстой написалъ увѣщаніе Соединеннымъ Штатамъ, что американскій народъ вдругъ проникся словами великаго русскаго писателя до глубины сердечной настолько, что заставилъ свое правительство сдѣлать англичанамъ представленіе: либо перестаньте воевать съ бурами, либо и мы будемъ съ вами воевать. Англичане отвѣчаютъ: очень хорошо, воюйте и вы. Такимъ образомъ, вмѣсто одной войны, зажигаются на земномъ шарѣ двѣ войны, — и кто же оказывается, если глядѣть въ корень, авторомъ новаго кроваваго пожара, горшаго перваго?—Врагъ войны, убѣжденный, что она величайшій грѣхъ, ужаснѣйшее зло въ человѣчествѣ.

— Учитель, — съ недоумѣніемъ говорятъ ему благоговѣйные ученики, — вотъ, до твоего вмѣша-

тельства погибло отъ войны двадцать тысячъ буровъ и англичанъ. Ты возбудилъ войну за буровъ между англичанами и американцами, и въ ней погибло уже сорокъ тысячъ человѣкъ... Что же это значитъ, учитель?

— То, что война есть величайшее зло, и что непреложна Христова правда: вынувшій мечъ отъ меча погибаетъ.

— Зачѣмъ же, учитель, ты втравилъ двѣ націи въ величайшее зло и заставилъ ихъ обнажить мечи?

— Затѣмъ, что непреложныя истины — сами по себѣ, а, по требованіямъ минуты, имъ бываетъ и преложеніе.

— Воля твоя, великій учитель, а ты говоришь какую-то ерунду: если истина можетъ быть преложима во имя чего бы то ни было, значитъ, она не непрѐложна, а если она не непреложна, то она и не истина, но развѣ лишь призракъ истины.

— Вы совершенно правы, дѣти мои!

— Итакъ, мы можемъ стесать съ своихъ скрижалей Христову заповѣдь о мечѣ? Она несовершенна?

— О, нѣтъ: она-то совершенна, но міръ, въ которомъ мы живемъ, такъ несовершенно мыслитъ, что, хотя твердитъ ее наизусть чуть не каждый день и часъ, тѣмъ не менѣе, убѣжденъ до сихъ поръ, будто насиліе можно поправить другимъ насиліемъ. Итакъ, надо сдѣлать уступку міру и пожертвовать совершенною правдою въ пользу его ошибки.

— Но это значитъ солгать, учитель?

— Что же дѣлать? Иначе насъ обвинятъ въ томъ, что мы, „считаясь только со своимъ идеаломъ, очень мало вниманія обращаемъ на своего ближняго“, „оправдываемъ войну“, „доводимъ человѣколюбіе до пассивной антропофагіи“, „приносимъ въ жертву своей послѣдовательности не свою, а чужую жизнь... много чужихъ жизней“. Насъ будутъ учить тому, что „жизнь сдѣлается хоть крошечку свѣтлѣе и лучше“ лишь тогда, когда люди „научатся служить добру не въ разговорахъ, не въ проповѣдяхъ, не въ мечтахъ, а въ реальныхъ условіяхъ своего существованія“. А для этого „необходимо, прежде всего, отказаться отъ абсолютизма нравственныхъ идеаловъ, свести мораль съ неба на землю, поставить ея требованія въ рамки исторически возможнаго и реально достижимаго“.

— Позволь, учитель. „Отказаться отъ абсолютизма нравственныхъ идеаловъ и т. д.“ — это что значитъ?

— А это значитъ — христіанство безъ вѣры въ правду Христа, христіанство, пріявшее три искушенія діавола въ пустынѣ. Христіанство, которое къ словамъ непреложныхъ истинъ Христовыхъ прибавляетъ оговорку — „поскольку то̂ діаволъ разрѣшитъ“.

— Все это очень похоже на старое язычество, учитель.

— Да такъ оно и есть, дѣти мои. Настолько такъ, что вотъ — мы съ вами думаемъ по Христу, что мечъ губительнѣе всего для тѣхъ, кто его изъемлетъ, что только не судящіе несудимы

будутъ, а насъ за это уже обвинили, какъ тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, въ odium generis humani, въ намѣреніи разрушить всякую государственность... „Жажда абсолютнаго добра опять приводитъ къ торжеству зла, къ гибели многихъ хорошихъ и свѣтлыхъ началъ“.

— Постой, учитель! Стало - быть, абсолютное добро есть начало нехорошее, темное? Стало-быть, оно есть вредъ?

— Такъ говоритъ въ концѣ XIX вѣка христіанство безъ Христа, а въ I—III вѣкѣ такъ разсуждала политическая мудрость языческаго міра.

— Ты сказалъ: христіанство безъ Христа. Зачѣмъ же они тогда сохраняютъ это священное наименованіе своей вѣры, зачѣмъ заучиваютъ наизусть завѣтъ Христовъ, зачѣмъ повторяютъ, что изъ закона Его не прейдетъ ни единой іоты?

— Затѣмъ, что они вѣрятъ, что все-таки наступятъ такія „грядущія тысячелѣтія“, когда Христова правда будетъ царить въ человѣчествѣ — чистая, безъ компромиссовъ съ тремя искушеніями діавола.

— Когда же настанутъ эти „грядущія тысячелѣтія“?

— Они вѣрятъ, что не скоро, черезъ „десятки вѣковъ“.

— Какъ узнаетъ міръ объ ихъ приближеніи?

— Вѣроятно, потому, что будетъ увеличиваться число людей, желающихъ исповѣдывать чистаго Христа, то-есть абсолютное добро, и отметать компромиссы съ дьяволомъ.

— Ты сказалъ: увеличиваться... Но то, что увеличивается, должно сперва начаться?

— Разумѣется. Вотъ мы и дали поэтому себѣ слово жить идеаломъ Христа, а не житейскимъ озлобленіемъ.

— И вотъ, значитъ, мы снова у начала спора: какъ же мы начнемъ рядъ исповѣдниковъ чистаго Христа, когда на первыхъ же шагахъ пошли къ компромиссу — оправдали войну, признали возможность добра въ насиліи, подстрекнули націю противъ націи, и — въ то время, какъ поля заваливаются трупами,— мы съ удовольствіемъ думаемъ, что есть въ этомъ великомъ торжествѣ человѣколюбія капелька и нашего меда?

Право, большой логическій курьезъ: идеала Христовой этики мы не отмѣняемъ, но, кто желаетъ начать жить по ней, того либо производимъ въ юродивые, либо предлагаемъ ему отказаться отъ общества, какъ лишнему въ немъ человѣку, и погрузиться въ самодовлѣющій аскетизмъ; либо, наконецъ,— если рѣчь идетъ не о случайномъ, обыкновенномъ человѣкѣ, но о такомъ геніи, какъ Левъ Толстой, котораго сами же называемъ „величайшимъ моральнымъ авторитетомъ цивилизованнаго міра“, — негодуемъ на „дезертирство лучшихъ нравственныхъ силъ съ браннаго поля общественнаго и государственнаго служенія“. Видите ли, господа: если вы находите силы эти „лучшими нравственными“, а Толстого — „величайшимъ моральнымъ авторитетомъ“, то вамъ придется согласиться, что и сказанное дезертирство ихъ, и поведеніе Л. Н. Толстого, хотя бы въ

томъ же бурскомъ вопросѣ, не можетъ быть капризомъ „абсолютнаго гуманизма". Прежде всего уже потому, что „абсолютный гуманизмъ" капризовъ въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку не допускаетъ. А разъ оно не капризъ, но результатъ глубоко обдуманной и прочувствованной системы дѣйствій, то не резонъ налетать на чужую мудрость съ гоненіемъ и проклятіями только потому, что она мыслитъ иначе, чѣмъ наша смѣкалка. Системы оспариваются доводами, а не разрушаются швыряемыми въ нихъ каменьями. Затѣмъ, будьте послѣдовательны въ полемическомъ азартѣ. Если Толстой обуянъ „ошибочностью основныхъ методовъ разсужденія", если обнаружена „полная несостоятельность его моральнаго абсолютизма", — за что же, въ самомъ дѣлѣ, вы называете его „величайшимъ моральнымъ авторитетомъ"? Неужели за то, что онъ проповѣдывалъ „основную неправду", „ложные принципы", маскированное, „попустительство злу и насилію"? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ, и вы это очень хорошо знаете. Потому что идеалъ-то Льва Толстого — правильный, вы всѣ признаете его, но „сіяніе вещества" держитъ васъ за фалды на пути къ этому идеалу, а Толстой свои фалды высвободилъ и шагаетъ, свободный, мужественный, увѣренный.

— Ну, потѣшь „сіяніе вещества", солги хоть немножко!

— Не желаю.

— Да вотъ, хоть о войнѣ. Ты говоришь: война — пакость?

— Пакость.

— Ну, и прекрасно. Пусть будетъ пакость. Но это — всякая война, война въ идеѣ, понимаешь ли? Но вотъ война сѣверо-американцевъ съ англичанами въ защиту буровъ пусть будетъ не пакость. Всѣ войны пакость, а эта — исключеніе. Хорошо?

— Совсѣмъ не хорошо. Такая же война, какъ всѣ войны. Людей убиваютъ.

— Экой ты! Ну, если не хочешь, чтобы людей убивали, сдѣлай, чтобы хоть погрозили, что будутъ убивать.

— Зачѣмъ же я буду вводить людей въ грѣхъ словъ и помышленій объ убійствѣ?

— Вотъ, и толкуй съ тобой! Нѣтъ, ты эгоистъ-самосовершенствователь, тебѣ ничто чужая кровь, чужіе стоны и т. д., и т. д...

Й пошла писать губернія!

Такимъ-то образомъ и получается, что, покуда мы размышляемъ абстрактно о правдѣ Христовой — Левъ Николаевичъ Толстой, проповѣдникъ ея по Евангелію, является „величайшимъ моральнымъ авторитетомъ цивилизованнаго міра“. Но едва эта правда желаетъ воплотиться въ практическую систему жизни и мышленія, „сіяніе вещества“ чувствуетъ свои права нарушенными и толкаетъ насъ возмущаться Толстымъ, лгать на Толстого, навязывать ему низменныя побужденія и пр. И опять, на ряду съ возмущеніями, — расшаркиваніе объ авторитетахъ, о лучшихъ нравственныхъ силахъ. Полемисты-церковники, ведущіе противъ Толстого брань на почвѣ догматическаго православія, по крайней мѣрѣ, этимъ лицемѣріемъ

не грѣшатъ: прямо говорятъ — еретичествуетъ Левъ Толстой въ томъ-то и томъ-то противъ ученія господствующей Церкви, а потому и берегитесь его заблужденій, православные христіане!.. Это — голосъ, враждебный Толстому, но голосъ твердый, голосъ религіозной партіи. Свѣтская же полемика съ Львомъ Толстымъ—всегда мечущійся изъ угла въ уголъ испуганный заяцъ, коему и сытымъ хочется быть, и капустку сберечь.

* *
*

За высказанныя мысли я удостоился получить отъ людей, храбрыхъ драться чужими кулаками, нѣсколько писемъ съ самою неистовою руганью. Пришлось вести и пылкіе разговорные споры.

Эти нападки на Льва Николаевича Толстого за отказъ натравливать Соединенные Штаты на Англію переносятъ мысль мою къ недалекой исторической эпохѣ, когда Россія сама стояла во мнѣніи всей Европы не лучше, чѣмъ теперь Англія: въ 1863 г. Польша бунтовала, мы усмиряли ее очень неувѣренно, а Европа ей рукоплескала. Въ самомъ русскомъ обществѣ было много людей, сочувствовавшихъ полякамъ, какъ теперь въ Англіи не мало бурофиловъ. Болѣе того: даже столь энергическіе борцы за государственную цѣльность имперіи, какъ М. Н. Катковъ, на первыхъ порахъ еще обмолвливались фразами, которыя свидѣтельствовали, что въ душѣ они совсѣмъ не такъ непримиримы, какъ на словахъ. „Если бы,—писалъ Катковъ въ январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1863 г.,—

вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы дать Польшѣ лучшія учрежденія, чтобы предоставить ей полное самоуправленіе и національную администрацію, тогда объясняться было бы легко; тогда всякому русскому можно было бы отъ души сочувствовать полякамъ, не становясь измѣнникомъ своему отечеству". Государь императоръ Александръ Николаевичъ объявилъ, 31 марта, амнистію всѣмъ „изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ Нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые не подлежатъ отвѣтственности за какія-либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ Нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до $^1/_{13}$ будущаго мая". Что положило конецъ этому настроенію уступокъ? что заставило его смѣниться патріотическимъ озлобленіемъ, не хотѣвшимъ болѣе слышать о какихъ бы то ни было сдѣлкахъ и соглашеніяхъ, обратившимъ временно имя поляка въ столь же ненавистное на Руси, какъ сейчасъ въ Англіи, имя бура? Правда, у насъ не водили по улицамъ ословъ, гримированныхъ подъ Крюгера, но зато не позволяли актерамъ, одѣтымъ поляками, выходить на сцену во второмъ актѣ „Жизнь за Царя" и рукоплескали Муравьеву, который, конечно, былъ не мягче Китченера. Откуда же такой, съ Божіею помощью, оборотъ неожиданный?

А вотъ откуда: Европа вмѣшалась. И вмѣшалась не оружіемъ, что, по крайней мѣрѣ, могло навести страхъ, но дипломатическими угрозами, подобными тѣмъ, какихъ ждали теперь отъ Соединенныхъ Штатовъ по адресу Англіи и за несогласіе

на убѣжденіе къ которымъ сѣверо-американскаго правительства попалъ у нѣкоторыхъ чуть не во враги рода человѣческаго Левъ Николаевичъ Толстой. Чего хотятъ отъ него? Чтобы онъ поставилъ себя въ такое же глупое положеніе, какъ въ 1863 году Эмиль де-Жирарденъ? Послѣдній, съ истинно гальскимъ легкомысліемъ, что называется, „понюхавъ“ сверху польскій вопросъ, разрѣшилъ его смаху, чуть не въ пять минутъ времени, и затѣмъ напечаталъ въ своемъ журналѣ „La Presse“ весьма курьезное открытое письмо къ императору Александру II, требуя автономіи Польши, съ вознагражденіемъ за нее... платоническою благодарностью со стороны поляковъ! Письмо то Эмиль де-Жирарденъ напечаталъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, по ходу событій самъ очень хорошо понялъ, что сунулся въ воду, не спросясь броду; что водить пальцемъ по картѣ, намѣчая границы, не значитъ рѣшать судьбы народовъ; а также — что изъ благодарности шубы не сошьешь, а исторію сентиментальными фразами не зачеркиваютъ. Больше того: Эмилю де-Жирардену пришлось въ томъ же году заступиться за права русскаго народа противъ чрезмѣрныхъ притязаній польскихъ патріотовъ и даже намекнуть, что, можетъ-быть, самое желательное для Европы разрѣшеніе польскаго вопроса — объединеніе обоихъ народовъ путемъ обще-имперской конституціи, „поглощеніе свободной Польши свободной Россіей“.

Л. Н. Толстой глубоко правъ въ своей телеграммѣ, что вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ въ англо-бурское столкновеніе мыслимо только въ

формѣ войны. Мнѣ скажутъ: нѣтъ, достаточно угрозы войною. Вотъ именно въ Россіи-то, странѣ, исторически неподатливой на угрозы, и не слѣдовало бы говорить подобныхъ наивностей. Заступаться угрозою, значитъ, ухудшать положеніе тѣхъ, за кого заступаешься. Никто не нанесъ польскому дѣлу въ 1863 г. вреда больше, чѣмъ Наполеонъ III. Поляки думали о немъ, что онъ пойдетъ за нихъ воевать съ Россіей, но, вмѣсто французскихъ легіоновъ, летѣли въ русскіе предѣлы лишь дерзкія депеши Дрюэнъ де-Люиса. Онѣ оскорбляли дворъ, внушали правительству мысль о необходимости поддержать свой престижъ, отразивъ дерзость твердостью, а въ обществѣ вызвали взрывъ патріотическаго негодованія. Польское дѣло, готовое разрѣшиться естественнымъ путемъ льготъ полякамъ, на которыя согласны были даже люди катковской окраски, погибло въ тотъ день, когда лордъ Непиръ, графъ Тунъ и герцогъ Монтебелло продиктовали Горчакову шесть пунктовъ, коимъ должна была подчиниться Россія въ польскомъ вопросѣ по требованію Англіи, Австріи, Франціи. Русское правительство очень твердо заявило въ отвѣтъ, что польскій вопросъ — его внутреннее дѣло, не допускающее вмѣшательства другихъ державъ, конференцій etc. А изъ русскаго общества, до тѣхъ поръ относившагося къ мятежу гораздо спокойнѣе, чѣмъ англійское общество принимаетъ теперь къ сердцу африканскую войну, посыпались на имя государя императора ободрительные всеподданнѣйшіе адресы, и общій смыслъ ихъ былъ:

Царь! не дозволяй иноземцамъ повелѣвать Россіи въ ея домашнемъ спорѣ! „Вы не потерпите, государь, никакого покушенія на нераздѣльность Вашихъ владѣній. Вы не уступите ничего изъ достоянія русской державы, Богомъ ей даннаго и купленнаго цѣною русской крови“, — гласитъ адресъ отъ Московской городской думы: первый, къ слову сказать, актъ ея дѣятельности. Обостреніе борьбы — вотъ единственный результатъ вмѣшательствъ угрозами. Кто не хочетъ ударить, тотъ не долженъ и замахиваться. А иначе, въ результатѣ, самому будетъ стыдно, а защищаемому — вдвое больнѣе.

Когда Европа попробовала вмѣшаться въ наши польскія дѣла, у нея противъ насъ былъ все-таки предлогъ — вѣнскій трактатъ 1815 года, подписанный представителями восьми державъ. Но *Американскіе* Соединенные Штаты, диктующіе *европейской* державѣ Великобританіи приказъ по ея *африканскимъ* дѣламъ?! Мы негодовали, когда Европа въ 1863 году навязывала намъ взглядъ на мятежныхъ поляковъ, какъ на воюющую сторону, — что, однако, намъ не мѣшало возмущаться тѣмъ, что англичане не хотѣли видѣть воюющей стороны въ бурахъ, а дѣйствовали противъ нихъ, какъ противъ возмутившихся вассаловъ. Объ интервенціяхъ говорятъ, о трактатахъ вспоминаютъ въ международной политикѣ, когда государство, хотя само по себѣ достаточно сильно, чтобы справиться съ возстаніемъ или мѣстною войною, но такъ истощено общими условіями своей жизни, что борьба эта, при нѣкоторыхъ

стороннихъ осложненіяхъ, можетъ стать роковою для его цѣлости. Тогда сосѣди стремятся воспользоваться моментомъ слабости изнемогающаго колосса и низвести его на роль подчиненную, второстепенную, давя его прежде страшное для нихъ могущество. Въ 1863 г. во французскомъ сенатѣ и въ англійскомъ парламентѣ прямо и откровенно говорилось, что возстановленіе Польши нужно затѣмъ, чтобы низвести „ослабѣвшую“ Россію на степень полуевропейскаго государства и вычеркнуть ее изъ списка великихъ державъ. Теперь всѣ газеты трубятъ, что, если бы Англія спасовала предъ бурами и возникли бы южно-африканскіе свободные штаты, то вѣковому морскому владычеству Англіи — конецъ, Англія лишится колоній, Англія размѣняется на мелкую монету, подобно Венеціанской республикѣ, Испаніи, Нидерландамъ и другимъ историческимъ царицамъ морей. Это мнѣніе, конечно, не лишено основанія. Но, если мы предвидимъ разрушеніе британскаго колосса черезъ трансваальскую червоточину, странно было бы, чтобы самъ колоссъ не предвидѣлъ. Раздавить Трансвааль для Англіи сейчасъ такая же насущная необходимость, такое же неизбѣжное условіе собственнаго существованія, какъ для Россіи въ 1863 году—удержать за собою Польшу. И никакія дипломатическія вмѣшательства именемъ права или морали не въ состояніи остановить англійскаго напора на африкандеровъ, ибо инстинктъ самосохраненія сильнѣе права и морали. Англія сейчасъ на медвѣжьей охотѣ, и медвѣдь ея, хотя уже на рогатинѣ, но свирѣпо

лѣзетъ впередъ по бревну, норовя зацѣпить охотника лапами. Выпустить рогатину изъ рукъ — значитъ, самому смерть. И, разумѣется, сколько бы ни кричали со стороны: что ты дѣлаешь, жестокая? такъ просадила медвѣдя насквозь, что изъ него кровь рѣкою течетъ! — Англія и ухомъ не поведетъ. Бросить же рогатину она должна будетъ, поневолѣ, лишь въ томъ случаѣ, если слѣва или справа двинется на нее другой медвѣдь, сѣрый съ Кордильеръ или бурый на Памирахъ. То-есть если вспыхнетъ новая война. Желаетъ ли кто-нибудь искренно новой войны въ Европѣ? Не думаю. Могъ ли великій проповѣдникъ мира Левъ Николаевичъ Толстой принять, хотя косвенно участіе, въ пріисканіи путей къ новой войнѣ? Это—смѣшной вопросъ, не требующій отвѣта...

* * *

Обстоятельства наглядно доказали, что „угрозы“, которой требовали отъ Соединенныхъ Штатовъ и которую отказался совѣтовать Л. Н. Толстой, было бы очень мало, чтобы испугать Англію и спасти Трансвааль. Китай — не Англія, угрозы ему дѣлало не одно государство, но весь европейски-цивилизованный міръ, а онъ угрозъ этихъ все-таки знать не захотѣлъ и разбушевался, какъ цѣлый людской океанъ, взволнованный общимъ національнымъ подъемомъ. Что вызвало этотъ подъемъ? То, что иностранцы надоѣли, стали ненавистны своимъ вмѣшательствомъ въ распорядокъ и жизнь страны, диктовкою дѣйствій правительству, презрѣніемъ къ народу.

Никогда, быть-можетъ, насмѣшливое наказаніе за политическое легкомысліе, съ какимъ провозглашалась необходимость дипломатическихъ *угрозъ* Англіи, не приходило такъ быстро и съ такою ясно глумливою точностью, какъ въ томъ гомерическомъ хохотѣ, что повсемѣстно встрѣтилъ глупую телеграмму г. Делькассэ къ вице-королю Юннана. Но многимъ изъ своихъ осмѣятелей г. Делькассэ, даже и сознавая, что кругомъ „опростоволосился городничій", можетъ, однако, возразить классическою репликою:

— Надъ кѣмъ смѣетесь? надъ собой смѣетесь!.. Вѣдь двухъ недѣль не прошло, какъ вы именно такихъ же глупо-безсильныхъ телеграммъ требовали отъ Соединенныхъ Штатовъ „для успокоенія общественной совѣсти". И когда практическіе янки не хотѣли попасть въ мой просакъ, вы ругали ихъ эгоистами, торгашами, а когда мудрѣйшій человѣкъ современности не захотѣлъ уговаривать ихъ лаять на луну, вы и мудрѣйшему человѣку спуску не дали. „Мнѣ влетаетъ по первое число" за то, что я послалъ телеграмму, а ему влетало за то, что онъ не послалъ. Вотъ и разбери тутъ, какъ на васъ угодить.

Мы менѣе, чѣмъ кто-либо, заинтересованы въ томъ, чтобы грозить Китаю, а между тѣмъ, судя по ходу войны, намъ больще, чѣмъ кому-либо, приходится работать для осуществленія угрозъ, а со временемъ, поэтому, больше, чѣмъ кому-либо, придется и принять на себя тяжесть ненависти за нихъ. Повторяю, что раньше сказалъ: не надо забывать, что ненависть Китая къ Европѣ парали-

зуется разстояніемъ черезъ цѣлый материкъ и два океана, а мы-то отъ нея—всего за Амуромъ, да за узенькими полосками горъ. Не въ томъ дѣло, что китаецъ на насъ „попретъ“: это врядъ ли, да если попретъ, такъ и назадъ выпремъ. А въ томъ, что съ Китаемъ намъ вѣкъ сосѣдями быть, и лучше бы Ивану Ивановичу не ссориться съ Иваномъ Никифоровичемъ изъ-за пролетѣвшихъ между ними ехидныхъ гусаковъ.

Два года назадъ, когда я былъ въ Томскѣ, одинъ изъ тамошнихъ дѣятелей обратился ко мнѣ отъ мѣстнаго коммерческаго мірка съ просьбою поднять въ печати вопросъ объ улучшеніи нашихъ пограничныхъ путей сообщенія съ Среднимъ Китаемъ, ибо недостаточность ихъ намъ рѣжетъ безъ ножа торговыя сношенія съ нашимъ прямымъ азіатскимъ рынкомъ. Пятаковый московскій платокъ, привозимый нами въ какое-нибудь Кавдо, стоитъ тамъ уже двугривенный, хотя Кавдо — отъ границы рукою подать, а англійскій, ничуть не хуже московскаго, доплывъ чрезъ моря-океаны и совершивъ огромное караванное путешествіе, обходится китайцу въ гривенникъ. И вотъ головная повязка китайскаго солдата дѣлается не изъ близкаго, русскаго, но изъ англійскаго платочнаго ситца, потребляемаго для того сотнями тысячъ метровъ. Между тѣмъ, китайцы охотно измѣнили бы англійскому товару, будь нашъ хоть чуточку подешевле, — просто изъ-за выгоды близкихъ сосѣдскихъ отношеній, черезъ границу, болѣе удобныхъ, чѣмъ корреспонденція съ шанхайскими, пекинскими, тянь-цзиньскими etc. конторами

англичанъ. Теперь въ Кавдо, вѣроятно, весьма недоумѣваютъ.

— Русскіе дерутся съ нашими въ Тянь-Цзинѣ.

— За что?

— За то, что намъ надоѣла наглая и обирательная опека иностранцевъ, и мы погнали ихъ вонъ.

— Въ томъ числѣ и англичанъ?

— И англичанъ.

— Но что же за дѣло до того русскимъ? Развѣ они друзья англичанъ?

— О, нѣтъ! Напротивъ: англичане всюду, гдѣ возможно, подставляютъ имъ ножку. Въ Азіи англичане — прямые враги русскихъ, въ вѣчномъ спорѣ съ ними за рынки своего сбыта.

— Въ томъ числѣ и за нашъ?

— Конечно. Вотъ ты теперь покупаешь англійскій ситецъ, англійское желѣзо, англійскую утварь. А не будь здѣсь англичанъ, ты покупалъ бы русскій и сибирскій товаръ, идущій съ Великой Сибирской желѣзной дороги, и деньги, что уходятъ отъ насъ въ Англію, тогда уходили бы въ Россію.

— Значитъ, выгоняя англичанъ и другихъ, мы лишь открываемъ рынокъ для Россіи?

— Непремѣнно.

— За что же она съ такимъ усердіемъ колотитъ насъ и заставляетъ удерживать ея конкурентовъ?

— Потому что, видишь ли, практическія соображенія, о которыхъ мы съ тобою сейчасъ говорили, это—низкая, „миткалевая“ политика. Ея всегда держатся англичане, но русскіе считаютъ себя выше ея.

— А какая ихъ политика?

— Идейная, по душамъ. Вотъ, напримѣръ, начнутъ наши обижать христіанъ, — русскимъ сейчасъ же надо вступиться, потому что они тоже христіане.

— Какъ христіане?! Другъ мой Что-Ты-Врешь! Ты клевещешь на русскихъ: христіане — это люди, которые навязываютъ намъ политикапствующихъ миссіонеровъ, наглыхъ и невѣжественныхъ фанатиковъ - монаховъ, издѣваются надъ нашими религіями и храмами, вносятъ разладъ въ наши семьи, оскорбляютъ наши вѣрованія, сбиваютъ съ толку нашихъ дѣтей... Русскіе никогда не позволяли себѣ ничего подобнаго!

— Потому что, другъ мой Я-Не-Вру, ихъ христіанство весьма отлично отъ того христіанства, съ какимъ познакомили тебя іезуиты и протестантскіе миссіонеры. Ихъ убѣжденіе, что Христова Церковь — не отъ міра сего, и религію въ дѣла государственныя мѣшать нельзя, она — сама по себѣ, душевный вопросъ совѣсти каждаго человѣка; и на арканѣ тянуть къ спасенію тоже никого нельзя: самъ долженъ притти къ Христу. Ну, а европейскіе миссіонеры...

— Не поминай ихъ къ ночи, другъ мой Что-Ты-Врешь: нехорошій сонъ увидишь. Но скажи: русскимъ извѣстно, что за язва іезуиты?

— Еще бы нѣтъ! Они сами много горя приняли отъ іезуитовъ, и насилу-то, насилу ихъ отъ себя выжили,

— Какъ выжили?!

— Какъ выживаютъ непрошеннаго гостя, если онъ, по ихъ русской пословицѣ, хуже татарина.

— Странно!.. почему же они думаютъ, что іезуиты, непригодные для нихъ, годятся для насъ?

— Такое уже странное устройство мозговъ дано русскимъ природою, другъ мой Я-Не-Вру.

— Скажи еще, о, другъ мой Что-Ты-Врешь: русскіе, защищая права европейскаго вмѣшательства въ наши дѣла, сами позволяютъ ли вмѣшиваться тѣмъ же европейцамъ въ свои собственные русскіе права и нравы?

— Нѣтъ, другъ мой Я-Не-Вру, не позволяютъ и терпѣть не могутъ, когда европейцы изъявляютъ на то претензіи.

— Можетъ - быть, только теперь, когда они — народъ развитой и могучій, а прежде, когда были такими же варварами, какими считаетъ насъ Европа, позволяли?

— Нѣтъ, другъ мой Я-Не-Вру, тогда они смотрѣли на иностранца гораздо строже, чѣмъ мы съ тобою. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, у нихъ тоже завелся было Большой Кулакъ, именуемый стрѣльцами. И знаешь ли, чѣмъ укротила русская правительница Софья стрѣлецкое буйство? Посулила уйти съ царскою семьею за границу и принять покровительство иностраннаго государя. Это показалось русскому Большому Кулаку столь страшнымъ позоромъ для русской націи, что онъ мгновенно разжалъ пальцы и прекратилъ свои безобразія.

— Удивительные люди русскіе! Думаютъ, какъ мы, а бьютъ насъ за то, что мы думаемъ не ина-

че, чѣмъ они!.. Еще вопросъ: ну, іезуитовъ они отъ себя выжили, — а протестантскихъ пасторовъ?

— Ихъ русскіе не гонятъ.

— Позволяютъ имъ проповѣдывать свою вѣру православнымъ, обращать въ нее русскихъ?

— О, нѣтъ! что ты! Переходъ русскаго, православнаго христіанина въ другое вѣроисповѣданіе — тяжко караемое преступленіе. Сектантамъ-раціоналистамъ, вродѣ духоборовъ, пришлось уѣхать изъ Россіи въ далекую Америку, а г. Сигма рекомендовалъ имъ даже переселиться къ намъ, въ китайскій Туркестанъ.

— Но если русскіе считаютъ уклоненіе въ протестантскіе толки преступленіемъ для себя, почему же они навязываютъ ихъ, какъ благодѣяніе, намъ, китайцамъ?

— Можетъ-быть, потому что мы не христіане, Я-Не-Вру.

— Конечно... однако, я слышалъ, что въ Россіи не-христіанамъ очень недурно живется, и никто ихъ не обращаетъ въ христіанство противъ воли.

— Совершенно вѣрно: въ Казанской губерніи даже сняли въ деревняхъ колокольчики, созывающіе крестьянъ на сходъ, потому что татаре-магометане вообразили было, что это церковные колокола, подъ которыми ихъ станутъ крестить.

— Такъ крѣпко русскіе уважаютъ чужую религію?

— Да. И если русскій осквернитъ мечеть или синагогу — его будутъ судить и подвергнутъ строгому наказанію.

— А какъ русская власть относится къ тому, чтобы въ средѣ ей покорныхъ не-христіанъ миссіонерствовало духовенство другихъ не-православныхъ христіанскихъ толковъ?

— Очень дурно.

— Почему же?

— Да потому что — какъ ты разберешь, гдѣ въ этакомъ миссіонерѣ граница между апостоломъ вѣры и политическимъ агентомъ?

— Ага! вотъ что... Русскіе правы. Это вѣрно: трудно разобрать; мы тоже разобрать не можемъ; оттого вѣдь и разбушевался Большой Кулакъ. Но послѣ всего, что ты сказалъ, — хоть убей меня, не понимаю: за что колотятъ насъ русскіе, другъ мой Что-Ты-Врешь!

— Престранный они народъ!

— Большіе чудаки!

— Благодарю тебя за бесѣду. Прощай, голубчикъ Что-Ты-Врешь!

— До свиданья, добрѣйшій Я-Не-Вру!

———— ⊖ ————

КИТАЙ.

Во Владивостокѣ я присутствовалъ при томъ, какъ инженеры, отправлявшіеся на изысканія Манчжурской желѣзной дороги, нанимали манзъ — китайцевъ.

Китайцы улыбались наивной улыбкой и лопотали на своемъ дѣтскомъ языкѣ:

— Твоя есть машинка-капитанъ?

„Капитанъ“ — всякій русскій служащій. „Машинка“, — вѣроятно, „машина“, желѣзная дорога.

Инженеры отвѣчали:

— Да! да! Машинка-капитанъ!

Китайцы смѣялись и махали руками.

— Манзика нѣтъ служи! Машинка-капитанъ нѣтъ плати!

И уходили.

Потомъ оказалось, что „машинка“ значитъ „мошенникъ“, и что китайцы справлялись у инженеровъ:

— Мошенники вы или нѣтъ?

Это былъ первый вопросъ, который задавали желтые бѣлымъ. Таково мнѣніе желтыхъ о бѣлыхъ. Мнѣніе, основанное на опытѣ.

Достаточно будетъ сказать вамъ, что крупнѣйшій представитель крупнѣйшаго пароходнаго предпріятія во Владивостокѣ носитъ у китайцевъ названіе — „ламаза-капитанъ“, капитанъ-тигръ. А другой крупный представитель Владивостока носитъ названіе: „капитанъ-морда-ломай“.

Вы поймете, какія отношенія существуютъ у бѣлыхъ къ желтымъ.

Во Владивостокѣ вы безпрестанно слышите разсказы о томъ, какъ какой-нибудь капитанъ забралъ на бортъ столько-то сотъ китайцевъ, съ обязательствомъ отвезти ихъ на родину, въ такой-то китайскій портъ.

Но путь ему лежалъ совсѣмъ не туда. Совсѣмъ въ противоположную сторону. Содравъ съ китайцевъ деньги за проѣздъ, онъ завезъ ихъ въ первый попавшійся портъ, выбросилъ на берегъ и ушелъ.

Такіе разсказы возбуждаютъ только смѣхъ. И никому не придетъ въ голову подумать, что будутъ дѣлать эти несчастные, которыхъ забросили, какъ забрасываютъ слѣпыхъ котятъ, — вдали отъ родины, обобранные и на чужбинѣ.

Вѣдь это только китайцы!

Въ Нагасаки, на американскомъ пароходѣ „China“, пересматривали партію „кули“, человѣкъ 500 китайцевъ, которыхъ пароходъ везъ изъ Китая въ Америку.

Въ Нагасаки въ то время свирѣпствовала оспа и начиналась чума.

Юноша пароходный докторъ свидѣтельствовалъ на палубѣ кули, а помощникъ капитана сидѣлъ

въ отдаленіи подъ тентомъ, съ поименнымъ спискомъ китайцевъ.

Пощупавъ гланды на шеѣ, подъ мышками и въ пахахъ, докторъ давалъ китайцу пощечину и принимался за слѣдующаго.

Меня заинтересовалъ этотъ медицинскій пріемъ, и по окончаніи осмотра я спросилъ у доктора, зачѣмъ эти пощечины.

— А это, чтобъ не кричать каждый разъ „здоровъ". Помощникъ капитана слышитъ пощечину и ставитъ крестикъ, — значитъ „здоровъ!" — очень просто объяснилъ мнѣ докторъ.

Лучше всего, однако, было, когда пароходъ пришелъ въ Санъ-Франциско.

Оспа свирѣпствовала въ трюмѣ, и каждый день мы кидали въ море по нѣскольку китайцевъ.

— Сколько человѣкъ умерло? — спросили съ карантиннаго катера, вышедшаго намъ навстрѣчу.

— Ни одного человѣка и 52 китайца! — отвѣчалъ нашъ капитанъ.

А знаете ли вы, что въ колоніальныхъ войскахъ существуетъ „охота на китайцевъ".

Это можно доказать съ фактами въ рукахъ, но никто не потребуетъ доказательствъ, потому что въ колоніяхъ всѣ объ этомъ знаютъ.

Солдаты колоніальныхъ войскъ и европейцы-жители выходятъ въ лѣсъ, прячутся около уединенныхъ тропинокъ, подстерегаютъ и убиваютъ китайцевъ, отбирая у нихъ драгоцѣнный корень жень-шень и оленьи „панты", которые китайцы несутъ съ сѣвера на югъ, какъ очень дорогое медицинское средство.

Охота на людей — въ колоніяхъ явленіе болѣе частое, чѣмъ охота на тигровъ, и вамъ укажутъ даже на зажиточныхъ господъ, положившихъ начало своему благосостоянію именно этой охотой.

— Какой ужасъ! — скажете вы, — но вѣдь Европа посылаетъ къ этимъ несчастнымъ не только людей-звѣрей, — она посылаетъ также миссіонеровъ, проповѣдниковъ вѣры и любви.

О, да. Цѣлыя арміи миссіонеровъ. По большей части, іезуитовъ и протестантовъ.

Преданныхъ, горячихъ, страстныхъ, богатыхъ.

Они начинаютъ съ помощи страдающимъ ближнимъ. По большей части, съ устройства больничекъ, преимущественно дѣтскихъ.

Они подбираютъ больныхъ дѣтей и ухаживаютъ за ними любовно и нѣжно.

Бѣдная китаянка, жена кули, нищая, живущая со всѣмъ семействомъ на 2—3 копейки въ день, видитъ своего ребенка чистымъ, вымытымъ, лежащимъ въ чистенькой постели, на бѣлоснѣжномъ бѣльѣ, на какомъ, по ея представленію, спятъ только дѣти богдыхановъ. Онъ ѣстъ то, что ей никогда не снилось, — настоящую пищу боговъ!

Она видитъ чудо своими глазами. На ея глазахъ ребенокъ выздоравливаетъ, полнѣетъ, — веселъ, красивъ, какъ никогда прежде.

И когда этотъ ребенокъ, вслѣдъ за добрымъ, самоотверженнымъ „братомъ“ или за доброй самоотверженной „сестрой“, сложивъ ручонки, повторяетъ слова молитвы и благодарности спасшему его невѣдомому Богу, — онъ обращаетъ свою мать въ христіанство.

Полная любви къ тѣмъ, кто спасъ ея ребенка, полная благодарности, — ея душа открыта для ихъ словъ, для ихъ ученій.

Развѣ это не лучшая изъ вѣръ, гдѣ богатые только и дѣлаютъ, что помогаютъ бѣднымъ? Развѣ она не видѣла этого своими собственными глазами, развѣ она не испытала этого больше, чѣмъ на самой себѣ,—на своемъ ребенкѣ.

И вотъ, представьте себѣ картину.

Мужъ, держащійся вѣры своихъ отцовъ, — и жена христіанка-прозелитка, вдвойнѣ христіанка, потому что никто такъ страстно не преданъ вѣрѣ, какъ прозелиты.

Мужъ и жена, каждый другъ друга считаютъ погибшими.

То, что кажется дозволеннымъ, законнымъ, нравственнымъ ему, — кажется грѣхомъ ей. То, что онъ считаетъ святымъ, она считаетъ заблужденіемъ, ужаснымъ, гибельнымъ.

Она кажется ему преступницей, вѣроломной, измѣнившей вѣрѣ предковъ, — онъ кажется ей слѣпымъ, блуждающимъ во тьмѣ.

Когда они сходятся на вечерней молитвѣ, посвященной памяти предковъ, — мужъ молится имъ, какъ святымъ, — жена оплакиваетъ ихъ, какъ погибшихъ грѣшниковъ.

Мужу они кажутся на небѣ, женѣ — въ аду.

Больше одной христіанкой, но больше и одной разбитой семьей.

Семьей, въ которую внесена рознь, раздоръ, непримиримая, фанатическая религіозная вражда.

Обратите вниманіе на то, что при избіеніи иностранцевъ китайцы всегда первыми рѣжутъ, вѣшаютъ, жгутъ миссіонеровъ.

Потому что никто не вноситъ столько внутренняго разлада, розни, вражды во внутреннюю жизнь, въ святая святыхъ — въ семью.

Миссіонеры, ведущіе пропаганду главнымъ образомъ среди женщинъ, разрушаютъ китайскую семью, и китайцы считаютъ ихъ безнравственными.

Точно такъ же, какъ они считаютъ лжецами этихъ людей, увѣряющихъ, будто Богъ европейцевъ велитъ любить всѣхъ, какъ братьевъ, — въ то самое время, какъ европейцы относятся къ китайцамъ какъ къ собакамъ.

Знаете ли вы, что такое лавочка, гдѣ курятъ опіумъ?

Никакой кабакъ, гдѣ продаютъ сивуху, абсентъ или виски, не можетъ сравниться съ этимъ отвратительнымъ притономъ, гдѣ людей отравляютъ на вашихъ глазахъ.

Черезъ крохотную каморку, гдѣ сидитъ хозяинъ, вы входите въ заднюю комнату, темную, еле освѣщеную маленькими лампочками, стоящими на нарахъ.

На этихъ нарахъ лежатъ недвижные, окоченѣвшіе люди, со стеклянными глазами, съ блѣдными, словно восковыми, лицами. Съ холодными руками и ногами, покрытыми каплями пота.

Это похоже скорѣе на моргъ, чѣмъ на комнату, гдѣ лежатъ живые люди. Это страшнѣе всякаго „кабинета ужасовъ“ при музеяхъ восковыхъ фигуръ.

И это на виду у всѣхъ китайцевъ, и всѣ китайцы знаютъ, что Англія и Франція извлекаютъ выгоды изъ этого національнаго несчастія, горя.

Да, несчастія, горя.

Если бы вы слышали эту интонацію, съ которой хорошій китаецъ говоритъ:

— Такой-то славный человѣкъ, но онъ началъ курить опій.

Интонацію, полную скорби, сожалѣнія, горя. Такъ говорятъ только о смертельно больныхъ.

И англичане и французы, держащіе въ своихъ рукахъ торговлю опіумомъ, губящіе, развращающіе страну, считаютъ это почти подвигомъ, — во всякомъ случаѣ необходимостью.

— Кто знаетъ, быть-можетъ, Европа не разъ съ благодарностью вспомнитъ о насъ, какъ о своихъ спасителяхъ. Быть - можетъ, мы предупреждаемъ новое нашествіе варваровъ на Европу, спасаемъ европейскую цивилизацію отъ желтой расы, огромной, страшной, могучей. Она слишкомъ быстро и слишкомъ страшно растетъ. Для блага и безопасности нашей цивилизаціи надо ослаблять, обезсиливать эту расу.

Какое, поистинѣ, христіанское разсужденіе. А вы услышите его на каждомъ шагу на Востокѣ и отъ людей, продающихъ опіумъ, и отъ людей, допускающихъ, поощряющихъ, поставленныхъ охранять торговлю опіумомъ.

Слѣдуетъ сказать правду, — что Европа играетъ роль самую скверную, самую гнусную, роль кабатчиковъ, роль корыстныхъ отравителей въ Китаѣ.

— Но-но-но! Вѣдь не однимъ опіумомъ торгуемъ мы, европейцы, въ Китаѣ! Мы развиваемъ промышленность въ ихъ странѣ.

Да, но промышленность потому и развивается въ Китаѣ, европейскіе капиталы потому именно и хлынули въ Китай, что тамъ трудъ дешевъ, что тамъ трудъ нипочемъ, что тамъ можно платить такъ, что это скорѣй значитъ — ничего не платить.

— Китаецъ не требователенъ. Китаецъ доволенъ малымъ. Китаецъ довольствуется тѣмъ, чѣмъ не удовольствовался бы послѣдній нищій въ Европѣ.

И на этомъ основаніи мы, европейцы, платимъ этимъ нищимъ такъ мало, чтобы они всегда оставались нищими, готовыми съ голоду работать на насъ за безцѣнокъ.

Эта промышленность, растущая, развивающаяся, обогащаетъ иностранцевъ,—но что она оставляетъ странѣ, жителямъ?

Посмотрите на колоссальные оклады, которые получаютъ въ Китаѣ европейцы, служащіе различныхъ европейскихъ предпріятій, и сравните съ тѣми несчастными грошами, какіе платятся китайцамъ за трудъ колоссальный, непосильный, изнуряющій, какого никогда не осмѣлился бы потребовать ни одинъ европейскій наниматель отъ европейскаго рабочаго.

Каждое отребье лондонскихъ или парижскихъ мостовыхъ желаетъ жить и живетъ на Востокѣ съ блескомъ, съ роскошью! Я не говорю о самихъ предпринимателяхъ, о директорахъ предпріятій, которые живутъ съ роскошью, совсѣмъ королев-

ской, въ настоящихъ дворцахъ, окруженные непремѣнно десятками слугъ. Но даже мелкіе служащіе, какъ живутъ они!

Кромѣ огромныхъ, другихъ гонораровъ тамъ не существуетъ.

Еще бы! Онъ, отребье, оказавшееся неспособнымъ зарабатывать себѣ хлѣбъ на родинѣ, принесъ такую великую жертву! Онъ отправился на дальній Востокъ!

Онъ насадитель культуры! Онъ солдатъ перваго эшелона великой арміи цивилизаціи!

Вы должны оплачивать его самоотверженіе, вы должны относиться съ величайшимъ почтеніемъ къ великой миссіи, которую онъ выполняетъ, кровью и тѣломъ вашихъ честныхъ, вашихъ благородныхъ солдатъ, дѣтей вашего народа, вы должны защищать его, когда онъ своими гнусностями, подлостями, своей наглостью доведетъ эксплоатируемый народъ до возстанія, до мятежа.

Мы, европейцы, эксплоатируемъ самыя дурныя стороны китайскаго общественнаго устройства. Развиваемъ, поощряемъ взяточничество мандариновъ, потому что оно намъ полезно, намъ выгодно.

Мы, европейскіе предприниматели, презираемъ народъ и ухаживаемъ за мандаринами.

Мы льстимъ ихъ тщеславію, устраиваемъ имъ торжественные пріемы, праздники, пользуемся ихъ корыстолюбіемъ и задариваемъ ихъ, чтобы имѣть возможность безнаказанно выжимать соки изъ народа.

Мандаринъ — это все. Каждый предприниматель въ отличныхъ отношеніяхъ съ мандариномъ. И

кто когда подумалъ объ отношеніяхъ къ простому народу?

Каждый разъ, когда приходится входить въ соприкосновеніе съ народомъ, европейцы выказываютъ себя деспотами, жестокими и отвратительными.

— Этотъ народъ надо держать въ рукахъ! Этотъ народъ надо держать такъ, чтобы онъ не подумалъ пикнуть!

Это общее мнѣніе европейцевъ на Востокѣ. Мнѣніе не только промышленниковъ-эксплоататоровъ, но и европейскихъ резидентовъ, защищающихъ ихъ интересы:

— Надо поддерживать престижъ европейцевъ!

„Престижъ"! Какія гнусности, какія несправедливости не прикрываются этимъ громкимъ словомъ! „Престижъ" начинается тамъ, гдѣ кончается справедливость, правда, логика.

— Это несправедливо, это неправильно, это дурно, даже, можетъ-быть, глупо, — но этого требуетъ „престижъ".

„Престижъ" — индульгенція, отпускающая всѣ грѣхи!

При всякомъ неудовольствіи на китайца-рабочаго, на китайца-служащаго, европеецъ проситъ мандарина наказать виновнаго „примѣрно".

Благо, — китайцамъ не занимать стать „примѣрныхъ" наказаній. И легчайшее изъ ихъ наказаній считалось бы безчеловѣчнѣйшимъ въ Европѣ.

Безъ суда и слѣдствія, по одной запискѣ европейца, мандаринъ забиваетъ виновнаго въ колодки.

Это что-то ужасное. Надо быть китайцемъ, чтобы выносить такую пытку. Надо быть народомъ, отъ котораго, — не пахнетъ, — отъ котораго воняетъ терпѣніемъ, чтобы, проводя недѣли въ колодкѣ, еще имѣть возможность улыбаться доброй, милой улыбкой, которой обязательно улыбаются китайцы, когда разговариваютъ съ иностранцами, чтобы быть вѣжливыми.

Колодка — это доска съ отверстіями для головы и рукъ. И въ этой мучительной позѣ, съ постоянно поднятыми руками, ходятъ провинившіеся китайцы по улицамъ.

Помимо мученій физическихъ, это страшное мученіе нравственное для китайцевъ: такъ наказываютъ обыкновенно воровъ.

И на улицахъ китайскихъ городовъ вы часто встрѣтите китайцевъ, забитыхъ въ такія колодки, по требованію какого-нибудь европейца, за ничтожную провинность, за недостаточную почтительность, за маленькую дерзость. Китайцы не дорожатъ жизнью — это правда. Таковы ихъ религіозныя воззрѣнія, что дѣлаютъ ихъ равнодушными къ смерти. Но все-таки китайцы, вѣроятно, предпочитаютъ жить.

Смертныя казни надъ китайцами, по требованію европейцевъ, — вещь самая заурядная, самая обычная въ Китаѣ. Грабежъ, насиліе, нападеніе, — и европейцы требуютъ примѣрнаго „наказанія виновныхъ“.

Но гдѣ жъ найти виновныхъ, если они убѣжали?

Мандаринъ хватаетъ первыхъ попавшихся. Въ особенности, благо китайцы, на нашъ европейскій взглядъ, — всѣ на одно лицо.

Это не анекдотъ. Это фактъ, который вамъ подтвердитъ всякій, жившій на Востокѣ. Фактъ самый заурядный, самый обычный.

Мандаринъ спрашиваетъ, сколько требуется головъ, чтобы удовлетворить возмущенное чувство европейцевъ.

— Будетъ достаточно, если я казню 10 человѣкъ?

— Зачѣмъ же десять, когда на мой домъ напало только шесть?!

— Шесть, такъ шесть.

Это дѣлается очень просто.

Рано утромъ на базаръ выводятъ шестерыхъ, приказываютъ стать на колѣни, что тѣ и исполняютъ съ чисто восточной покорностью.

Помощникъ палача оттягиваетъ голову за косу, а палачъ саблей ударяетъ по шеѣ.

Шесть минутъ — шесть головъ.

Лужи крови. Брызги крови, которыя летятъ на толпу, на лежащія груды зелени и овощей.

И европейцы, которые, покуривая папиросы, смотрятъ на это зрѣлище, приговаривая:

— Какое варварство!

Европейцы съ моментальными фотографіями, которыми они снимаютъ казнь, чтобы послать сувениръ кузинѣ въ Европу.

У какого комми въ Китаѣ вы не найдете фотографіи казни, — фотографіи, сдѣланной имъ или его пріятелемъ-приказчикомъ.

И все это на глазахъ народа.

Правда, китайское правосудіе — не высокой марки правосудіе. Но чувство справедливости вѣдь врождено же имъ, какъ и всѣмъ людямъ. Что долженъ чувствовать этотъ народъ, когда на его глазахъ разыгрываются такія сцены?

Своевременно ли, однако, говорить обо всемъ этомъ теперь? Теперь, когда бѣдные европейцы въ Китаѣ переживаютъ такіе ужасы?

Да, да, да. Своевременно именно теперь. Теперь больше, чѣмъ когда-либо.

Теперь, когда льется кровь нашихъ братьевъ, нашихъ солдатъ, жертвъ долга.

Когда я прочиталъ въ одной изъ вечернихъ газетъ о нѣсколькихъ первыхъ убитыхъ офицерахъ и солдатахъ, — кровь бросилась мнѣ въ голову, и слезы сдавили мое горло при мысли объ ихъ крови и о слезахъ ихъ матерей.

Въ уплату за какія гнусности „европейцевъ“ пошла эта кровь и эти слезы, эта безвинная кровь и эти неутѣшныя слезы?

Въ уплату за какія гнусности „европейцевъ“, доведшихъ несчастную страну, несчастный народъ до отчаянья, до мятежа?

Именно теперь своевременно и умѣстно спросить себя:

— За что мы платимъ такой дорогой цѣной?

Говорятъ, — все, что происходитъ въ Китаѣ, дѣло придворныхъ интригъ.

Тысячу разъ неправда. Имѣйте мужество смотрѣть правдѣ прямо въ лицо и сознайтесь, что намъ, европейцамъ, приходится имѣть дѣло съ

явленіемъ, гораздо болѣе глубокимъ, чѣмъ придворныя интриги, съ огромнымъ народнымъ движеніемъ, народнымъ волненіемъ, народнымъ негодованіемъ, нами вызваннымъ, нами заслуженнымъ.

Правы ли мы, защищая европейцевъ? Да, несомнѣнно. Всякій человѣкъ правъ, защищая.

Но Европа не должна себя успокаивать:

— Это фанатизмъ, который слѣпъ!

Нѣтъ, это тѣло человѣческое, которое чувствуетъ боль. Этотъ мятежъ—это крикъ страшной, невыносимой боли, которую причиняетъ Европа, вонзаясь въ Китай грязными когтями эксплоатаціи.

И эти грязные когти эксплоатаціи намъ выдаютъ за благодѣтельныя руки цивилизаціи. Не поддавайтесь обману!

Европа лжетъ, когда называетъ эту печальную необходимость кровью тушить огонь „войной за цивилизацію".

Нѣтъ. Это война за эксплоатацію.

И не „боксеры", не „большіе кулаки", поднявшіеся на иностранцевъ и на продажныхъ мандариновъ, — истинные виновники этой войны, — а грязныя лапы гг. европейцевъ, жадныхъ, жестокихъ, третирующихъ людей, какъ собакъ.

Г-жа ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Есть богъ смѣха. И онъ шутитъ презлыя шутки.

Въ то самое время, когда Европа такъ горячо аплодировала бурамъ въ ихъ борьбѣ за независимость, — богъ смѣха сказалъ:

— Отлично! посмотримъ, какъ вы будете аплодировать, когда будутъ бороться за независимость съ вами.

И устроилъ возстаніе китайцевъ.

И Европа, только что аплодировавшая, завопила:

— Возмутительно!

На дальнемъ Востокѣ разыгрывается та же драма, что и на дальнемъ Югѣ, — но тамъ Европа была только зрительницей, а здѣсь ей самой досталась тяжелая роль.

И она свищетъ сегодня той же драмѣ, которой аплодировала вчера.

— Но — позвольте! Что же общаго между тѣмъ, что происходитъ въ Китаѣ, и тѣмъ, что разыгрывается въ Трансваалѣ?

— А, позвольте какая разница?

— Война въ Китаѣ — война за цивилизацію!

Но англичане и войну въ Трансваалѣ называли войной за цивилизацію.

Война похожа на „большую кокотку“, которая громкимъ титуломъ прикрываетъ свое позорное ремесло.

Ни одинъ порядочный человѣкъ, отправляясь грабить сосѣда, не говоритъ:

— Пойду и ограблю.

Онъ говоритъ:

— У моего сосѣда много, у меня ничего,— пойду посодѣйствовать болѣе правильному распредѣленію богатствъ!

Войны всегда носятъ громкіе титулы.

Изъ ста войнъ девяносто девять носили титулъ войны „за цивилизацію“.

— Мы защищаемъ права иностранцевъ въ Китаѣ!

Но и англичане пошли на защиту правъ уитлендеровъ.

Что такое „боксеры“, какъ не націоналисты?

Націоналисты самой чистой крови.

Очень забавно читать теперь газеты, распинавшіяся за французскихъ націоналистовъ, какъ онѣ вопятъ теперь противъ націоналистовъ китайскихъ!

Есть двѣ мѣрки, два добра, два зла.

И то, что очень хорошо у французовъ,—ужасно скверно у китайцевъ.

Несомнѣнно, что предводитель „боксеровъ“ любитъ свое отечество ничуть не меньше, чѣмъ Крюгеръ свое,— и каждый изъ нихъ желаетъ для своего отечества одного и того же:

— Независимости.

Несомнѣнно, что боксеры, какъ и буры, идя противъ пушекъ Максима, надѣются и уповаютъ только на Бога.

Несомнѣнно, что они будутъ побиты Европой, какъ буры англичанами, и Европа въ одно и то же время будетъ оплакивать борцовъ за независимость Трансвааля и разстрѣливать борцовъ за независимость Китая.

Она будетъ похожа на палача, который плачетъ на эшафотѣ, когда ему разсказываютъ о казни въ сосѣднемъ городѣ.

— Есть, однакоже, огромная разница между тѣмъ, что дѣлали буры, и что дѣлаютъ боксеры.

Конечно, огромная.

И она зависитъ не только отъ того, что буры— христіане, болѣе культурный народъ, а китайцы— варвары, народъ грубый, жестокій,—разница зависитъ еще и отъ того, что англичане никогда не продѣлывали въ Трансваалѣ того, что продѣлываютъ гг. европейцы въ Китаѣ.

Если бы англичане позволяли себѣ съ бурами, ихъ женами, ихъ дѣтьми, то, что гг. европейцы позволяютъ себѣ въ Китаѣ, — еще большой вопросъ, были ли буры такъ рыцарски-благородны и мягки ко врагу.

Не видя отъ иностранцевъ ничего, кромѣ жестокости, эксплоатаціи, презрѣнія, видя, какъ иностранцы пользуются ихъ нищетой, невѣжествомъ, пороками, — китайскіе патріоты возмутились иностранцами и, не видя защиты со стороны властей, видя, что ихъ власти держатъ сторону

иностранцевъ, — они возстали противъ мандариновъ.

Бибиковъ въ одной фразѣ характеризовалъ всю пугачевщину.

— Страшенъ не Пугачевъ, страшно общее негодованіе.

Страшна не кучка фанатиковъ-боксеровъ, страшно общее негодованіе, охватившее Китай, негодованіе противъ иностранцевъ и не могущихъ, не желающихъ защищать свой народъ властей, негодованіе, которое заставляетъ регулярныя китайскія войска держать сторону мятежниковъ, и народъ — считать „боксеровъ“ героями.

Боксеръ — это только вспышка пламени. Но тотъ же огонь тлѣетъ въ душѣ всего китайскаго народа.

И этотъ огонь зажгла г-жа Цивилизація.

Г-жа Цивилизація! Ее вовсе не надо представлять себѣ легкой, воздушной женщиной, съ глазами, полными кротости, доброты и любви.

Она любитъ казаться такой. Но она совсѣмъ не такова.

Она очень изящна, граціозна, это правда, — но подъ модными, красивыми рукавами скрываются здоровенные мускулы, которымъ позавидовалъ бы любой атлетъ.

Своими хорошенькими пальчиками она можетъ разорвать якорную цѣпь.

Въ концѣ-концовъ, она похожа на хорошенькую акробатку, которая въ циркѣ дѣлаетъ, улыбаясь, упражненія съ пушкой.

Это — „женщина-пушка“.

Въ ея прехорошенькомъ ридикюльчикѣ лежитъ отличный „бульдогъ“ и въ коробочкѣ изъ-подъ шоколада, которую она держитъ въ рукахъ, лежатъ пули думъ-думъ.

Не думайте, пожалуйста, что она выбираетъ въ коробочкѣ шоколадную пастильку, чтобы полакомиться, — она выбираетъ пулю, какую бы лучше влѣпить вамъ въ лобъ.

Конечно, если вы „некультурный“ человѣкъ.

Весь міръ она дѣлитъ на двѣ половины: культурныхъ и некультурныхъ.

Съ первыми она обворожительная свѣтская женщина, со вторыми — кухарка.

Она похожа на жену, которая бьетъ башмакомъ своего мужа, и — ласковый котенокъ съ любовникомъ.

Въ одинъ прекрасный день г-жа Цивилизація является къ некультурному человѣку и говоритъ:

— Вы мнѣ нравитесь!

Некультурный человѣкъ кланяется и говоритъ:

— Благодарю васъ. Садитесь.

— Я хочу что-нибудь для васъ сдѣлать хорошее!

Некультурный человѣкъ снова кланяется и говоритъ:

— Благодарю васъ. Но я ни въ чемъ не нуждаюсь. Я доволенъ тѣмъ, что у меня есть!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — зажимаетъ уши г-жа Цивилизація, — я такъ добра, такъ добра! Это мой принципъ, моя религія, мое назначеніе — быть доброй! Я непремѣнно должна для васъ сдѣлать что-нибудь хорошее. Какъ вы живете!

— Домъ достаточно хорошъ для меня. Въ немъ жилъ мой дѣдъ, мой отецъ. Я его люблю.

— Ахъ, нѣтъ! Его непремѣнно надо сломать и сжечь.

— Но, сударыня...

— Ни слова! Не мѣшайте мнѣ дѣлать доброе дѣло. Что это за гадость тамъ у васъ въ углу?

— Но — это мое божество, сударыня! Божество, которому я молюсь!

— Ахъ, его надо бросить въ помойную яму! Это глупость, суевѣріе, заблужденіе, дрянь! Батюшки, сколько у васъ денегъ! Что вы съ ними дѣлаете? Знаете, что? Дайте ихъ мнѣ...

— Но, сударыня, я работалъ...

— Глупости! Вздоръ! Вы не знаете, какъ, куда ихъ тратить! Дайте мнѣ ихъ сейчасъ, сію минуту. Я накуплю себѣ разныхъ хорошихъ вещей,— вы увидите, и потомъ, когда наработаете еще денегъ, купите себѣ такихъ же вещей. Вы будете счастливы!

— Ахъ, сударыня, увѣряю васъ, что я счастливъ и съ деньгами!

— Вздоръ! Пустяки! Глупости! Вы мнѣ нравитесь, и я рѣшилась вами заняться. Я пришлю вамъ нѣсколько моихъ друзей, они научатъ васъ всему, и вы увидите...

— Друзей?! — съ отчаяніемъ говоритъ некультурный человѣкъ.

— Да, да! Очень культурный народъ, — но вы не безпокойтесь, они самоотверженный народъ. Ничего, что у васъ грязно, скверно, — они претерпятъ все, ради меня и ради васъ!

— Нельзя ли, сударыня, безъ нихъ.

— Ахъ, вы не знаете, что это за милый народъ. Вы будете очарованы. Во-первыхъ, мистеръ Смисъ. Человѣкъ удивительной энергіи. Его отецъ тоже былъ человѣкъ удивительной энергіи, — онъ торговалъ рабами. Вы знаете, это требуетъ большихъ способностей! Его мать... Его мать держала, положимъ, не совсѣмъ хорошій домъ, — но это ничего не значитъ. Родители оставили ему хорошій капиталъ, но мистеръ Смисъ человѣкъ энергіи. О, вы придете въ восторгъ, когда его узнаете! Это человѣкъ огромныхъ замысловъ! Онъ мечтаетъ о милліардахъ, онъ хочетъ обѣдать, ужинать въ обществѣ титулованнѣйшихъ людей, украшать своихъ дочерей громчайшими титулами, покровительствовать наукамъ, литературѣ, искусствамъ. Это человѣкъ съ развитымъ вкусомъ, съ развитыми потребностями, но я увѣрена, что ему понравится то, что у васъ есть. Онъ не пропускаетъ ни одного бѣднаго безъ того, чтобъ не взять у него копейки. Затѣмъ, графъ Auteuil маркизъ de-Longchamps. Прелестный молодой человѣкъ. Это будетъ даже полезно ему — проѣхаться къ вамъ. Мальчуганъ черезчуръ живетъ въ Парижѣ. Проигралъ все, что имѣлъ, и даже то, что когда-нибудь будетъ имѣть. Вдался въ какіе-то необыкновенные пороки. Ему будетъ хорошо освѣжиться. Добрякъ Мюллеръ радъ будетъ найти пріютъ у васъ. Бѣдняга на родинѣ двоихъ ограбилъ, одного зарѣзалъ и шестерыхъ обокралъ. Но въ душѣ это предобрый малый. Ему нѣтъ мѣста на родинѣ и онъ съ восторгомъ устроится у васъ.

Г. Ивановъ будетъ вамъ очень полезенъ въ устройствѣ хозяйства. О, онъ отлично знаетъ хозяйство: у него было три имѣнія, и онъ разорилъ всѣ три, вводя новыя системы хозяйства. Онъ столько потерялъ на своемъ хозяйствѣ, что, вѣроятно, сумѣетъ устроить ваше. Синьоръ Луиджи тоже отличный человѣкъ, но не можетъ нигдѣ пристроиться на родинѣ: бѣднягу отовсюду гонятъ, точно такъ же, какъ дона Эскамильо. Эти милые люди васъ разовьютъ. Ну, вы понимаете, народъ молодой. Вамъ иногда придется смотрѣть сквозь пальцы на то, что дѣлаетъ ваша жена, и не особенно сердиться, если съ вашими дочерьми...

— Сударыня!

— Конечно, вамъ придется ложиться, вставать, пить, ѣсть, спать не тогда, когда хочется вамъ (это дико!), а тогда, когда захотятъ мои добрые цивилизованные друзья.

— Но, сударыня, я вовсе не хочу быть цивилизованнымъ.

— Но это приноситъ счастье!

— Да я не хочу быть счастливымъ! Кто вамъ сказалъ, что я хочу быть счастливымъ?

Г-жа Цивилизація дѣлаетъ большіе глаза.

— Что-о? Человѣкъ не хочетъ быть счастливымъ? Нѣтъ-съ, вы будете счастливымъ? Будете! Будете!

— Да не желаю!

— Врешь! Сказано: будь счастливъ,— и будешь! Будешь!

— Да я...

— Молчи, мерзавецъ! Сію секунду будь счастливъ!

— Рразъ!

Г-жа Цивилизація даетъ хорошаго бокса.

— Да за что же...

— А чтобы ты былъ счастливъ! Я заставлю тебя быть счастливымъ!

Рразъ, рразъ, рразъ! Г-жа Цивилизація бросаетъ бѣднаго некультурнаго человѣка объ полъ, она топчетъ его ногами, бьетъ и приговариваетъ:

— Чувствуешь себя счастливымъ?

— Чувствую! — стонетъ бѣдняга.

— То-то!

А затѣмъ онъ встрѣчается съ культурнымъ человѣкомъ.

Культурный. — Что это у васъ съ физіономіей?

— Цивилизація въ гостяхъ была,—нехотя отвѣчаетъ некультурный.

— Не правда ли, какая милая особа?

— Ничего, вотъ только бокъ больно! Два ребра мнѣ сломала.

— Не можетъ быть! Она такая нѣжная...

— Вышибла мнѣ глазъ.

— Деликатная!

— Переломила руку.

— Добрая, добрая, добрая!

— Выбила всѣ зубы!

— Гмъ... гмъ... очевидно, на свѣтѣ есть двѣ цивилизаціи!

— Нѣтъ, только одна.

Но, какъ медаль, она имѣетъ двѣ стороны, и бѣднягамъ некультурнымъ приходится видѣть всегда обратную.

Они видятъ по большей части тѣхъ людей, которымъ нѣтъ мѣста на родинѣ, тѣ инстинкты, которыхъ нельзя проявлять на родинѣ, ту алчность, ту жадность, которыя не могутъ быть удовлетворены на родинѣ.

Тамъ „на свободѣ“, европеецъ даетъ волю всему, что онъ долженъ держать въ уздѣ здѣсь.

И по отношенію къ величайшимъ дикарямъ величайшій дикарь, конечно, европеецъ.

— Обуздать! — таковъ теперь лозунгъ Европы.

Но, обуздавъ возставшихъ китайцевъ, Европа должна обуздать и своихъ „носителей культуры“.

То, что происходитъ сейчасъ въ Китаѣ, только начало того огромнаго движенія, которое должна вызывать въ Китаѣ европейская цивилизація, показываемая Китаю только съ дурной, жестокой, безсердечной, варварской стороны.

НА ВОСТОКЪ!

I.

Миссіонеры.

Съ отцомъ Василіемъ я познакомился на дальнемъ Востокѣ.

— Только въ восточномъ полушаріи и можно еще встрѣтить интереснаго человѣка!— какъ говорилъ мнѣ одинъ пріятель во Владивостокѣ,—развѣ у васъ въ Европѣ есть люди? Какіе у васъ люди, у васъ „публика“.

Во время стоянки въ одномъ изъ китайскихъ портовъ мы сидѣли въ каютъ-компаніи, пили что-то, и разговоръ шелъ довольно вольный.

Въ это время въ столовую вошелъ высокій, чрезвычайно красивый, — прямо красавецъ, — священникъ, съ совершенно молодымъ лицомъ, съ совершенно сѣдыми волосами. Заострившіяся черты придавали его лицу характеръ „греческаго письма“. А на впалыхъ щекахъ игралъ молодой, здоровый, яркій румянецъ. Глаза были полны жизни, огня. Длинные, сѣдые, какъ лунь, волосы падали на плечи.

Выступалъ онъ молодцомъ и въ манерѣ держаться было что-то очень „свѣтское“, не священническое.

— А, отецъ Василій!—радостно привѣтствовала его компанія.

Насъ познакомили.

Отецъ Василій присѣлъ къ намъ и спросилъ себѣ чаю.

Несмотря на присутствіе духовнаго лица, разговоръ продолжался попрежнему—вольный. Отецъ Василій прихлебывалъ чай, смѣялся, слушалъ съ интересомъ, переводя свои живые, быстрые глаза съ одного говорившаго на другого, и, наконецъ, самъ не выдержавъ, воскликнулъ съ увлеченьемъ:

— Въ мое время въ этой партіи Тео была замѣчательна. Ухъ, я вамъ скажу, пуля была. Во второмъ актѣ помните, когда...

Но тутъ отецъ Василій вдругъ спохватился, всѣ расхохотались.

Онъ засмѣялся самъ, всталъ, махнулъ рукой:

— А, ну васъ всѣхъ...

Мнѣ показалось, что у него чуть-чуть не вырвалось даже „къ чорту“,—да онъ во время удержался.

И вышелъ.

Когда я потомъ проходилъ по палубѣ, я увидалъ на спардекѣ отца Василія.

Онъ сидѣлъ на скамеечкѣ, смотрѣлъ на море, на звѣзды и что-то насвистывалъ.

Потомъ мы съ нимъ познакомились ближе, разговорились, сошлись, даже какъ-будто немножко подружились, и онъ посвятилъ меня въ свою исторію, не совсѣмъ обыкновенную.

Отецъ Василій изъ гвардейскихъ моряковъ. Былъ офицеромъ и состоялъ что-то въ хорошемъ чинѣ.

Кутилы среди моряковъ не рѣдкость, но онъ былъ на рѣдкость и среди кутилъ. Прямо,—говоря его любимымъ выраженьемъ,—„не человѣкъ былъ, а пуля!“ Да еще какая пуля. Красавецъ, — это видно, — онъ былъ на рѣдкость, и у прекраснаго пола успѣхъ долженъ былъ имѣть потрясающій. Пилъ — море.

Его дебоши гремѣли. И выдумщикъ онъ былъ на нихъ удивительный. Много безпутной шири, дикой мощи, безшабашной удали было въ этихъ дебошахъ.

И вотъ, однажды, во время какого-то невѣроятнаго кутежа...

— Недѣлю пили! — скромно говоритъ отецъ Василій.

Когда все, что только можно было „раздѣлать“, было „раздѣлано“, — пришла моряку-гулякѣ дикая фантазія написать письмо одному отшельнику, слава о строгой жизни котораго тогда гремѣла.

Почему? Зачѣмъ? Развѣ влѣзешь въ психологію пьянаго человѣка? На то онъ и пьяный, чтобъ дикости дѣлать.

Блестящій морякъ бывалъ въ обществѣ. Въ обществѣ много говорили о знаменитомъ отшельникѣ. Вѣроятно, просто это имя нажужжало въ ушахъ, а теперь вдругъ некстати и припомнилось.

Онъ спьяна и „накачалъ“ письмо.

А такъ какъ письмо было дерзкое и оскорбительное, то и подписался подъ нимъ всѣми буквами, проставилъ мѣсто службы и адресъ.

Прошло нѣсколько дней; и вотъ, на имя моряка получается вдругъ письмо отъ знаменитаго отшельника.

Отшельникъ писалъ приблизительно слѣдующее:

— „Любезный сынъ мой! Вамъ угодно было написать мнѣ предерзкое письмо, — чѣмъ вы меня очень обрадовали. Письмо это, судя по самому почерку, — писано не иначе, какъ въ мертвецки пьяномъ видѣ, — что меня тоже очень радуетъ. Ибо, всякій другой, на вашемъ мѣстѣ, въ такомъ положеніи бы только развѣ за знакомой дѣвицей послалъ, только о ней бы и вспомнилъ. А вы о смиренномъ отшельникѣ вспомнить въ такую минуту изволили и его оскорбить захотѣли. Очень я этому, повторяю, радъ и радуюсь за васъ. Пить-то вы пьете и безобразничаете, надо полагать, неистово, — а внутри-то васъ какая-то скрытая, незамѣтная, едва слышная работа идетъ. Тѣлу-то вашему гулять бы хотѣлось, пить, развратничать напропалую, — а въ душѣ-то какой-то голосокъ слабенькій-слабенькій, какое-то имя вамъ шепчетъ: „А вѣдь, братъ, не всѣ, что ты дѣлаешь, одобряютъ“. И хотѣлось бы вамъ, чтобъ весь міръ былъ такой же пьяный и распутный, какъ вы, чтобъ никого стыдно не было, а гдѣ-то тамъ вдали сидитъ въ пустынькѣ старикъ и не этакъ живетъ. И разбираетъ васъ злость-то на старика. Далеко старикъ, — а мѣшаетъ. Мѣшаетъ почему-то, вотъ и все, на умѣ вертится. И хочется вамъ этого старика изругать, испаскудить, въ грязь втоптать. „Не мѣшай мнѣ“. Это-то и называется совѣстью. И вотъ почему я очень радъ: ея, ма-

тушкинъ, голосъ слышу въ вашихъ ругательствахъ. Не умерла, если ругается".

— То-есть, какъ обухомъ меня по лбу — это письмо! — говоритъ отецъ Василій, — всякое думалъ. Ну, думалъ, подъ столъ бросить: не обращать же на всякую глупость вниманья. Ну, разозлится, — пожалуется. Подъ карауломъ отсижу. Но чтобъ письмо...

Что было дѣлать?

— Думалъ бросить. Нѣтъ, не могу! Долженъ отвѣтить. Не могу безъ отвѣта оставить. И началъ я тутъ пить. Пью и въ пьяномъ видѣ къ отшельнику письма сочиняю. Пилъ съ недѣлю, наконецъ, озлился и такое письмо закатилъ, чище прежняго. „Вы чего это, — пишу, — великодушіемъ задавить задумали? Знаемъ мы вашего брата, ханжу! Я, милостивый государь, ни отъ кого прощенія не принималъ и принимать не желаю. Вы жаловаться должны, а не письма писать! Писемъ вы мнѣ писать не смѣете. Я съ вами переписываться вовсе не имѣю намѣренія, — въ пьяномъ видѣ вамъ только написать могу. А вы ужъ и обрадовались!" То-есть, такого наворотилъ, ужасъ! И все стараюсь его этакъ почувствительнѣе-то, почувствительнѣе. А онъ опять отвѣтъ, и опять все радуется: „А совѣсть-то, — пишетъ, — работаетъ, работаетъ совѣсть-то! Ругайтесь, — пишетъ, — сильнѣе ругайтесь, засыпать-то ей не давайте". Тутъ ужъ я совсѣмъ разсвирѣпѣлъ. „Такъ-то! — пишу, — ладно! Удовольствіе вамъ? Такъ начну жъ я васъ каждый день ругать! Посмотримъ, надолго ли у васъ этого самаго ханжества хватитъ.

Взбѣсишься, братъ!“ И пошелъ, и пошелъ! Каждый день по письму. Пью и пишу. Хожу трезвый, пьяный, только и думаю: какъ бы мнѣ старика поздоровѣе выругать, изъ колеи его вышибить! Только о немъ и думаю. А онъ мнѣ каждый день отвѣтъ, и все отъ моихъ ругательствъ въ восторгъ приходитъ. Измучился я съ нимъ. Стоитъ передо мной, да и все. И ни за что его изъ колеи не вышибешь. Недѣли три такъ у насъ шло. Переписывались. Я ему каждый день письмо, онъ мнѣ каждый день отвѣтъ. Пить даже позабылъ, до того меня старикъ мучилъ. Наконецъ, изнемогъ. „Да что жъ это? — пишу. — Что вы мнѣ все: совѣсть да совѣсть. Что жъ мнѣ отъ совѣсти-то всю жизнь вамъ ругательскія письма сочинять, что ли? Ты скажи, дѣлать-то что надо, дѣлать!“—„А первое, — пишетъ онъ мнѣ, — сходи ко всенощной. Все равно, ты теперь пить бросилъ, по вечерамъ такъ болтаешься. Такъ ты ко всенощной сходи. Пѣснь тамъ есть одна: „Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти, — но Самъ мя заступи и спаси, Спасе мой“. Не понравится,— значитъ, не понялъ. Ты въ другой разъ поди послушай, — поймешь. А чтобъ тебѣ не очень ужъ скучно было, — вотъ тебѣ книжка, житіе, человѣкъ простой былъ, не такой, какъ ты, важный. Почитай, — можетъ, приглянется. Скучно покажется, — а ты прочитай все до конца. Можетъ, и по вкусу найдешь строчечку. Прочитай“. И пошло тутъ у насъ несосвятимое. Я ему письма, онъ мнѣ отвѣты по 18 страницъ. Книги шлетъ. Читаю, критикую, отвѣчаю, спорю. Службу забросилъ

все. Въ головѣ Богъ знаетъ что. Пить было даже опять принялся. Пью, читаю, житія, питье, письма, служба, совѣты, отвѣты, — все перепуталось. Не могу! „Что мнѣ дѣлать, — пишу, — что дѣлать? Научи!“ На этотъ разъ онъ мнѣ ужъ не на 18 страничкахъ письмо прислалъ, а всего на одной. Краткое: „Ты человѣкъ военный. Что намъ съ тобой долго-то разговаривать? Налѣво кругомъ, — маршъ на Аѳонъ“.

И вотъ „не человѣкъ, а пуля“, кутила, забулдыга и, при всемъ томъ, отличный морякъ, на виду, въ карьерѣ, — подаетъ вдругъ прошеніе объ отставкѣ.

Уговаривали, убѣждали, — ничего! Мѣсяца черезъ полтора онъ стоялъ на колѣняхъ передъ настоятелемъ одного изъ аѳонскихъ монастырей и просилъ:

— Послушанія для укрощенія плоти.

Настоятель былъ строгій, грубый, изъ простыхъ грековъ и назначилъ блестящему молодому человѣку такое „послушаніе“, которое даже при ихъ строгихъ правилахъ считалось позорнымъ: чистить отхожія мѣста.

— И приступилъ! Въ церкви даже отъ меня сторонились. Ужъ на что аѳонскій монахъ не балованный, — а и то моего присутствія выдержать не могли. Провонялъ весь. Хлѣбъ въ свои руки мерзко было взять. Самъ собой брезговать началъ. А все не идетъ! Чищу, чищу, а вдругъ все прежнее представится. „Что я дѣлаю? — думаю, — вотъ съ ума-то сошелъ. Какой-то полоумный старикъ что-то сказалъ, а я-то... Просто это у меня отъ

пьянства было. Жилъ бы теперь". И кутить я любилъ, — но особенно женщина! Поистинѣ, до остервенѣнья съ женщиной дошелъ, вотъ оно, „озлобленіе плоти-то" не идетъ изъ ума.

Отецъ Василій опять къ настоятелю пошелъ, опять бухъ въ ноги:

— Нельзя ли построже „послушаніе". Это для меня легко!

Даже аѳонскій настоятель, — видалъ виды, — удивился:

— Ладно! Дамъ тебѣ еще одно. Строже ужъ нѣту. Что жъ мнѣ, не за ребро же тебя еще вѣшать!

Отца Василія назначили въ работу на виноградники на цѣлые дни, съ утра до ночи. Только за тяжкія вины назначается такое наказаніе и на Аѳонѣ. Цѣлый день, согнувшись, подъ жгучими лучами южнаго солнца, въ пеклѣ.

— Спина вся пузырями пошла. На спину спать ложиться не могъ. Скрючившись ходилъ, разогнуться не было возможности. И все же скрючившись, лежу, а представляется. Все представляется... Все тѣло духъ-то за горло беретъ, къ землѣ его гнетъ.

Явился отецъ Василій къ настоятелю:

— Благословите въ другой монастырь итти. Въ молчальники.

— Что жъ, – говоритъ настоятель, — иди. Да ты бы въ столбѣ посидѣть попробовалъ. Можетъ, полегчаетъ.

Ушелъ онъ въ горы къ молчальникамъ, сложилъ себѣ столбъ въ мѣстѣ дикомъ, уединенномъ, сидитъ въ немъ день и ночь.

— А у самого-то мысли, у самого-то мысли. „Сижу я здѣсь въ столбѣ, — вотъ бы меня въ этомъ видѣ мои пріятели изъ Петербурга бы увидѣли! Вотъ, я думаю, со стороны-то смѣшно!“ И представляется мнѣ моя фигура въ такомъ уморительномъ видѣ, что хохочу, да и все. Вѣдь, до какого мальчишества дошелъ. Началъ позы принимать и на солнцѣ на тѣнь смотрѣть, и хохотать. Хохочу, да и все. А на память-то все картины приходятъ, картины! Нѣтъ, вижу, въ одиночку-то сидя, да въ молчанку, плохо дѣло. Тутъ одинъ на одинъ-то плоть еще сильнѣе подступаетъ. Лучше на людяхъ, въ дѣлѣ. Вышелъ изъ молчальниковъ, посвятили меня, — на Аѳонѣ это легко, — и вотъ поѣхалъ сюда. Сейчасъ сопровождаю эшелонъ, а потомъ въ Китай, въ миссіонеры.

Гдѣ теперь отецъ Василій? Добился ли онъ побѣды духа? Удалось ли ему укротить свою могучую, богатырскую плоть?

Или и плоть и духъ равно нашли успокоеніе подъ ножомъ какого-нибудь „боксера“?..

Отецъ Захарія былъ у насъ корабельнымъ священникомъ.

Милый попикъ изъ монаховъ. Волоса свѣтлые, рѣденькіе, почти безцвѣтные. Глаза сѣренькіе, добрые, ласковые и конфузливые. Любили его всѣ на пароходѣ очень и съ удовольствіемъ окликали:

— А! Батюшка!

Хотя онъ и старался; чтобъ его не замѣчали.

Странное было что-то въ его манерѣ держаться. Словно кругомъ всѣ были такіе важные, умные,

большіе, а онъ такой маленькій, что ему даже конфузно, неловко, что онъ среди такихъ выдающихся и крупныхъ людей затесался.

Когда капитанъ, подходя ко кресту, „для примѣра передъ командой“, хотѣлъ цѣловать отцу Захаріи руку, — отецъ Захарія краснѣлъ и отдергивалъ руку чуть не со страхомъ:

— Что вы? Что вы? Зачѣмъ это?

Его стыдили, — конечно, шутя:

— Какъ же такъ, отецъ Захарія? Вѣдь, вы же духовная особа!

Онъ добродушно махалъ рукой:

— Ну... какая я особа!..

Характера онъ былъ веселаго и общительнаго, хоть и молчалъ больше.

Любилъ вечеркомъ посидѣть въ каютъ-кампаніи, послушать разсказы. А когда разговоръ принималъ вольный оборотъ, — отецъ Захарія вставалъ и уходилъ, непремѣнно потихоньку.

Такъ, чтобъ никто не замѣтилъ. Только потомъ схватятся:

— А гдѣ же батюшка?

И догадаются:

— Это вотъ Владиміръ Николаевичъ давеча неосторожныя слова говорить началъ.

Деликатности отецъ Захарія былъ изумительной, — даромъ, что „читалъ хорошо, а писать былъ не мастеръ“. Дай Богъ всякому „воспитанному“ человѣку столько милой внутренней деликатности имѣть.

Разоврались какъ-то въ каютъ-кампаніи. Доврались, дѣйствительно, до геркулесовыхъ столбовъ.

Смотримъ, — и у всѣхъ языки остановились, — сидитъ нашъ отецъ Захарія, красный до корней волосъ, и на глазахъ чуть не слезы.

А уйти не ушелъ потому, что сидѣлъ за столомъ вторымъ, и уйти нельзя было, не обративъ на себя вниманія, не сдѣлавъ демонстраціи и не давши присутствующимъ понять ихъ нетактичность.

Отецъ Захарія былъ дѣвственникъ. И когда младшіе помощники и надъ этимъ посмѣивались, — отецъ Захарія краснѣлъ и терялся, какъ-будто пойманный въ чемъ-нибудь нехорошемъ.

— Что же-съ... Вѣдь, это не обязательно-съ... конечно-съ... а кто можетъ... отчего же...

Словно извинялся за свою чистоту.

Религіозенъ онъ былъ очень. Но втайнѣ. Часами сидѣлъ у себя въ каютѣ и читалъ молитвы и правила, а когда выходилъ, то на вопросъ: „Что дѣлали?“ — отвѣчалъ:

— Такъ... ковырялся... Въ порядокъ надо было кой-что привести...

О религіи онъ никогда не заговаривалъ первый. А когда заговаривали другіе, — отвѣчалъ очень робко и словно виновато.

Онъ даже „насчетъ службъ“ съ капитаномъ говорилъ, словно извинялся, что безпокоитъ такими вещами человѣка, занятаго, Богъ знаетъ какими важными дѣлами.

Для службы надо на спардекѣ устроить навѣсъ изъ флаговъ, — и отецъ Захарія „безпокоилъ этимъ“ капитана съ необычайной робостью.

— У насъ, знаете, по-церковному, праздникъ завтра...

— Ну, и что же?

— Да ничего... Всенощное бдѣніе хорошо бы совершить!

Капитанъ, улыбаясь, глядѣлъ на этого милаго, сконфуженнаго человѣка и говорилъ ему такъ, какъ говорили всѣ на пароходѣ, когда хотѣли ужъ очень обласкать отца Захарію:

— Ну, что жъ! И соверши, батя!

— И совершу! — улыбался радостно отецъ Захарія.

Замѣчено было, что въ праздники отецъ Захарія послѣ завтрака всегда часа два гуляетъ въ какой-то особенной шляпѣ. Черной касторовой, какой въ другое время онъ не надѣваетъ.

Въ особенности это странно было въ тропикахъ. Весь въ парусинѣ, а на головѣ теплая шляпа.

— Батя! — созорничалъ, конечно, въ шутку, какой-то помощникъ, — а вотъ я возьму съ тебя это шляпу да въ море брошу! Что ты въ тропикахъ теплую шляпу носишь?

И поднялъ руку, будто бы взяться за его шляпу. Отецъ Захарія отступилъ, на лицѣ его выразился даже испугъ.

— Нельзя! Это шляпа отца Іоанна Кронштадтскаго!

У „помощника“ и руки опустились.

По праздникамъ отецъ Захарія дѣлалъ себѣ праздникъ: гулялъ два часа въ шляпѣ отца Іоанна Кронштадтскаго.

Такъ случайно мы узнали его тайну. Онъ однажды служилъ соборнѣ съ о. Іоанномъ, понравился ему, вѣроятно, и отецъ Іоаннъ подарилъ ему служебникъ и шляпу. По другому служебнику отецъ Захарія и не служилъ, а шляпу надѣвалъ по праздникамъ.

— Для просвѣтленія ума и радостныхъ мыслей! — какъ, сконфузившись, пояснилъ онъ.

Былъ однажды съ отцомъ Захаріею „примѣрный случай", о которомъ я знаю, конечно, не отъ него, а отъ самого исповѣдальщика.

Исповѣдывался у о. Захарія человѣкъ важный, видный, ученый, очень почитаемый въ томъ приморскомъ городѣ, гдѣ происходило дѣло. Исповѣдываться пришелъ, вѣроятно, потому, что „состоя на службѣ, это требуется", — но наединѣ со смиреннымъ попикомъ разоткровенничался.

— Тверды ли въ упованіи? — спросилъ робко отецъ Захарія.

Онъ и на исповѣди съ такимъ важнымъ лицомъ говорилъ на „вы".

— Какъ?

— Въ упованіи тверды ли?

— Насчетъ вѣры? Вѣрю плохо!

Отецъ Захарія весь съежился, заметался, сдѣлался такимъ несчастнымъ, растерялся.

— Нехорошо... то-есть, извините... я хотѣлъ сказать... вѣрить надо...

— Да какъ же вѣрить-то, если не вѣруется? Вотъ и помогите моему невѣрію...

Отецъ Захарія смутился окончательно:

— Гдѣ ужъ мнѣ... вы сами какъ-нибудь... а вѣрить надо... вѣрить надо... требуется! — чуть не плача ужъ объяснилъ онъ.

Тутъ исповѣдальщику ужъ жаль стало бѣднаго растерявшагося попика:

— Батюшка, я буду вѣрить... Это недостатокъ вѣры отъ суетности! Вы не безпокойтесь. Пройдетъ!

И весь смиренный, но не униженный, видъ этого дѣвственно-стыдливаго во всемъ, что касалось святой-святыхъ его души, словно говорилъ:

— Что мнѣ тутъ, маленькому, да простому, дѣлать съ вами, съ просвѣщенными, да съ важными. Мнѣ бы съ кѣмъ попроще.

Завѣтная мечта его была — въ миссіонеры въ Китай.

— Еще два рейса сдѣлаю, а потомъ обѣщали миссіонеромъ къ китайцамъ послать!

— Да какъ же ты съ ними, батя, будешь разговаривать-то?

— А кой-какъ... Я немножко-то по-ихнему маракую. По словарику подучиваюсь, слова затверживаю.

Много плавая по китайскимъ портамъ, онъ и немножко зналъ по-китайски, и любилъ китайцевъ:

— Народъ бѣдный, а настоящаго-то упованія у нихъ нѣту. А бѣдному-то человѣку упованіе—охъ, какъ нужно. Упованіе для бѣднаго все. Здѣсь-то плохо, да зато тамъ упованіе! И утѣшаетъ!

Отца Варсонофія, священника изъ бурятъ, я узналъ въ самую трудную пору его жизни.

Съ желтымъ скуластымъ лицомъ, какъ смоль черными волосами, рѣденькой бородкой, живыми, прямо огнемъ горѣвшими глазами, съ серьгой въ ухѣ, съ выраженіемъ, полнымъ отваги, энергіи, онъ былъ больше похожъ на забайкальскаго казака, неизвѣстно для чего переодѣвшагося въ рясу.

— Воитель! — какъ звали его раскольники.

Ихъ въ приходѣ у отца Варсонофія было много, и, по предложенію епархіальнаго начальства, онъ долженъ былъ открыть съ ними собесѣдованія. Но дѣло шло плохо. Начетчики, сосланные еще вдобавокъ „за упорство и совращеніе“, знали писаніе, какъ свои пять пальцевъ, и не давали отцу Варсонофію, какъ онъ говорилъ, „дохнуть“ текстами.

Отецъ Варсонофій „срамился“ передъ слушателями, сердился, выходилъ изъ себя и тѣмъ больше подчеркивалъ свое пораженіе.

— Я такъ не могу-съ! — говорилъ онъ мнѣ въ величайшемъ волненіи, — неугодно ли со всякимъ спорить. Онъ тебѣ глупость скажетъ, — вѣдь, видно, что глупость. Нѣтъ, ты доказывай! Вѣдь, что врутъ! Его бы за это за самое просто-напросто за волосья оттаскать надо, — а я спорь!

О немъ разсказывали, что онъ однажды, когда миссіонерствовалъ у бурятъ, явился на какой-то ихъ самый важный праздникъ, переколотилъ всѣ буддійскія статуи и чего-то такого наговорилъ имъ на родномъ языкѣ, что бурята только въ ноги повалились:

— Дѣлай съ нами, что хочешь! Только помилуй!

Это онъ, вѣроятно, могъ, а текстовъ у него „не хватало“.

Особенно же его выбивали раскольники изъ колеи тѣмъ, что кололи ему глаза его слабостью.

— Охотникъ!

Мнѣ даже дьячокъ на него жаловался:

— Невозможно-съ. Не подобаетъ. Служитель алтаря, и вдругъ пролитіе крови. Не указано, а дѣлаетъ, потому природы своей переломить ни за что не можетъ. Прежде еще что было! На медвѣдя все ходилъ. Нѣтъ ему другого удовольствія, какъ на медвѣдя, одинъ на одинъ, да не какъ-нибудь, пулей, а непремѣнно съ рогатиной. Убѣдили, что неловко, — и отсталъ. Отъ птицы даже отсталъ, — не бьетъ. А вотъ отъ бѣлки отстать не можетъ. И непремѣнно бьетъ ее въ носъ дробинкой. „Это, — говоритъ, — и не уговаривайте, бѣлку бить не прекращу!“ Отъ медвѣдя отказался, а передъ бѣлкинымъ носомъ устоять не можетъ!

Когда я познакомился съ отцомъ Варсонофіемъ, онъ съ минуты на минуту ждалъ отправки въ Китай, согласно прошенію.

— Уйду я отъ этихъ галмановъ. Въ Китай — любо-дорого. Текстовъ никакихъ, а по-китайски я во какъ!

Да тамъ, вѣроятно, и бѣлкина носа въ укоръ ставить не будутъ, — даже въ достоинство.

Вотъ нѣсколько нашихъ миссіонеровъ, которыхъ я зналъ на Востокѣ. Конечно, кромѣ этихъ миссіонеровъ-охотниковъ, есть еще миссіонеры-спеціалисты, получившіе спеціальную миссіонерскую подготовку, спеціальное для этого образованіе, —

но я не думаю все же, чтобъ ряды нашихъ миссіонеровъ-спеціалистовъ, сильно разбавленные отцами Василіями, отцами Захаріями и отцами Варсонофіями, представляли собой такіе почти военные ряды арміи, какъ миссіонеры католическіе.

II.

Это было въ Парижѣ 1 августа новаго стиля этого года.

Около семинаріи на rue de Back, было мрачное и тревожное оживленіе.

Можно было подумать, что въ церкви семинаріи происходятъ большія похороны. Похороны жертвъ какой-нибудь ужасной катастрофы. Хоронятъ десятки, сотни жертвъ, оставившихъ послѣ себя несчастныхъ матерей, отцовъ, братьевъ, сестеръ.

— Что случилось?

На паперть церкви шли люди съ блѣдными, измученными, убитыми горемъ лицами, съ опухшими и красными отъ слезъ глазами.

— Да, ради Бога, что случилось?

Церковь семинаріи была затянута внутри, однако, не чернымъ, а темно-краснымъ сукномъ, цвѣта крови, — какъ въ большіе праздники.

На этомъ кровавомъ фонѣ сверкали нашитые золотомъ кресты, копья, клещи, молотки — орудія казни.

Передъ алтаремъ стояли на колѣняхъ человѣкъ полтораста юношей въ черныхъ сутанахъ.

— Отправка миссіонеровъ.

Шла торжественная месса.

Епископъ и священники особенно громко, особенно медленно и особенно протяжно дѣлали возгласы.

Органъ гудѣлъ торжественно, медлительно, таинственно, — словно при погребеніи.

Было и торжественно и жутко.

Въ церкви стоялъ легкій шумъ, словно шумъ пчелинаго улья. Горячій шопотъ молитвъ. Богомольцы стояли на колѣняхъ, наклонившись надъ молитвенниками. То тамъ, то здѣсь слышались всхлипыванья, плачъ, подавленныя рыданья.

Месса кончилась. Печальною, протяжною нотою оборвался органъ.

Юноши въ черныхъ сутанахъ встали съ колѣнъ и построились попарно.

Впереди опископъ, за нимъ священники, за ними миссіонеры. Въ полномъ молчаніи торжественно они пошли въ ризницу.

Тамъ, въ полусумракѣ, освѣщенномъ трепетнымъ свѣтомъ лампадъ, стоятъ какія-то скамьи, какія-то страшныя орудія.

Дыбы, орудія неимовѣрныхъ пытокъ и казней, привезенныя сюда изъ дальнихъ странъ. Ими были замучены миссіонеры.

Въ полусумракѣ эти почернѣвшія отъ времени грязныя орудія и доски кажутся покрытыми пятнами запекшейся крови.

Въ полномъ молчаніи юноши становились на колѣни и цѣловали эти ужасныя реликвіи.

Словно давалась безмолвная клятва умереть такъ же.

Когда шествіе вышло изъ полумрака ризницы снова на свѣтъ церкви, — у священниковъ текли слезы, лица юношей были взволнованы и мертвенно блѣдны.

Толпа богомольцевъ не могла больше сдерживаться. Раздались крики, рыданія, вопли, полные отчаянія, несчастные близкіе кинулись къ юношамъ, протягивая руки.

Началось „послѣднее цѣлованіе“.

То, что происходило кругомъ, было ужасно.

Тамъ на груди у блѣднаго, какъ мертвецъ, юноши, билась въ рыданіяхъ сѣдая старуха-мать. Здѣсь несчастный отецъ сжималъ юношу въ объятіяхъ, безмолвно покрывая его голову поцѣлуями, — не въ силахъ сказать ни слова, убитый, плачущій, съ трясущимися губами, безпомощный, какъ ребенокъ. Тамъ силой оттаскивали сестру отъ брата, несчастную дѣвушку, бившуюся въ истерическихъ конвульсіяхъ и кричавшую дикимъ голосомъ:

— Пустите, пустите меня къ нему! Дайте обнять его еще разъ! Въ послѣдній! Въ послѣдній!

Старикъ-настоятель съ глазами, полными слезъ, бережно, тихо отстранялъ этихъ несчастныхъ, отводилъ въ сторону тѣхъ миссіонеровъ, которые уже попрощались.

Такъ старый офицеръ, взволнованный, блѣдный, едва сдерживающій слезы, командуетъ людямъ итти на пароходъ съ пристани, изъ объятій отцовъ, матерей, женъ.

— Попрощались и будетъ! Попрощались и будетъ! Маршъ! — твердитъ онъ, а голосъ у самого дрожитъ и срывается отъ слезъ.

Силой почти разъединили несчастныхъ, убитыхъ горемъ, близкихъ отъ блѣдныхъ юношей, построили въ пары и пошли.

Юноши, всѣ бритые, всѣ въ черныхъ сутанахъ, похожіе одинъ на другого, какъ солдаты, — они въ полномъ порядкѣ попарно проходили среди криковъ, рыданій и истерическихъ воплей толпы близкихъ.

Да, они были похожи на солдатъ. Это было похоже на отправленіе батальона на войну.

И эти стройными рядами уходившіе юноши, и эти несчастные близкіе, оплакивающіе ихъ, какъ покойниковъ.

Съ паперти церкви семинаріи на rue du Back сходила рыдающая, плачущая, убитая отчаяніемъ, горемъ толпа.

— Онъ ѣдетъ въ Китай! Онъ ѣдетъ въ Китай! — твердила какая-то старуха, схватившись за голову, съ обезумѣвшими глазами.

— Мама, идемъ, идемъ! — уговаривала ее молодая дѣвушка, блѣдная, какъ полотно, плачущая, несчастная, убитая.

— Онъ ѣдетъ въ Китай! Онъ ѣдетъ въ Китай! — словно безумная повторяла старуха голосомъ, отъ котораго дѣлалось жутко.

— Неужели и теперь отправляютъ въ Китай? Теперь? — спросилъ я у одного изъ священниковъ.

— Святая Церковь не знаетъ ни мира, ни военнаго времени. Она всегда, не переставая, ведетъ

войну за спасеніе! — отвѣтилъ онъ мнѣ торжественно, высокомѣрно, съ убѣжденіемъ.

III.

Самая обычная картина въ городахъ дальняго Востока.

Церкви еще нѣтъ. Гдѣ-нибудь, около базара, въ людномъ мѣстѣ, навѣсъ, крытый сухими листьями. Кругомъ яркое, горячее солнце. Подъ навѣсомъ тѣнь, таинственный сумракъ. Блещетъ вызолоченная статуя Мадонны. Краснымъ пламенемъ горятъ свѣчи. Масса цвѣтовъ. Дымъ кадильницъ. Стройное пѣніе.

Кругомъ толпа. Толпу все это интересуетъ. Толпѣ это нравится.

Люди приходятъ сюда по нѣсколько разъ посмотрѣть красивое и новое зрѣлище.

Миссіонеры заводятъ знакомства. Разузнаютъ; кто нуждается въ помощи? Чѣмъ?

У этой женщины боленъ ребенокъ, — „пойдемъ, я ему дамъ такого лѣкарства, что онъ сразу будетъ здоровъ". Этотъ огорчается, что его сынъ растетъ неучемъ, — „не печалься! Твой сынъ будетъ умѣть даже писать по-китайски. Я его выучу, — и это не будетъ тебѣ стоитъ ничего". У этого тяжба у судьи? Его обидѣли? „Не безпокойся, твое дѣло правое, ты его выиграешь, — я тебѣ это сдѣлаю".

Подъ сутанами оказываются доктора, учителя, юристы, — именно тѣ, кого больше всѣхъ уважаетъ простой народъ, въ комъ онъ болѣе нуждается.

Этотъ, этотъ, этотъ впали въ нищету? Нуждаются? — Вотъ имъ помощь.

Римская Пропаганда обладаетъ огромными средствами и тратитъ ихъ щедро.

И когда неожиданно, чудомъ спасенный отъ нищеты, отъ болѣзни, отъ смерти, отъ неправды, бѣднякъ не знаетъ, какъ благодарить этого удивительнаго человѣка въ черной одеждѣ, — тотъ съ улыбкой говоритъ ему:

— Это не меня ты долженъ благодарить. Не я спасъ, помогъ, защитилъ тебя. Это все сдѣлалъ тотъ человѣкъ, котораго называютъ папой, и о которомъ я тебѣ говорилъ. Онъ одинъ можетъ все.

Что-то необыкновенное. Какой-то полубогъ, который живетъ гдѣ-то въ какомъ-то таинственномъ Римѣ и оттуда управляетъ міромъ.

— Ты знаешь могущество Англіи?

Кто же на Востокѣ не знаетъ могущества Англіи?

— Знаю.

— А знаешь ли ты, что огромная часть Англіи принадлежитъ папѣ? Да, да! Подданные папы есть повсюду. Въ его владѣніяхъ никогда не бываетъ ночи, въ нихъ никогда не заходитъ солнце. Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы не было подданныхъ папы, гдѣ бы не было насъ, его слугъ. Онъ правитъ міромъ.

Его никто не видитъ, его знаютъ только по портретамъ. Вотъ его портретъ. Видишь этого добраго улыбающагося старика? Это онъ. Его никто не видитъ, но всѣ чувствуютъ на себѣ при-

косновеніе его доброй, ласковой, могучей и избавительной руки.

— Развѣ такой-то не велъ тяжбы, не былъ обиженъ, ему не грозила тюрьма? Развѣ у него было что дать мошеннику-судьѣ? Развѣ его противникъ не богатъ, не давалъ взятокъ? И смотри, — вдругъ, чудомъ, дѣло рѣшено въ пользу бѣдняка. Его не посмѣли взять въ тюрьму. Почему? А потому, что онъ христіанинъ, подданный папы. Развѣ къ подданному папы смѣютъ относиться несправедливо?

Какъ это достигается?

Культурный, образованный человѣкъ въ колоніи. Да развѣ есть такое золото, на вѣсъ котораго можно бы цѣнить въ колоніи такого человѣка? Культурный человѣкъ здѣсь, когда кругомъ дикари!

Если въ колоніи есть католическій аббатъ, — это счастье для колоніи.

Его знакомствомъ, расположеніемъ дорожатъ, его визиты цѣнятся страшно. Визитъ этого живого, всѣмъ интересующагося, образованнаго человѣка, съ умнымъ лицомъ и живыми глазами.

„Аббатъ съ умнымъ лицомъ и живыми глазами“, — какъ это избито! Разъ „аббатъ“, такъ непремѣнно и „умное лицо“, и „живые глаза“.

Да. Римская Пропаганда для этихъ отвѣтственныхъ, дипломатическихъ постовъ выбираетъ только людей съ умными лицами и живыми глазами.

— Я не католикъ, и католичества даже не люблю! — говорилъ мнѣ одинъ изъ нашихъ консуловъ въ Китаѣ, — но, конечно, я сдѣлаю все, что

только въ моихъ силахъ, для нашего аббата. Лишиться его общества, — это было бы ужасно. Онъ никогда не говоритъ о религіи, но съ нимъ можно говорить обо всемъ, о чемъ угодно. Отъ него вѣетъ Европой. И лишиться его общества? Это было бы больше, чѣмъ несчастіе?

И дружба охотно поддерживается маленькими услугами.

У аббата всегда маленькія хлопоты. Онъ всегда проситъ кого-нибудь за какого-нибудь христіанина изъ туземцевъ, и эти маленькія просьбы исполняются какъ нельзя болѣе охотно. Ѣздятъ, хлопочутъ у китайскихъ властей, а властному мандарину что? Сказалъ и сдѣлано.

И вотъ, среди туземцевъ начинается бѣшеная спекуляція.

Видя, что христіанинъ всегда правъ, что у него есть какое-то особое начальство, которое его всегда защититъ, — всякій спѣшитъ стать подъ покровительство этой силы.

Все, что есть худшаго, испорченнаго, желающаго угнетать, обирать, грабить сосѣдей, — спѣшитъ принять вѣру всемогущаго начальства.

И въ то самое время, какъ растетъ число христіанъ-католиковъ, растетъ и ненависть къ нимъ населенія.

IV.

Протестантскіе пасторы, казалось бы, безоружны противъ католическихъ миссіонеровъ.

У нихъ нѣтъ ни золоченыхъ статуй, ни кадильницъ, ни всей этой красивой обстановки, которая

привлекаетъ, увлекаетъ, дѣйствуетъ на „простой“ народъ.

А между тѣмъ,—если этому, конечно, вѣрить,—католическое духовенство жалуется, что протестанты побѣждаютъ его въ Китаѣ.

Почему?

Быть-можетъ, секретъ ихъ успѣха лежитъ въ противорѣчіи между ихъ словомъ и ихъ дѣломъ. Противорѣчіи въ пользу дѣла, въ противорѣчіи придающемъ ихъ слову еще больше вѣса.

Вѣра, — по протестантскому ученію, — и безъ дѣлъ жива.

Послушайте протестантскаго проповѣдника.

— Отъ васъ не требуютъ никакихъ подвиговъ Только вѣры. Вѣрьте, — и вы уже спасены. Вы были уже спасены въ ту самую минуту, когда Христосъ пострадалъ за васъ. Посмотрите на этотъ крестъ, возвышавшійся на Голгоѳѣ. Развѣ не открылъ онъ объятій всему міру? Объятія уже открыты. Вѣрьте, — идите. Отъ васъ никто не спрашиваетъ подвиговъ, ни того, что вамъ трудно. Только наполните ваше сердце вѣрой, и всѣ ваши дѣла, всѣ мысли будутъ сами собой, безъ малѣйшаго усилія съ вашей стороны, даже помимо вашей воли, — добры и хороши.

Такъ говорятъ.

А на дѣлѣ, едва пріѣхавъ въ мѣстность, протестантскіе миссіонеры первое, что дѣлаютъ, — подвигъ.

Они ищутъ самаго труднаго труда, отъ котораго бы отказывались всѣ.

Если въ странѣ есть прокаженные, — они открываютъ пріюты для прокаженныхъ, устраиваютъ больницы для самыхъ заразительныхъ и отвратительныхъ больныхъ и ходятъ за ними съ нѣжностью матери.

И говорятъ при этомъ:

— Это совсѣмъ не подвигъ.

Это не можетъ не дѣйствовать на народъ.

Я видѣлъ въ Палестинѣ пріютъ для прокаженныхъ, устроенный протестантской общиной.

Проказа — разложеніе не только тѣла, но и ума и души.

Прокаженные — это дѣти, вздорныя, капризныя, мелочныя, жадныя, злыя, мстительныя.

Они только и мечтаютъ каждую минуту, какъ бы разбѣжаться изъ пріюта и итти просить милостыню:

— Тамъ намъ даютъ деньги!

Богъ знаетъ, какой лаской, какой нѣжностью, какой заботливостью приходится ихъ удерживать въ пріютѣ, привязывать къ себѣ.

За ними нуженъ ежеминутный присмотръ, за ихъ гноящимися ранами — ежеминутный уходъ.

И жить безвыходно среди этого гноя, смрада, ужаса, — безвыходно, потому что бѣгутъ даже отъ ухаживающихъ за прокаженными.

И люди говорятъ при этомъ спокойно, съ улыбкой:

— Какой же это подвигъ? Мы дѣлаемъ это потому, что мы хотимъ дѣлать это; это намъ нравится.

Этимъ и поражаютъ протестантскіе миссіонеры простой народъ.

Дальше, имъ легче столковаться съ китайцами. У нихъ религія скорѣе философская система, — и китайцамъ, у которыхъ тоже религіей служитъ философская система, ближе и легче ихъ понимать.

И вотъ, когда воображеніе поражено величіемъ даже словно несознаваемаго подвига, наклонный къ философіи и поэзіи умъ очарованъ прекрасной философской системой, — когда обращеніе въ христіанство совершилось, — тутъ и начинается та политическая пропаганда, безъ которой не обходятся ни протестанство, ни католичество.

— А вѣдь другая, наша, религія требуетъ и другихъ, нашихъ, формъ общественной жизни, политическихъ, экономическихъ...

V.

Піонеры.

Съ капитаномъ нашего парохода мы сидѣли въ Коломбо въ одномъ изъ тамошнихъ, роскошнѣйшихъ, вообще, ресторановъ и обѣдали.

Весело болтали, какъ вдругъ на лицѣ у моего капитана отразился прямо ужасъ.

Что случилось? Ужъ не кобра ли какъ-нибудь...

— Прячьтесь! Прячьтесь!—пробормоталъ онъ, — наши пассажиры!

Мы нагнули головы и спрятались за колоссальной корзиной цвѣтовъ, украшавшей нашъ столъ.

На противоположномъ концѣ огромнаго зала, съ веранды съ шумомъ входила компанія людей, въ рубахахъ „на выпускъ“, въ панталонахъ, „заправленныхъ въ сапоги“, въ самыхъ невѣроятныхъ шляпахъ.

Дѣйствительно, въ этомъ чопорномъ залѣ англійскаго ресторана, среди декольтированныхъ леди и кавалеровъ, въ смокингахъ и тропическихъ фракахъ, — компанія въ рубахахъ была „замѣтна“.

— Вѣдь, осрамятъ, подлецы! — съ ужасомъ шепталъ капитанъ, — имъ-то ничего: проѣхали, да и нѣтъ ихъ! А мнѣ здѣсь по 4 раза въ годъ бывать приходится. У меня полгорода знакомыхъ!

Но страхи капитана были напрасны. Компанія была такъ вдребезги пьяна, что врядъ ли могла кого-нибудь узнать.

Они сѣли за столикъ, застучали ножами, тарелками и принялись что-то жестами объяснять боюсингалезу (по-англійски никто изъ нихъ не зналъ ни ползвука), указывая пальцами на сидѣвшую поблизости со своей семьей декольтированную даму.

Мы съ капитаномъ поспѣшили заплатить и выбраться изъ ресторана.

Это были „строители Манчжурской желѣзной дороги“.

— Инженеры, ѣдемъ на изысканіе желѣзной дороги въ Манчжуріи! — какъ отрекомендовались они капитану, явившись въ Одессѣ на бортъ парохода.

Инженеры! Это обрадовало всю каютъ-компанію.

— Отличный рейсъ будетъ! — съ радостью говорили мнѣ офицеры парохода.

— Инженеры идутъ!

— А то, знаете, такая шушера идетъ все на дальній Востокъ, на постройку на эту самую, — ужасъ!

— Прямо ссыльные, ссылаемые родственниками, у которыхъ есть связи, знакомства, — на дальній Востокъ за безобразія!

— Что за публика! Мы даже обѣдать отдѣльно стали. Пьянство, драки, дебоши, скандалы. Да что скандалы! Воровали другъ у друга. И такіе случаи бывали.

— Два рейса тому назадъ, я даже пересталъ спускать пассажировъ съ парохода въ портахъ! — подтверждалъ все это капитанъ, — такіе піонеры попались. Бунтовать было вздумали: „Не смѣете!“ Пригрозилъ посадить въ угольную яму: „На пароходѣ я хозяинъ, я отвѣчаю!“ Въ Сингапурѣ на меня консулу жалобу послали, да, спасибо, принялъ мою сторону: знаетъ, что за народъ!

— А на этотъ разъ инженеры. Прямо везетъ намъ!

Какъ только вышли изъ Одессы и прошли Больше - Фонтанскій маякъ, — подали обѣдать. Инженеровъ посадили рядкомъ на почетномъ мѣстѣ, на диванѣ.

— Подашь, братъ, бутылочки двѣ шампанеи! — приказалъ человѣку старшій механикъ.

Онъ былъ когда-то въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, но вылетѣлъ за „исторію“.

— Выпьемъ съ гг. инженерами! Я, вѣдь, вашъ однокашникъ! Въ институтѣ путей сообщенія былъ! Какъ же!

Инженеры переглянулись, помолчали, и, наконецъ, старшій изъ нихъ, глядя куда-то въ сторону, сказалъ:

— Мы въ институтѣ не были... Мы такъ инженеры... вообще... практики...

Старшій механикъ былъ ошеломленъ. Ну, да и зло его, вѣроятно, немножко разбирало. Вѣдь, двѣ бутылки шампанскаго! Не отсылать же назадъ.

— Практики?!.. А вы сколько на своемъ вѣку желѣзныхъ дорогъ построили? — обратился онъ къ самому юному члену экспедиціи, одутловатому, очень полному, хорошо откормленному молодому человѣку.

Хорошо откормленный молодой человѣкъ смутился, заерзалъ:

— Я? Я... я только весной университетъ кончилъ...

— Я служилъ агентомъ по отчужденію крестьянскихъ земель подъ такую-то дорогу! — чтобы прекратить неловкій разговоръ, заявилъ старшій членъ экспедиціи, человѣкъ вида обшарпаннаго, наголодавшагося и не слишкомъ ужъ трезвеннаго.

— Вы?! А остальные?

— Покорнѣйше благодаримъ, шампанскаго мы не хотимъ!

Они поспѣщно встали изъ-за стола и вышли.

— Фью-ю! — просвисталъ старшій механикъ.

Всѣ расхохотались.

— Василій! — приказалъ капитанъ офиціанту, — будешь накрывать гг. пассажирамъ на томъ концѣ стола. А здѣсь мы, господа, будемъ сидѣть своей компаніей.

— Есть.

Самымъ милымъ человѣкомъ изъ всей экспедиціи былъ Шаховъ, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, въ званіи гвардіи поручика въ отставкѣ. Въ немъ чувствовался бывшій человѣкъ общества, воспитанный, пріятный.

Разговоры его были „не особенные", — всѣ разсказы начинались однимъ и тѣмъ же:

— Пріѣзжаю я, знаете, однажды въ Петербургѣ въ маскарадъ. Вдругъ, подходитъ ко мнѣ маска. Кружевное домино. Брильянты. И вдругъ, понимаете, говоритъ: „Я тебя знаю!" Оказалась графиня...

Но все же въ бесѣдѣ онъ не былъ особенно непріятенъ и въ открытомъ морѣ былъ прямо милъ. Даже, когда Босфоромъ проходили, былъ недуренъ, — въ Константинополь насъ не пустили, по случаю происходившаго тогда избіенія армянъ, — фантазировалъ что-то насчетъ гаремовъ, — и только. Но въ Портъ-Саидѣ пароходу было ужъ время сниматься, а Шаховъ все еще съ берега не являлся.

— Я снимусь! — объявилъ капитанъ, — пароходъ не можетъ ждать!

— Ради Бога, подождите! Минутку! Онъ сейчасъ! — молили „инженеры", — слабость у него!

Наконецъ, въ самую послѣднюю минуту, показалась лодка. На ней былъ Шаховъ. Онъ махалъ руками, другіе въ лодкѣ махали руками.

— Узнайте, что тамъ! — приказалъ капитанъ помощнику.

Шаховъ былъ пьянъ мертвецки. По трапу его почти внесли. Лицо было все въ крови.

Помощникъ капитана что-то кричалъ, лодочники что-то кричали, стараясь понять другъ друга. Наконецъ, выяснилось.

Шаховъ прямо съ парохода „продралъ" въ ресторанъ, напился, пошелъ въ кофейню, напился еще больше, потомъ попалъ еще куда-то, гдѣ напился ужъ окончательно. Не пришелъ, а скорѣе приползъ на пристань. Онъ билъ лодочниковъ, лодочники били его.

— Па-адлецы! — замѣтилъ Шаховъ, — и его увели спать.

Суэзскій каналъ онъ проспалъ. А все Красное море ходилъ съ синяками, сконфуженный, мрачный, видимо, полный раскаянія, стараясь ни съ кѣмъ не встрѣчаться.

Твердой земли онъ не выносилъ.

Въ Коломбо, послѣ описанной встрѣчи въ ресторанѣ, его принесли на пароходъ полицейскіе и взяли съ капитана расписку, что онъ больше не выпуститъ мистера такого-то на берегъ.

Оказывается, — когда мы ушли, — Шаховъ послѣ обѣда отправился на веранду. Его смутилъ вдругъ видъ англичанина, сидѣвшаго, развалившись, въ шезъ-лонгѣ.

Шаховъ остановился напротивъ.

— Ты какъ смѣешь, англійская морда, раскарякой сидѣть, когда здѣсь дамы? А?

Англичанинъ посмотрѣлъ на говорившаго на неизвѣстномъ языкѣ пьянаго человѣка, ткнулъ пальцемъ въ пуговку электрическаго звонка и приказалъ что-то явившемуся „бою“.

— Тебя я спрашиваю — или нѣтъ? Тебя? — продолжалъ Шаховъ и хотѣлъ взять англичанина за рукавъ, но въ эту минуту взлетѣлъ на воздухъ: подошедшій сзади полицейскій, колоссъ - индусъ, схватилъ его за плечи, поднялъ, а другой такой же колоссъ-полицейскій схватилъ Шахова за ноги, — и они молча унесли барахтавшагося бѣднягу сначала въ полицію, а потомъ на пароходъ.

Въ Сингапурѣ Шаховъ попалъ къ англійскому мировому судьѣ: разбилъ у дженерикши колясочку.

Мировой постановилъ такой приговоръ:

— За нарушеніе порядка взыскать съ русскаго пассажира три фунта, а въ искѣ дженерикши за коляску отказать: онъ самъ виноватъ,—видитъ, идетъ пьяный русскій, долженъ колясочку убирать.

— Чортъ знаетъ, что за приговоръ постановилъ, мерзавецъ, — возмущались пассажиры на пароходѣ, — оскорбленіе!

— А вы что, господа, дѣлаете? — спросилъ капитанъ.

Въ Нагасаки Шаховъ явился въ сопровожденіи цѣлой толпы японцевъ. Все были домовладѣльцы.

Онъ сдѣлалъ въ городѣ новую улицу! Погнавшись за какимъ-то японцемъ, Шаховъ сломалъ восемь домовъ, — благо японскіе дома изъ щепочекъ да изъ бумаги. Прямо прорывалъ стѣну и бѣжалъ насквозь.

— Вѣдь вотъ хорошій человѣкъ, а слабъ! — жаловались члены экспедиціи. — За эту слабость его родственники и въ Манчжурію посылаютъ. Только бы съ глазъ долой.

— Имъ что! Спейся тамъ въ Манчжуріи! — замѣчалъ старшій членъ экспедиціи Буевъ, самъ „подверженный“.

— Ну, гдѣ тамъ спиться! Выжретъ все, что съ собой захватитъ! А потомъ и сиди поневолѣ трезвый! — уповали другіе.

— Развѣ такъ! Дай-то Господи! Человѣка жаль. Хоть бы Манчжурія ему помогла.

Во Владивостокѣ я, быть можетъ, спасъ этому піонеру жизнь.

Схожу въ гостиницѣ съ лѣстницы, — слышу, — шумъ, ругательства.

Саженный богатырь-швейцаръ, изъ кавказскихъ князей, отбывшій на Сахалинѣ каторгу за „родовую месть“ — многократныя убійства — въ кавказскомъ костюмѣ, съ кинжаломъ, за представительность взятый въ швейцары, — и передъ нимъ пьяный Шаховъ съ кулаками.

— Гдѣ мои калоши, мерзавецъ? Сейчасъ подай калоши, подлецъ, ска-атина!

— Зачимъ ругаешь? Ныкакуй мерзавецъ нэтъ! — съ достоинствомъ отвѣчалъ кавказецъ, — самъ пьянуй человэкъ, ныкакуй калошу не имѣлъ.

— Что-о? Что-о? Скотина! Хамъ! Въ морду!

Вижу: у кавказца лицо судорогами пошло и рука къ поясу.

— Стойте! Стойте! — крикнулъ я Шахову по-французски, — вѣдь вы знаете, онъ князь! Онъ

съ каторги! Онъ восемь человѣкъ, что ли, зарѣзалъ!

Какъ ни пьянъ былъ Шаховъ, а остановился. И тонъ даже сталъ другой, и на „вы“ ужъ сказалъ:

— Такъ говорите, у меня не было калошъ?

— Нэтъ!

— Ну, хорошо...

И зачѣмъ-то даже прибавилъ:

— Ваше сіятельство. Я и такъ пойду, ваше сіятельство.

— Вы что же, работаете надъ естественными науками? — спросилъ я какъ-то, разговорившись, у самаго юнаго члена экспедиціи, того, который только весной кончилъ университетъ, молодого человѣка, розоваго, откормленнаго, отпоеннаго, — ну, точь-въ-точь, молодой теленокъ.

— Н-нѣтъ! — съ запинкой отвѣчалъ онъ, — я знаете, потому пошелъ по естественному, что короче. Папенька съ маменькой такъ опредѣлили!

Другіе „члены экспедиціи“ пояснили мнѣ, въ чемъ дѣло. Естественникъ изъ богатой „просвѣщенной“ купеческой семьи. Гимназію кончилъ съ трудомъ. Въ латыни и въ греческомъ былъ силенъ, — все, что можно было вызубрить, зубрилъ. Но гдѣ „требовалась сообразительность“ былъ слабъ.

— Ну, вотъ его на какой покороче факультетъ и отдали. За голову боялись.

Съ грѣхомъ пополамъ кончилъ онъ дѣйствительнымъ студентомъ.

— Теперь вотъ въ Манчжурію для него родные выхлопотали. Люди со связями, богатые,

надѣются — польза для него будетъ. Извѣстно, такъ... блаженненькій...

Пухлый, рыхлый, съ какимъ-то бабьимъ сложеньемъ, онъ ходилъ въ чесунчовой рубашкѣ, всегда съ книжечкой и карандашикомъ, который висѣлъ на голубенькой ленточкѣ.

— Дневникъ это онъ пишетъ! — поясняли „члены экспедиціи“, — кажется, издавать потомъ собирается. И издастъ. Что жъ, у тятеньки съ маменькой деньжата, слава Богу, есть. Интересно было бы знать, что онъ туда записываетъ? Цѣлый день пишетъ, пишетъ.

Однажды естественника куда-то внезапно позвали. Онъ забылъ книжку на столѣ, и „члены экспедиціи“ воспользовались этимъ:

— А, вотъ! Прочтемъ!

И начали читать вслухъ.

Я съ капитаномъ сидѣлъ тутъ же. Можетъ-быть, слѣдовало бы уйти при громкомъ безцеремонномъ чтеніи чужого дневника, — да, каюсь, ужъ очень и мнѣ любопытно было, что цѣлые дни пишетъ „естественникъ“.

„Февраля такого-то. Какой градусъ широты — не знаю: не говорятъ. Температура 42 градуса. Очень жарко. За обѣдомъ сегодня подавали: лапшу изъ куръ, языкъ съ картофельнымъ пюре, жареную утку и сладкое, — сладкаго я не ѣлъ. Утка была очень худая, совсѣмъ безъ жира. Я замѣтилъ, что птицы въ океанѣ удивительно худѣютъ. Странно это. Ну, индѣйка, — ту я понимаю Она не любитъ воды и боится. Но утка, при видѣ родственной ей стихіи, должна бы, кажется,

чувствовать себя хорошо. Отчего она худѣетъ? Замѣтилъ, что у насъ послѣ обѣда, кромѣ батюшки и меня, никто почти не крестится. Вотъ оно! Капитанъ иногда крестится, но только не такъ, какъ подобаетъ, а такъ только, „пуговицы чиститъ". Старшій помощникъ сказалъ, что въ Сингапурѣ есть фруктъ „мангустанъ". Посмотримъ. Послѣ обѣда былъ свистокъ. Я спросилъ Василія, что это значитъ. Василій сказалъ, что корабль..."

Послѣ одного происшествія бѣдному естественнику приходилось обращаться за всѣми свѣдѣніями по части кораблевожденія къ официіанту Василію.

Вышло это такъ:

Естественникъ былъ нравственникъ: не пилъ, не курилъ, соблюдалъ „дѣвство", о чемъ очень любилъ распространяться.

Въ трюмѣ мы везли каторжниковъ, и капитанъ въ Красномъ морѣ приказалъ ихъ расковать:

— Тропики, чортъ побери! Жалко.

— А мнѣ такъ вотъ ничуть! — заявилъ естественникъ, — сами виноваты.

— Ну, это, батюшка, еще тамъ чортъ знаетъ, кто виноватъ! Другой убьетъ, — а его больше жаль, чѣмъ убитаго.

— Да, но между ними есть и блудники, — настойчиво продолжалъ естественникъ, — согласитесь, что ужъ блудникъ-то самъ виноватъ. И ужъ блуднику, извините, по-моему, какое можетъ быть оправданіе? Блудникъ — не человѣкъ.

Надоѣдалъ онъ всѣмъ разсказами о своей нравственности ужасно.

Однажды на пароходѣ происходила порка. Въ трюмѣ произошла кража, и старшій офицеръ сгоряча приказалъ виновному каторжанину дать пять линьковъ. То, что происходило, было отвратительно и омерзительно, и старшій помощникъ потомъ весь день ходилъ самъ не свой:

— Дернулъ чортъ меня, моряка, въ этакую дурацкую исторію лѣзть!

Пороли на палубѣ, около полу-юта.

Естественникъ узналъ о событіи на пароходѣ поздно; прибѣжалъ, запыхавшись, тогда, когда все было уже кончено, и наткнулся прямо на старшаго офицера, злого и раздраженнаго.

— Неужели ужъ кончено?! — воскликнулъ онъ, съ жалостью смотря на скамью и на каторжанина, надѣвавшаго панталоны.

— А вамъ бы посмотрѣть хотѣлось? — спросилъ старшій офицеръ, — пять дали. Не дать ли еще, можетъ-быть?

— Если, конечно, это возможно...

— Знаете что?

Тутъ морякъ сказалъ такое „кислое слово“, что естественникъ покраснѣлъ, обидѣлся и отошелъ.

Съ тѣхъ поръ никто изъ офицеровъ не отвѣчалъ на его вопросы о широтѣ, долготѣ, курсѣ, числѣ пройденныхъ миль.

— Ахъ, убирайтесь вы отъ меня, пожалуйста! Чего вы лѣзете? Я дѣломъ занятъ!

И бѣдный естественникъ со всѣми вопросами относительно мореплаванія долженъ былъ обращаться къ Василію, бойкому офиціанту, всю жизнь служившему по ресторанамъ, и теперь

впервые, со страхомъ и трепетомъ, ѣхавшему по морю.

— Свистали? Василій, а? Что это значитъ?

— Такъ полагать надоть, что корабль навстрѣчу идетъ безпремѣнно! — пояснялъ Василій.

И естественникъ вписывалъ въ свой „дневникъ путешествія“:

— „Василій говоритъ, что навстрѣчу идетъ корабль“.

Естественникъ былъ любопытенъ, какъ обезьяна. Старшій по возрасту членъ экспедиціи, Буевъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, бывшій когда-то агентомъ по отчужденію земель и очень этимъ гордившійся, былъ мраченъ и совсѣмъ не страдалъ любопытствомъ.

Курсъ пароходовъ Добровольнаго флота лежитъ по самымъ интереснымъ уголкамъ земного шара, — и г. Буевъ гордился тѣмъ, что онъ ничѣмъ не поинтересовался:

— Вы что? На берегъ сходите! Малодушіе. Вотъ съ меня примѣръ берите. Шагу съ парохода нигдѣ не сдѣлалъ. Плевать мнѣ-съ!

Въ Коломбо мы стояли долго, по случаю порчи машины, — но даже и тамъ Буевъ не искусился: и на Цейлонъ „наплевалъ“.

Такъ и имѣлъ терпѣніе все время просидѣть одинъ на пароходѣ.

Только въ Сингапурѣ онъ „испортилъ всю обѣдню“. Въ Сингапурѣ пароходъ притягивается къ пристани, и Буевъ сошелъ по сходнямъ и купилъ у мальчишки-малайца за двѣ копейки ананасъ.

— И ананасъ-то оказался кислымъ. Только двѣ копейки даромъ пропали. Подлецъ!

Въ противоположность Шахову, Буевъ „насвистывался“ ежедневно, по вечерамъ, приходилъ въ свирѣпое настроеніе и хвастался тѣмъ, какъ онъ отчуждалъ когда-то земли подъ „вѣтку“.

— Такъ отчудилъ у подлецовъ землю, — бунтъ былъ. Согласились, мерзавцы, а потомъ на попятный. Мѣшать вздумали — сейчасъ солдатъ, — залпъ! пли...

И пока пьяный Буевъ въ столовой выкрикивалъ свое: „залпъ! пли!“ — съ палубы несся голосъ Харитоненко.

Отставной служащій казенной палаты Харитоненко, чрезъ посредство покровителей нашедшій мѣсто при изысканіяхъ, цѣлый день ходилъ по палубѣ и пѣлъ одну и ту же пѣсню:

Сѣли дѣвки на качели,
Вверхъ и внизъ снуютъ.

— „Чтобъ качели вверхъ летѣли!“ — съ азартомъ, съ остервенѣніемъ добавлялъ онъ и доканчивалъ:

— Ммм... ммм... ммм... ммм....

Конецъ пѣсни ему запрещено было пѣть на пароходѣ капитаномъ.

Въ Сингапурѣ онъ, какъ только сошелъ съ парохода, купилъ ананасъ фунтовъ въ десять и прямо объявилъ дженерикшѣ:

— Малай-стриттъ.

Названіе этой улицы притоновъ онъ узналъ на пароходѣ.

Малаецъ-дженерикша оскалилъ зубы, закивалъ головой, схватилъ оглобли подмышки и побѣжалъ во весь духъ.

Съ Малай-стриттъ Харитоненко махнулъ дженерикшѣ рукой и сказалъ:

— Назадъ!

Малаецъ оскалилъ зубы, закивалъ головой, схватилъ оглобли подмышки, побѣжалъ во весь духъ и привезъ къ китайскому храму. Какъ возятъ, обыкновенно, иностранцевъ!

Харитоненко посмотрѣлъ на храмъ съ удивленіемъ, но безъ любопытства, какъ корова въ зеркало, — и замахалъ дженерикшѣ рукой:

— Назадъ! Назадъ! Назадъ!

Малаецъ долго смотрѣлъ съ недоумѣніемъ, затѣмъ радостно осклабилъ все лицо: понялъ! Схватилъ оглобли, помчался во весь духъ и снова привезъ Харитоненко на Малай-стриттъ.

Харитоненко ударилъ его ананасомъ по головѣ и показалъ пальцемъ на стоявшаго невдалекѣ городового.

— Пароходъ... пароходъ руссъ... Компрене?.. Понимай?.. Руссъ... Съ каторжниками!

Онъ принялся показывать на руки и на ноги и изображать на лицѣ страданіе, — чтобъ показать каторжника въ оковахъ.

Полицейскій долго смотрѣлъ на него, выпучивъ глаза, потомъ вдругъ обезпокоился, закивалъ головой, что понялъ, затараторилъ что-то съ дженерикшей по-малайски. Дженерикша тоже страшно обезпокоился, схватилъ оглобли, побѣжалъ съ

быстротой сверхъестественной и привезъ Харитоненко въ больницу.

Харитоненко заплакалъ.

До вечера онъ успѣлъ побывать, такимъ образомъ, въ зоологическомъ саду, въ курильнѣ опіума, въ англійскихъ казармахъ, ѣздилъ за городъ смотрѣть водопроводъ, присутствовалъ на смертной казни, смотрѣлъ партію въ лаунъ-теннисъ, — и все это не пивши, не ѣвши.

Ужъ подъ вечеръ онъ встрѣтилъ офицера съ нашего парохода, выпрыгнулъ на ходу изъ коляски, расшибъ себѣ колѣно, вывихнулъ руку и былъ спасенъ.

— Не подлецы?! — восклицалъ онъ, разсказывая эту страшную исторію.

Съ такими піонерами ѣхалъ я до Владивостока. И, несмотря на злость, которую въ немъ возбуждало воспоминаніе о двухъ „на вѣтеръ брошенныхъ“ бутылкахъ шампанскаго, старшій механикъ говорилъ про „піонеровъ“:

— А все же это лучшіе изо всѣхъ, которыхъ я видѣлъ!

И вся каютъ-компанія была съ нимъ согласна.

Во Владивостокѣ мнѣ случайно пришлось присутствовать на „отвальной“, которую устроили „піонеры“: завтра они должны были ѣхать въ Манчжурію.

Я вошелъ въ ресторанъ въ то самое время, когда кто-то изъ нихъ вышелъ изъ кабинета:

— А! спутникъ! къ намъ! Нѣтъ, нельзя!

Кромѣ естественника, всѣ были „вдребезги“.

Шаховъ сквернословилъ и всѣхъ цѣловалъ. Харитоненко оралъ свою пѣсню цѣликомъ, съ окончаніемъ. Естественникъ, которому все это было не любопытно, сидѣлъ въ сторонѣ и что-то царапалъ въ свой дневникъ. Буевъ колотилъ кулакомъ по столу и оралъ:

— Наша теперь Манчжурія! Мы покажемъ! Мы покажемъ!

— Ну, положимъ, откуда Манчжурія наша? Кто ее намъ отдавалъ?

— Наша! Мы лучше знаемъ! Мы знаемъ, братъ! Наша! „Желѣзная дорога", „желѣзная дорога". Дудки! Шалишь! Наша теперь! Намъ-то извѣстно!..

Два съ половиной мѣсяца я отсутствовалъ изъ Владивостока, а когда вернулся, первая вѣсть, которую мнѣ сообщили въ редакціи „Владивостока", была:

— Хунгузы перерѣзали отправившуюся два мѣсяца тому назадъ экспедицію!

Весь городъ ужъ говорилъ объ этомъ.

Въ ресторанѣ „Тихаго океана" я засталъ знакомаго инженера съ Манчжурской дороги, настоящаго инженера, — онъ пріѣхалъ по дѣламъ во Владивостокъ и теперь „отгуливался". Дорвался и пилъ. Сидѣлъ съ посоловѣлыми глазами, покачивался на стулѣ и неопредѣленно смотрѣлъ въ пространство.

— А? Вы? Не насвистались еще?—привѣтствовалъ онъ меня, — а я уже. Садитесь и насвистывайтесь.

— Покорнѣйше васъ благодарю. Но, скажите, вы не слыхали? Говорятъ, хунгузы перерѣзали экспедицію въ Манчжуріи?

— А чортъ съ ними! — философски спокойно отвѣтилъ онъ, — новыхъ пришлютъ!

— Послушайте, перестаньте! Если на самомъ дѣлѣ зарѣзали!

— И зарѣжутъ. Почему нѣтъ?

Инженеръ уставился на меня своими судачьими глазами, видимо, стараясь что-то сообразить.

— Да у васъ что тамъ? — спросилъ онъ, съ трудомъ выговаривая согласныя, — р-родственники ч-ч-что ли есть?

— Никакихъ родственниковъ...

— Ну, а ник-какихъ р-родственниковъ, — такъ п-пейте. Ох-хота вамъ обо всякой д-д-дряни говорить. Сказалъ: еще п-пришлютъ. Мало въ Р-р-россіи дряни. Од-днихъ зарѣж-жутъ, друг-гихъ пришлютъ. П-пейте!

Отъ этого, видимо, многаго не узнаешь. Къ счастью, подошелъ другой инженеръ, тоже съ „манчжурки“, но бывшій. Вышли какія-то „интриги“, и его „вышибли“. Худой, сухой, желчный, съ глазами, горящими алчностью, — онъ метался теперь по Владивостоку:

— Ага! Меня-съ, меня убрали! Такъ нѣтъ же! Я уйду и всѣхъ взорву!

Писалъ куда-то длинныя телеграммы, готовилъ статьи въ газеты, вообще „грызъ подъ собой землю“. Когда ужъ очень „подходило подъ сердце“, онъ насвистывался и тогда становился лютъ, злобенъ невѣроятно. Теперь онъ былъ въ полсвиста, и когда я заговорилъ о „новости“ — расхохотался злымъ смѣхомъ.

— Зарѣзали-съ? Ихъ зарѣзали-съ? Не бумаги ли, не квитанціи ли, не отчеты ли зарѣзали только? Хе-хе! Знаемъ мы этихъ хунгузовъ! Какъ отчеты представлять, — такъ хунгузы. Пять-шесть китайцевъ пристрѣлить не долго, — „нападеніе, сами еле живы остались, а бумаги всѣ хунгузы истребили“. Знаемъ! Никакихъ хунгузовъ на свѣтѣ нѣтъ.

— Ну, какъ хунгузовъ нѣтъ!

— А я вамъ говорю — нѣтъ! Самъ хунгузовъ дѣлалъ! Нѣтъ хунгузовъ! На свѣтѣ не существуетъ!

— Какъ же такъ? Сами дѣлали и нѣтъ.

— Да кто, по-вашему, хунгузъ?

— Китайскій разбойникъ.

— Вздоръ-съ! Не разбойникъ, а просто бродяга, мирный бродяга безъ занятій! Пойдешь бродяжить, если тебя, вмѣсто полтины въ день, по двѣ копейки разочтутъ. А 48 себѣ въ карманъ. Да вы знаете, что на „манчжуркѣ“ многіе наши даже безъ жалованья работаютъ. Изъ-за однихъ доходовъ. Жалованья не получаютъ!

— Какъ такъ безъ жалованья? Вѣдь, чай, расписываются въ полученіи жалованья?

— „Какъ такъ“ да „какъ такъ“. Такайте больше. А я вамъ говорю, что такъ! Хунгузы! Вотъ недавно на Уссурійской дорогѣ случай былъ. Партія китайцевъ обратилась къ кондуктору: „Довези до Хабаровска!“ Взялъ съ нихъ, съ рыла, посадилъ въ товарные вагоны, довезъ до первой станціи, высадилъ, и дальше поѣздъ трогается. Китайцы: „Какъ? что? Твоя деньга брала есть.

Моя деньга платила есть“. Твоя, моя, моя, твоя. „Нѣтъ машина безъ манзика ходи есть!“ И навалили камней, чтобъ поѣздъ безъ нихъ не уходилъ. Вотъ происшествіе. А вышло: нападеніе хунгузовъ на поѣздъ. Хунгузы! Нѣтъ хунгузовъ.

— Хунгузовъ нѣтъ — передъ хунгузами! — замѣтилъ выпившій владивостокскій дѣлецъ, который про все: деньги, водку, дождь, всегда такъ говорилъ, считая это очень остроумнымъ.

— Да-съ, и сдѣлаютъ! И добьются!

Можно ли было подумать тогда, что эта „острота“ окажется пророчествомъ!

— Хунгузовъ нѣтъ — передъ хунгузами.

На-дняхъ мнѣ пришлось говорить съ человѣкомъ, долго жившимъ на дальнемъ Востокѣ и знающимъ его хорошо.

— Видите ли, — сказалъ онъ, — надо раздѣлять эти два событія: возстаніе въ Пекинѣ и возстаніе въ Манчжуріи. Они совпали только по времени. Я не берусь судить о характерѣ пекинскихъ событій. Китайца надо разобрать да разобрать. Но манчжурскія дѣла я знаю. Возстаніе въ Манчжуріи вызвано повальнымъ грабежомъ, эксплоатаціей строителей, изыскателей, вообще нашихъ „піонеровъ“. Почитайте, что писалось въ мѣстныхъ, владивостокскихъ газетахъ о томъ, что творилось на „манчжуркѣ“. Всякій чуткій человѣкъ долженъ былъ увидѣть, что бунтъ, возстаніе неизбѣжны. Больше! Чуть не нарочно вызываются! Китайскій вопросъ надо раздѣлить на два. Что мы будемъ дѣлать въ Пекинѣ, особь - статья. Но надо обратить вниманіе, кто орудуетъ, что ору-

ютъ, какъ орудуютъ въ Манчжуріи. Кто, что, какъ творитъ тамъ русскимъ именемъ. Это вопросъ національнаго самолюбія, вопросъ безопасности нашей Восточной Сибири, вопросъ огромной финансовой важности; вопросъ о милліонахъ, которые тратятся нами изъ послѣдняго на эту дорогу.

И такъ какъ всѣ пожившіе долго на дальнемъ Востокѣ становятся очень подозрительны къ людямъ, — то мой собесѣдникъ добавилъ, улыбаясь:

— Возстаніе было, піонеры спаслись. Да интересно знать, спаслись ли бумаги? Не перерѣзали ли Большіе Кулаки именно отчетовъ въ истраченныхъ деньгахъ!

ПРИГОТОВЛЕНІЕ МИССІОНЕРОВЪ.

(Посвящается китайцамъ).

— Приготовить какъ слѣдуетъ миссіонера — это цѣлая наука, братъ мой. Вѣрьте человѣку который приготовилъ въ своей жизни не одинъ десятокъ миссіонеровъ. Когда я приготовлялъ миссіонера, — всѣ шли ко мнѣ съ радостью, потому что были увѣрены, что съѣдятъ что-нибудь дѣйствительно вкусное!

Такъ говорилъ мнѣ въ Сингапурѣ одинъ голый коричневый джентльменъ, только-что пріѣхавшій изъ Новой Зеландіи, гдѣ онъ 18 разъ принималъ христіанство.

— Вѣрьте извѣстному христіанину! Изъ миссіонерской головы дѣлается обыкновенно студень. Отличное холодное и превосходная закуска къ виски, бутылку которой всегда можетъ стащить всякій христіанинъ, придя къ миссіонеру на исповѣдь. Но я долженъ сказать, что лучшій студень выходитъ изъ протестантскихъ головъ. О, въ студнѣ протестантская голова незамѣнима. У католическихъ миссіонеровъ слишкомъ тонкіе носы и сухія губы. Ничего не выходитъ! Тогда какъ

протестантская губа и протестантскій носъ въ особенности! Тутъ есть, что съѣсть! Они пьютъ очень много пива, и это отлично приготовляетъ ихъ носы для студня. Крупный, мясистый, жирный, розовый, какъ персикъ. Ахъ!.. Студень изъ протестантскихъ носовъ! Пища боговъ! Мы ѣли это блюдо только по большимъ католическимъ праздникамъ. Тогда какъ относительно мозговъ, — тутъ надо отдать справедливость католическимъ. Я не скажу, чтобъ миссіонерскіе мозги были велики. Самые мозги — нѣтъ! Но мозжечокъ всегда развитъ удивительно! Когда я раскалываю миссіонерскую голову, я всегда знаю, что найду огромный, отличный мозжечокъ. Миссіонерскія почки въ мадерѣ — тоже очень деликатная вещь. Мы, конечно, люди бѣдные, и мадеры намъ покупать не на что, но миссіонеры сами приходятъ намъ на помощь. Эти люди, проповѣдующіе воздержаніе, пьютъ въ своей жизни столько мадеры, что вовсе нѣтъ надобности прибавлять ея еще отъ себя. Остается только изрубить почки, положить въ кастрюлю и хорошенько протушить на огнѣ, — получатся почки въ мадерѣ. Онѣ пропитаны еще заживо. Что касается до миссіонерскихъ печенокъ!.. Одинъ знакомый здѣсь въ Сингапурѣ угостилъ меня страсбургскимъ паштетомъ изъ печенокъ. „Это не миссіонерскія?“ — спросилъ я. Вотъ каковъ ихъ вкусъ! Конечно, нужно позаботиться предварительно, чтобы печенки были большія. Для этого хорошо миссіонера сѣчь.

— Сѣчь, говорите вы? — спросилъ я, записывая всѣ эти наставленія христіанина.

— Сѣчь! — подтвердилъ онъ. — Тутъ играетъ роль не столько сѣченіе, сколько уговоры при этомъ. Когда вы сѣчете миссіонера, вы должны сказать при этомъ: „Вѣдь вы же проповѣдуете терпѣніе, отецъ мой! Вотъ вамъ отличный случай потерпѣть! Терпите!“ Вотъ когда у нихъ вздувается печенка! Вы себѣ представить не можете! Они начинаютъ кричать благимъ матомъ о войскахъ и пушкахъ, грозятся, вопятъ: „Разстрѣлять васъ всѣхъ! Перевѣшать!“ Тутъ ихъ хорошо спросить: „Неужели, отецъ мой? Вѣдь вы же проповѣдуете кротость, прощеніе, любовь къ врагамъ?“ Ничто ихъ такъ не бѣситъ, какъ повтореніе ихъ же проповѣдей, — и печенка получается отъ этого, какъ сливки, и величиною въ четыре арбуза. Есть еще хорошій способъ получать большія миссіонерскія печенки. Но для этого нужно имѣть двухъ миссіонеровъ: одного — католическаго, другого—протестантскаго. Ихъ сажаютъ въ одну клѣтку и наводятъ разговоръ на бесѣду о вѣрѣ. Какой тутъ получается споръ! Вотъ когда пухнутъ у нихъ печенки! Они до такой степени ругаютъ другъ друга мошенниками, лгунами, обманщиками, еретиками, что вы начинаете вѣрить имъ обоимъ. Тутъ ихъ и слѣдуетъ зарѣзать. Печенки изумительны! Ахъ, миссіонеры! Ихъ нельзя не любить. Миссіонерское жиго, копченая ветчина миссіонера, а миссіонерское сладкое мясо!!!

Онъ закрылъ глаза отъ удовольствія и почмокалъ.

— Насъ обвиняютъ, что мы приготовляемъ много миссіонеровъ. Но вольно же имъ быть такими

вкусными! И потомъ, нами руководятъ добрыя христіанскія побужденія:

— Христіанскія?

— Конечно. Вѣдь они говорятъ намъ, что ихъ ждетъ въ такомъ случаѣ вѣчное блаженство. Отчего же не доставить человѣку вѣчнаго блаженства?

И при этихъ словахъ собесѣдникъ съ такимъ умиленіемъ посмотрѣлъ на мой носъ, что я сказалъ:

— Я не миссіонеръ!

И отвернулся.

Конечно, это было невѣжливо, но необходимо.

„ОБНОВЛЕНІЕ КИТАЯ“.

Сандвичевы острова, — этотъ „рай Великаго океана“, — играютъ для дальняго Востока ту же роль, какую играетъ Швейцарія для Европы.

Маленькая республика служитъ убѣжищемъ для политическихъ эмигрантовъ Японіи и Китая.

Востокъ своеобразенъ. И среди революціонеровъ, ищущихъ себѣ убѣжища на Сандвичевыхъ островахъ, вы встрѣтите людей, не только мечтающихъ о будущемъ, но и людей, грезящихъ о возвращеніи невозвратнаго прошлаго.

Въ Гонолулу много японцевъ, бѣжавшихъ сюда изъ-за недовольства „новшествами“, которыя вводятся въ ихъ отечествѣ, — революціонеровъ-ретроградовъ. Здѣсь цѣлая большая колонія китайскихъ эмигрантовъ-прогрессистовъ.

Съ однимъ изъ нихъ мнѣ удалось хорошо познакомиться по пути въ Санъ-Франциско, — онъ ѣхалъ въ Лондонъ къ знаменитому доктору Ли, эмигранту, главѣ тайнаго общества „Обновленія Китая“.

Мнѣ хочется познакомить васъ съ надеждами и мечтами „молодого Китая“, и я хочу передать вамъ мою бесѣду съ этимъ эмигрантомъ, тѣмъ болѣе,

что она хорошо врѣзалась въ память: вѣдь не каждый день приходится разговаривать съ китайскими революціонерами!

— Вы мечтаете?..

— О великой китайской республикѣ. О китайскихъ соединенныхъ штатахъ. Каждая провинція должна представлять собой такой же самоуправляющійся штатъ, какъ штаты Сѣверной Америки. И одинъ общій парламентъ съ представителями всѣхъ штатовъ-провинцій для рѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ.

— Но такое раздѣленіе „единаго Китая"...

— Оно уже существуетъ. „Единый Китай! Единый Китай!" Какъ жаль, что европейцы знаютъ о Китаѣ такъ мало. Въ сущности, вѣдь вы знаете о насъ только нѣсколько анекдотовъ, да и то немного. „Единый Китай" — это одинъ изъ анекдотовъ. Единый Китай существуетъ только въ воображеніи иностранцевъ, гораздо болѣе невѣжественныхъ относительно насъ, чѣмъ мы относительно нихъ. Въ дѣйствительности, никакого Китая не существуетъ. Есть группа отдѣльныхъ государствъ-провинцій, которыя разнятся между собою законами, обычаями, нравами, языкомъ, религіозными воззрѣніями. Эти отдѣльныя государства-провинціи имѣютъ своихъ неограниченныхъ повелителей — вице-королей, и состоятъ въ вассальной зависимости отъ манчжуръ, захватившихъ въ свои руки центральную власть. Это дань, которую платятъ побѣжденные побѣдителямъ, — и вассальная зависимость вице-королей отдѣльныхъ государствъ - провинцій отъ центральнаго

правительства — зависимость, по преимуществу, даже, чисто денежная. Манчжуры сдаютъ въ аренду государства-провинціи и за арендную плату предоставляютъ вице-королямъ грабить, сколько имъ угодно. Такимъ образомъ, о раздѣленіи Китая не можетъ быть и рѣчи, — онъ давно раздѣленъ на отдѣльныя государства, — и рѣчь идетъ только о перемѣнѣ формы правленія въ этихъ уже существующихъ китайскихъ соединенныхъ штатахъ. То, что существуетъ въ этихъ соединенныхъ штатахъ, было бы большой и незаслуженной честью назвать монархіей. Это анархія, гдѣ каждый вице-король покупаетъ себѣ право творить, что ему угодно.

— Но послушайте, вѣдь существуетъ же китайскій народъ?

— Нѣтъ. Существуютъ китайскіе народы. Спросите у людей, знающихъ Китай, и они скажутъ вамъ, что между китайцами сѣвера, юга, востока, запада, китайцами отдѣльныхъ часто сосѣднихъ провинцій лежатъ цѣлыя пропасти разницы въ понятіяхъ, взглядахъ, нравахъ, обычаяхъ, міровоззрѣніи, даже въ религіи и языкѣ. И считать всѣхъ китайцевъ однимъ народомъ только потому, что всѣ они носятъ косу, — это все равно, что считать европейцевъ однимъ народомъ, потому что всѣ они носятъ сюртуки.

„Китай слишкомъ великъ, онъ слишкомъ раскинулся для того, чтобы чувствовать себя единымъ цѣлымъ организмомъ.

„Китаецъ любитъ свое отечество — провинцію, привязанъ къ ея нравамъ, обычаямъ, религіи. Но

государственнаго патріотизма у китайцевъ не существуетъ.

„Государственный патріотизмъ — всегда патріотизмъ воинствующій. А это чуждо философскому міровоззрѣнію китайца. Онъ считаетъ всякую войну позоромъ, и „смерть за отечество“ въ его глазахъ такая же точно непріятность, какъ всякая смерть вообще: онъ не видитъ въ ней ничего похвальнаго, доблестнаго, славнаго. Умереть отъ оспы или умереть, защищая свое отечество, — китаецъ не видитъ въ этомъ никакой разницы.

„Китаецъ не питаетъ никакихъ „чувствъ“ къ своему государству. Къ своему языку, къ своей религіи, къ своимъ обычаямъ — да, — но не къ государству.

„Ни одинъ народъ не даетъ такой массы эмигрантовъ. Никто такъ легко и охотно не мѣняетъ подданства.

„Китаецъ смотритъ на государство, какъ на извѣстную форму страхованія жизни, личной и имущественной безопасности. Это страховое общество страхуетъ плохо, — я перехожу въ другое. Только и всего.

„Какой же тутъ можетъ быть разговоръ о государствѣ „единомъ Китаѣ“!

— Но богдыханъ, котораго вы обоготворяете и зовете „сыномъ неба“?

— Громкія слова. Уловка ремесла. Уловка, пущенная для того, чтобы держать въ суевѣрномъ страхѣ и подчиненіи китайскіе народы. Всѣ эти громкіе титулы выдуманы манчжурами-побѣдителями, чтобы поражать воображеніе подвластныхъ

народовъ. И если вамъ говорятъ, что китайцы считаютъ его „сыномъ неба“, — это тоже анекдотъ о Китаѣ. Это выдумано для запугиванія.

— У васъ, кажется, недавно была попытка къ революціи?

— Недавно,—и эмигранты, которыхъ вы видѣли въ Гонолулу, все это наши революціонеры, спасшіеся отъ погрома. Революціонная попытка была сдѣлана именно нашей партіей „Обновленія Китая“,—но была сдѣлана неудачно. Дѣло кончилось массой арестовъ, массой казней. У насъ отобрали большіе склады оружія. Сколько приготовленій погибло даромъ. Но ужъ изъ того, что казней была масса, что бѣжала масса народу, что были отобраны цѣлые арсеналы, вы видите, что наше дѣло не шуточное, не маленькое, что наша партія и велика и сильна. Мы надѣлали по неопытности промаховъ и ошибокъ, — но что жъ дѣлать! Опытность не приходитъ сразу. И дѣло отъ этого еще не погибло. Тамъ, гдѣ началась революція, она не прекращается. Она ведетъ скрытую работу, – но ведетъ, идетъ вглубь и вширь.

— Но, чтобъ вѣрить въ успѣхъ дѣла, надо, чтобъ оно встрѣчало себѣ сочувствіе въ массѣ.

Китаецъ улыбнулся:

— Революція — это красный цвѣтокъ, который распускается на пышно разросшемся кустѣ общаго недовольства. Сначала недовольства не видно совсѣмъ, какъ не видно зерна, которое работаетъ, живетъ подъ землей, пускаетъ ростки; затѣмъ оно еле-еле блѣдной слабой травкой появляется надъ землей, растетъ, ширится, распускается пышнымъ

кустомъ,—и въ одинъ прекрасный день на немъ расцвѣтаетъ красный цвѣтокъ революціи.

— Отлично. На какомъ же кустѣ распускаетесь вы? Какая почва, на которой растетъ этотъ кустъ? Экономическая? Политическая?

— Націоналистическая. Народы развиваются приблизительно по однимъ и тѣмъ же законамъ. И если для васъ вашъ 19 вѣкъ былъ вѣкомъ пробужденія націонализма, то и для насъ нашъ 77 явился тѣмъ же. Каждый изъ китайскихъ народовъ каждаго государства-провинціи считаетъ свою культуру, обычаи, религіозныя и философскія воззрѣнія неизмѣримо лучше, выше манчжурскихъ. Отсюда это всеобщее недовольство, которое растетъ и растетъ. Недовольство, которое связываетъ отдѣльные китайскіе народы въ одно цѣлое. Оно даетъ китайскимъ народамъ единство потому, что объединяетъ ихъ души въ одномъ желаніи, въ одномъ стремленіи: „долой варваровъ-манчжуръ". Это естественное движеніе народовъ, куда болѣе культурныхъ, развитыхъ, противъ невѣжественныхъ варваровъ-узурпаторовъ. Движеніе не государственное, но національное, еще болѣе глубокое, сильное. Вотъ то общее недовольство, на которомъ думаетъ распуститься нашъ цвѣтокъ.

— И велики ваши силы? Партія? Изъ кого она состоитъ?

— Я уже упоминалъ, что объ ея многочисленности вы можете судить по количеству казней и отобраннаго оружія при нашей неудачной попыткѣ. Партію составляетъ „молодой Китай", все, что

у насъ есть болѣе образованнаго, болѣе развитого. Идея китайскихъ штатовъ встрѣчаетъ сочувствіе потому, что она обѣщаетъ намъ возрожденіе китайской культуры. И эта идея достаточно популярна и годъ-отъ-году дѣлается все болѣе и болѣе популярной въ народѣ. Мы вообще мало знаемъ Европу, но у насъ на Востокѣ, и въ Японіи и въ Китаѣ, очень популярны Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Мы живемъ подъ ихъ обаяніемъ. Они для насъ носители лучшей культуры. Благодаря грандіозной эмиграціи въ Америку, среди нашего народа все больше и больше распространяется свѣдѣній объ Америкѣ. Свѣдѣній и восхищенія ею. Потому и велика эмиграція туда, что Соединенные Штаты кажутся нашему народу страной обѣтованной, а складъ ихъ жизни — складомъ идеальнымъ. Кто же откажется завести идеальные порядки у себя дома?

Такъ думаетъ и мечтаетъ молодая китайская партія.

И почему теперь, когда рѣшается вопросъ о будущности Китая, мы должны протянуть руку старой, вѣроломной партіи, а не этой молодой, свѣтлой, представляющей собою лучшее, что есть въ Китаѣ?

Почему мы непремѣнно должны помогать тѣмъ, кого ненавидятъ, и кто притѣсняетъ, а не сдѣлать своимъ союзникомъ тѣхъ, чьи желанья и мечты отвѣчаютъ желаньямъ и благу китайскаго народа?

Почему мы непремѣнно должны вернуть эту бѣдную страну къ прежнему ужасному и отвра-

тительному порядку, вмѣсто того, чтобъ открыть передъ ней лучшее будущее?

Что намъ далъ этотъ „status quo“? Что онъ далъ, кромѣ, въ концѣ-концовъ, возмущенія, предательства, избіеній и войны? И къ чему же его возстановлять?

Для чего, собственно говоря, нуженъ этотъ „единый Китай“, этотъ колоссъ, это 400-милліонное чудовище? Для чего надо охранять его теперешнее существованіе? Для того, чтобъ онъ въ будущемъ устроилъ намъ то же самое, только, быть-можетъ, съ большимъ успѣхомъ?

Китайское государство поступило опрометчиво. То, что оно сдѣлало теперь, оно сдѣлало слишкомъ рано. Ему война вновѣ. Оно сочло себя готовымъ, когда еще не было готово.

Ничего! Ничто такъ хорошо не обучаетъ военному искусству, какъ пораженія. Побѣды ослѣпляютъ, сбиваютъ съ пути и ведутъ назадъ. Пораженія открываютъ глаза, заставляютъ видѣть свои недостатки и ихъ исправлять.

Теперь Китай вооруженъ лучше, чѣмъ онъ былъ вооруженъ во время войны съ Японіей. Черезъ десять лѣтъ онъ будетъ вооруженъ еще лучше, будетъ совсѣмъ готовъ.

Англія будетъ поставлять ему вооруженія, потому что въ Англіи нѣтъ закона, который запрещалъ бы поставлять оружіе странѣ, съ которой Великобританія не находится въ открытой войнѣ. А разъ Англія будетъ торговать въ Китаѣ оружіемъ, какой же смыслъ германской промышленности отдавать рынокъ цѣликомъ въ руки

сопернику? Европа будетъ поставлять оружіе и инструкторовъ.

И когда въ слѣдующій разъ мандарины, захватившіе въ свои руки власть, захотятъ выкинуть насъ изъ Китая,—побѣдоносное шествіе союзныхъ войскъ въ Пекинъ продлится ужъ не нѣсколько дней.

То, что было теперь, была только проба, репетиція, и спектакль еще впереди.

Это была только проба, сдѣланная подъ видомъ „возмущенія", очень хитро и очень ловко, чтобы въ случаѣ успѣха объявить, что это настоящая война, а въ случаѣ неудачи сказать, что это было только возмущеніе, и государство тутъ не при чемъ.

Европейскимъ милліонамъ, европейской буржуазіи, у которой у одной только и есть интересы въ Китаѣ, и интересы которой только и защищаетъ европейская дипломатія,—конечно, казалось болѣе удобнымъ имѣть дѣло съ мандаринами, чѣмъ съ народомъ.

Давая взятки, у нихъ можно было откупать области и дѣлать все, что угодно, въ странѣ совершенно безнаказанно и безопасно.

Событія показали, что это за безнаказанность и что за безопасность.

Вотъ чѣмъ кончились всѣ эти взятки, при помощи которыхъ Европа справлялась съ мандаринами, представляющими собой „государство Китай".

И такъ будетъ и впредь, потому что милліонъ всегда грозитъ власти.

Самая абсолютная власть становится уже властью ограниченной, какъ только въ страну впущены иностранные милліоны. Власть, это — „усмотрѣніе“, желаніе, иногда капризъ. А милліонъ остороженъ. Онъ привыкъ къ контракту, къ условію, къ бумагѣ. Онъ требуетъ написанія пунктовъ, въ видѣ законовъ, твердыхъ, прочно установленныхъ, неизмѣнныхъ. Ему трудно работать рядомъ съ усмотрѣніемъ, съ желаніемъ. Онъ требуетъ „законности“ и требованіемъ законности стѣсняетъ власть.

Мандарины будутъ брать взятки и пускать милліоны въ страну, но когда милліоны начнутъ стѣснять произволъ мандариновъ, лишать ихъ прежней власти, требовать законности и поддерживать эти требованія „десантными отрядами“, — мандарины снова прибѣгнуть къ помощи „боксеровъ“ и регулярныхъ войскъ, тогда уже отлично обученныхъ и вооруженныхъ.

На дипломатію смотрятъ разно.

Есть люди, которые относятся къ ней съ почтеніемъ, и есть люди, которые презираютъ ея цѣли, задачи и тѣ способы, которыми она добивается этихъ цѣлей и задачъ.

Есть люди, которые говорятъ, что дипломатія, это — мошенничество, которое остается безнаказаннымъ въ случаѣ успѣха.

Но кто бы какъ бы ни смотрѣлъ на дипломатію, несомнѣнно, что теперь передъ нами одинъ изъ тѣхъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда задачи дипломатіи не противорѣчатъ задачамъ культуры и прогресса.

Истинной задачей дипломатіи должно быть ослабленіе Китая. Ослабленіе этого вѣчно угрожающаго колосса, этого угрожающаго огромнаго цѣлаго, устраненія этой глыбы, которая нависла надъ Европой.

Для этого есть одинъ способъ:

Divide et impera.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи о раздѣлѣ Китая между европейскими державами: онѣ перегрызутся при такомъ раздѣлѣ.

Но „внутреннее раздѣленіе Китая".

Почему не подумать объ этомъ способѣ обезсилить Китай?

Это обезсилитъ его какъ государство, но не обезсилитъ — какъ страну. Культура, промышленность, благосостояніе провинцій только выростутъ оттого, что будутъ убраны грабители вице-короли и мандарины, оттого, что законность замѣнитъ теперешнюю анархію.

Наше благополучіе, благополучіе европейцевъ, построено на томъ благополучіи, которое мы внесемъ въ страну.

Розы растутъ только тамъ, гдѣ онѣ посажены. Мы, европейцы, должны вносить въ страну лучшее, что ѣсть въ нашей культурѣ, — законность, свободу, а не нести горе странѣ, не закрѣплять въ ней рабства и анархіи. Все, что мы дѣлали до сихъ поръ, было на горе китайскому народу, на руку мандаринамъ, — и вотъ плоды.

Почему же теперь, когда мы уже „вкусили" этихъ плодовъ, намъ не протянуть руки людямъ, желающимъ добра своей странѣ, и не помочь

имъ въ борьбѣ съ мандаринами, которые грозятъ опасностью и намъ.

Нѣтъ, Европа будетъ помогать тѣмъ же мандаринамъ и поддерживать тотъ же „единый Китай“.

Почему?

Да просто потому, что Пекинъ былъ взятъ очень быстро, и всѣ посланники остались живы.

Урокъ, къ счастью для насъ, оказался не достаточно еще тяжелымъ.

ИЗЪ СТА ЗОЛОТЫХЪ СКАЗОКЪ.

Эти сказки принадлежатъ къ числу тѣхъ „ста“ избранныхъ „золотыхъ сказокъ“, которыя разсказываются въ дѣтствѣ будущему богдыхану.

ЧЕГО НЕ МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ БОГДЫХАНЪ.

Всесильный богдыханъ много видѣлъ при своемъ дворѣ людей ловкихъ, людей хитрыхъ, и ему захотѣлось увидѣть счастливыхъ людей.

— Я—солнце, которое золотитъ только вершины горъ и лучи котораго никогда не падаютъ въ долины! — сказалъ онъ себѣ и приказалъ своему главному оберъ-церемоніймейстеру принести списокъ низшихъ чиновниковъ.

Церемоніймейстеры принесли 666 свитковъ, каждый въ 66 локтей длины, на которыхъ еле-еле умѣстились всѣ имена.

— Сколько ихъ, однако! — сказалъ богдыханъ, и, указавъ на имя мандарина 48 класса Тунъ-Ли, приказалъ главному оберъ-церемоніймейстеру:

— Узнай, что это за человѣкъ!

Приказанія богдыхана исполняются немедленно, и не успѣлъ бы богдыханъ сосчитать до 10.000,— какъ главный оберъ-церемоніймейстеръ вернулся и съ глубокимъ поклономъ сказалъ:

— Это твой старый служака, всесильный сынъ неба. Честный, скромный чиновникъ и примѣрный семьянинъ. Онъ отлично живетъ со своей женой, и они воспитываютъ дочь въ благочестіи и трудѣ.

— Да будетъ ему радость!—сказалъ богдыханъ,—я хочу осчастливить его взглядомъ моихъ очей. Пойди и объяви ему, что въ первый день новой луны онъ можетъ представиться мнѣ со своимъ семействомъ.

— Онъ умретъ отъ счастья! — воскликнулъ главный оберъ-церемоніймейстеръ.

— Будемъ надѣяться, что этого не случится!— улыбнулся добрый богдыханъ,—иди и исполни мою волю.

— Ну, что?—спросилъ онъ, когда оберъ-церемоніймейстеръ возвратился во дворецъ.

— Твоя воля исполнена, какъ святая, всесильный сынъ неба!—простираясь ницъ предъ богдыханомъ, отвѣчалъ главный церемоніймейстеръ,— твое милостивое повелѣніе было объявлено Тунъ-Ли при громѣ барабановъ, звукахъ трубъ и ликующихъ возгласахъ народа, славившаго твою мудрость!

— И что же Тунъ-Ли?

— Онъ казался помѣшаннымъ отъ радости. Никогда еще міръ не видѣлъ такого радостнаго безумія!

День представленья Тунъ-Ли ко двору приближался, казалось, медленно, — какъ все, чего мы ждемъ. Богдыхану хотѣлось поскорѣе взглянуть на счастливаго человѣка, — и однажды вечеромъ онъ, переодѣвшись простымъ кули, съ проводникомъ отправился въ тотъ далекій кварталъ Пекина, гдѣ жилъ Тунъ-Ли.

Еще издали слышны были крики въ домѣ Тунъ-Ли.

— Неужели они такъ громко ликуютъ? — удивился богдыханъ, и радость расцвѣла въ его душѣ.

— Несчастнѣйшая изъ женщинъ! Презрѣннѣйшее изъ существъ, на которое когда-либо свѣтило солнце! — кричалъ Тунъ-Ли, — да будетъ проклятъ тотъ день и часъ, въ который мнѣ пришло въ голову на тебѣ жениться! Поистинѣ, злые драконы нашептали мнѣ эту мысль!

— Мы живемъ 300 лунъ мужемъ и женой! — со слезами отвѣчала жена Тунъ-Ли, — и я никогда еще не слыхала отъ тебя такихъ проклятій. Ты всегда находилъ меня милой, доброй и вѣрной женой. Хвалилъ меня.

— Да, но мы не должны были представляться богдыхану! — съ бѣшенствомъ отвѣчалъ Тунъ-Ли, — ты покроешь меня позоромъ! Ты сдѣлаешь меня посмѣшищемъ всѣхъ! Развѣ ты сумѣешь отдать 33 граціозныхъ поклона, какъ требуется по этикету?.. Мнѣ придется сквозь землю провалиться со стыда за тебя и за дочь. Вотъ еще отвратительнѣйшее существо въ цѣломъ мірѣ! Уродъ, какого не видывало солнце!

— Отецъ! — рыдая, отвѣчала дочь Тунъ-Ли, — отецъ, развѣ не ты называлъ меня красавицей? Своей милой Му-Сянь? Своей кроткой Му-Сянь? Развѣ ты не говорилъ, что милѣе, лучше, послушнѣе меня нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ?

— Да! Но нога въ два пальца длиною! — съ отчаяньемъ восклицалъ Тунъ-Ли, — я увѣренъ, что богдыханъ умретъ отъ ужаса, увидѣвъ такую ногу-чудовище.

— Меня растили не для того, чтобы носить въ паланкинѣ! — плакала бѣдняжка Му-Сянь, — мои ноги для ходьбы. Я должна вѣдь выйти замужъ за такого же скромнаго и бѣднаго чиновника, какъ ты, отецъ. Меня воспитывали для труда.

— Будь проклято твое уродство, когда надо представляться богдыхану! — закричалъ внѣ себя Тунъ-Ли.

Въ эту минуту у дверей раздался ударъ гонга, и въ горницу вошелъ ростовщикъ.

— Ну, что же, Тунъ-Ли? — спросилъ онъ, — обдумалъ ты мои условія?

— Но мы умремъ съ голода, если примемъ твои условія! — прошепталъ Тунъ-Ли, отъ ужаса закрывая ладонями лицо.

— Какъ хочешь! — пожалъ плечами ростовщикъ, — но помни, что время идетъ. Если ты будешь медлить, — мы не успѣемъ сдѣлать ни синяго шелковаго платья съ золотистыми рукавами для тебя, ни зашитаго шелками платья для твоей жены, ни расшитаго цвѣтами платья для твоей

дочери. Ни всего того, что необходимо, чтобы представиться ко двору. Что ты будешь тогда дѣлать?

— Хорошо, я согласенъ... согласенъ... — пробормоталъ Тунъ-Ли.

— Такъ помни же, чтобы не было потомъ споровъ. Я дѣлаю тебѣ все это, а ты въ каждую новую луну отдаешь мнѣ три четверти своего жалованья.

— Но мы умремъ съ голоду! — воскликнулъ Тунъ-Ли, всплескивая руками, — возьми половину. Не убивай насъ!

Тунъ-Ли, его жена и бѣдная маленькая Му-Сянь ползали передъ ростовщикомъ на колѣняхъ, умоляя его брать половину жалованья Тунъ-Ли.

— Вѣдь мы должны будемъ голодать всю остальную жизнь.

— Нѣтъ, три четверти жалованья каждую новую луну, — стоялъ на своемъ ростовщикъ, — послѣднее слово: согласенъ ты или нѣтъ?

И Тунъ-Ли, рыдая, отвѣчалъ:

— Хорошо, дѣлай.

— О, небо! — прошепталъ богдыханъ, и слезы полились изъ его глазъ.

— Не смѣй мнѣ говорить этого! — закричалъ онъ въ величайшемъ гнѣвѣ, когда вернулся во дворецъ и главный церемоніймейстеръ, по обычаю, распростерся предъ нимъ ницъ и назвалъ его „всесильнымъ“.

— Не смѣй мнѣ лгать! — со слезами закричалъ богдыханъ, — какой я всесильный! Я не могу сдѣлать человѣка счастливымъ!

И грустный, бродя по своимъ великолѣпнымъ, благоухающимъ садамъ, онъ думалъ:

„Я — солнце, которое свѣтитъ и грѣетъ только издали, и сжигаетъ, когда приближается къ бѣдной землѣ!"

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО.

— Такъ смотри же, принеси мнѣ хорошій подарокъ! — кричала О-Мати-Санъ своему мужу Ки-Ку, который въ первый разъ отправлялся въ городъ.

— Принесъ мнѣ подарокъ? — встрѣтила она его вопросомъ, когда Ки-Ку вернулся.

Въ городѣ удалось отлично заработать, и Ки-Ку принесъ съ собой много хорошихъ вещей для хозяйства.

— А это тебѣ! — сказалъ онъ, передавая Мати сверкавшій металлическій кружокъ, — посмотри-ка сюда.

О-Мати-Санъ даже вскрикнула отъ испуга, когда изъ хорошенькой рамочки, въ которую былъ отдѣланъ металлическій кружокъ, на нее взглянуло смѣющееся женское лицо.

— Кто это? — съ испугомъ спросила она.

— Ха, ха, ха! — залился хохотомъ Ки-Ку, — кто это? Да это ты сама!

Вслѣдъ за нимъ залилась, словно маленькій серебряный колокольчикъ, звонкимъ смѣхомъ О-Мати-Санъ.

— Какъ велика премудрость человѣческая! — восклицала она, глядя въ зеркало, — они умѣютъ

тамъ, въ городѣ, рисовать портреты людей, которыхъ никогда не видали!

И находя женщину, которая глядѣла изъ рамки, очень хорошенькой, говорила, что портретъ чрезвычайно похожъ.

Съ этихъ поръ домъ Ки-Ку сталъ похожъ на клѣтку, въ которой живетъ очень веселая птичка.

Цѣлые дни О-Мати-Санъ прыгала, пѣла, глядя на этотъ чудесный портретъ, который улыбался и радовался, какъ она.

Но всему свое время. Среди забавъ и утѣхъ, О-Мати-Санъ родила дочку О-И-Санъ. Въ семьѣ стало трое, — настало время труда и заботъ. Великолѣпная игрушка, какъ драгоцѣнное сокровище, была спрятана въ самый низъ сундука, и О-Мати-Санъ отдалась труду и заботамъ.

Дочка росла.

Казалось, жизнь О-Мати-Санъ переливалась въ О-И. Чѣмъ больше вваливались и блѣднѣли щеки Мати, тѣмъ больше румянецъ разливался по щекамъ О-И-Санъ.

И когда ей минуло 14 лѣтъ, Ки-Ку смѣло могъ сказать, обнимая обѣихъ:

— Теперь у меня двѣ маленькихъ Мати — старая и молодая.

О-И-Санъ была вылитая Мати.

Теперь она щебетала въ маленькомъ бумажномъ домикѣ, дѣлая его похожимъ на клѣтку съ веселой птичкой.

Но очередь приходитъ всему. Приходили и уходили радости, приходилъ трудъ, пришла и смерть, какъ она приходитъ ко всѣмъ.

О-Мати-Санъ умирала.

— Неужели я тебя никогда не увижу?—рыдала у ея изголовья бѣдная О-И.

— Дитя мое! — отвѣчала ей О-Мати-Санъ, — ты будешь меня видѣть всегда, когда захочешь. Я всегда буду съ тобой. И ты меня будешь видѣть не такой, какъ я теперь, старой, больной, а такою, какою ты, помнишь, видала меня, когда была маленькой: веселой, смѣющейся, молодой, красивой, какъ ты теперь. Когда я умру, открой сундукъ, и на днѣ ты найдешь мой чудесный портретъ. Онъ былъ сдѣланъ, когда я была молода...

Сказала и умерла.

Поплакавъ по матери, О-И-Санъ вспомнила о портретѣ, открыла сундукъ, достала со дна хранившійся тамъ, какъ драгоцѣнность, блестящій кружокъ, оправленный въ красивую рамку, — взглянула и вскрикнула отъ радости, счастья, восторга.

На нее, улыбаясь счастливыми глазами, смотрѣла ея мать, не старая, не больная, а молодая, веселая, какою О-И видала ее только давно-давно, въ дѣтствѣ.

О-И запрыгала отъ радости.

Теперь она цѣлые дни проводила съ волшебной игрушкой, любуясь на дорогое лицо матери. Она разговаривала съ нею, — и хотя мать ничего не отвѣчала ей, но по движеніямъ губъ, по улыбкѣ, по блеску глазъ О-И-Санъ видѣла, что та ее понимаетъ.

Когда О-И-Санъ была радостна, улыбалась и мать. Когда О-И-Санъ была грустна, — грусть ло-

жилась и на дорогое лицо, и О-И-Санъ спѣшила улыбнуться, чтобъ развеселить милую мать.

Такъ жила О-И-Санъ.

Однажды черезъ ихъ деревню проходилъ премудрый жрецъ великой богини Каннунъ.

— Что ты дѣлаешь, дитя мое? — спросилъ онъ, увидавъ О-И-Санъ, которая смѣялась и болтала, глядя въ зеркало.

— Я разговариваю съ покойной матерью! — отвѣчала О-И-Санъ, — смотрю на ея лицо и радуюсь, что она сегодня такая веселая и счастливая.

— Да развѣ это лицо твоей матери, неразумное дитя? — покачалъ головой мудрый жрецъ, — развѣ это портретъ? Это зеркало, и оно отражаетъ твое лицо. Понимаешь, твое? Дай мнѣ зеркало, — я посмотрю, и оно отразитъ мое лицо.

О-И-Санъ со страхомъ подала ему зеркало и съ ужасомъ увидѣла среди хорошенькой рамочки старое, желтое, мудрое лицо жреца.

— Это былъ твой портретъ!

— Мой? — воскликнула О-И-Санъ и съ рыданіями упала на землю, — я опять потеряла свою мать!

И она рыдала, рыдала неутѣшно, лежа на землѣ.

И сказала богиня Каннунъ, богиня милосердія:

— Проклятый жрецъ! Счастье въ незнаньи. Зачѣмъ ты знаньемъ отравилъ счастье человѣка? Да будешь ты проклятъ съ твоимъ знаньемъ!

И прокляла она премудраго жреца.

БѢЛЫЙ ДЬЯВОЛЪ.

Мудрецъ Тунгъ-Са-О былъ ученѣйшимъ изъ людей. Онъ зналъ все, что дѣлается на землѣ, подъ землей, въ водахъ, среди звѣздъ. Спокойно и неторопливо онъ дѣлалъ теперь тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли его отъ могилы, вырытой въ его саду, среди цвѣтовъ.

„Сегодня я еще самъ иду къ ней, а скоро!..— улыбаясь, думалъ онъ, каждое утро идя посмотрѣть на свою могилу, — я знаю многое, а здѣсь узнаю остальное!“

И онъ улыбался могилѣ, которая улыбалась ему среди цвѣтовъ.

И вотъ однажды, когда Тунгъ-Са-О стоялъ и смотрѣлъ въ свою могилу, къ нему подошелъ духъ человѣческій.

— А хорошо бы пожить еще разъ! — сказалъ духъ человѣческій.

— Зачѣмъ? — воскликнулъ мудрецъ, — только глупецъ, кончивъ тяжкій и утомительный путь и стоя передъ дверью, возвращается назадъ и снова дѣлаетъ весь путь!

— А хорошо бы пожить!—отвѣтилъ на это духъ человѣческій.

— Человѣкъ, какъ сурокъ, выскакиваетъ изъ люльки, чтобы спрятаться въ могилу. Я кончилъ это презрѣнное существованіе!—воскликнулъ Тунгъ-Са-О.

А духъ человѣческій вздохнулъ и сказалъ:

— А хорошо бы пожить!

Долго и мудро говорилъ еще Тунгъ-Са-О о тщетѣ человѣческой жизни, о страданьяхъ, лишеньяхъ, болѣзняхъ, а духъ человѣческій вздыхалъ и повторялъ въ отвѣтъ на все:

— А хорошо бы пожить!

— Знать и вѣчно жаждать знанья. И чѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше мучишься этой палящей жаждой. Жизнь — неизреченное мученье! Жизнь — это вѣчная жажда, и только могила сразу утолитъ ее!

— А хорошо бы пожить! — вздохнулъ духъ человѣческій.

И Тунгъ-Са-О закончилъ свои разсужденья:

— А хорошо бы, дѣйствительно, пожить! — со вздохомъ сказалъ онъ.

И въ ту же минуту передъ нимъ предсталъ дьяволъ, съ бѣлымъ, бѣлымъ лицомъ. Онъ не носилъ нашей священной косы, и короткіе волосы его были свѣтлы и мягки, какъ шелкъ.

— Привѣтъ мудрому!—воскликнулъ бѣлый дьяволъ, — люди предъ тобой, Тунгъ-Са-О, какъ трава передъ вѣковымъ дубомъ, и я готовъ служить тебѣ. Я возвращу тебѣ юность, и всѣми радостями наполню твое существованье. Я дамъ тебѣ такія

знанья и научу тебя такимъ искусствамъ и ремесламъ, что ты будешь волшебникомъ и радостью наполнишь жизнь свою и жизнь кругомъ.

— А какой потребуешь ты за это платы?—спросилъ боязливо Тунгъ-Са-О, — моей души? Жизни?

— Нѣтъ! О, нѣтъ! — воскликнулъ бѣлый дьяволъ, — про насъ разсказываютъ глупости, будто мы отнимаемъ у людей душу, жизнь. Это клевета. Это незнанье. Ты пройдешь всю свою жизнь безъ страха, безъ опасеній, — а я только буду итти всегда на одинъ шагъ впереди тебя.

— Иди! — сказалъ мудрецъ.

И они пошли черезъ дремучій лѣсъ, заросшій непроходимой чащей. Бѣлый дьяволъ шелъ впереди и раздвигалъ колючія вѣтви, такъ что мудрецъ шелъ за нимъ по очищенной дорожкѣ, спокойно, не получая ни одной царапины.

„Какой глупый этотъ бѣлый дьяволъ! — улыбаясь, думалъ Тунгъ-Са-О, — пусть всегда идетъ впереди. Это даже очень хорошо, если приходится итти зимой по глубокому снѣгу или тамъ, гдѣ много волчьихъ ямъ.

Такъ пришли они къ жилищу могущественнаго дракона, который коснулся своимъ жаломъ Тунгъ-Са-О,—и Тунгъ-Са-О вдругъ стало опять 18 лѣтъ.

Помолодѣлъ не только онъ, а весь міръ кругомъ. Онъ увидѣлъ въ мірѣ много цвѣтовъ, которые чудно пахли, и среди этихъ цвѣтовъ рѣзвились птицы, пѣвшія пѣсни, которыхъ онъ еще не слыхалъ, когда былъ старикомъ.

И Тунгъ-Са-О захотѣлось весь міръ обратить въ цвѣты.

Тунгъ-Са-О проходилъ мимо лавки искусника, который дѣлалъ изъ драгоцѣнныхъ камней побрякушки на радость людской пустотѣ.

— Я знаю чудныя искусства и ремесла, которыя не снились тебѣ!—сказалъ Тунгъ-Са-О,—дай мнѣ обдѣлать твои камни, и я превращу ихъ въ дивные цвѣты.

— Преврати, если ты такой искусникъ!—сказалъ ювелиръ.

И такъ какъ Тунгъ-Са-О зналъ необыкновенныя искусства и необыкновенныя ремесла, то онъ принялся придавать драгоцѣннымъ камнямъ невиданную форму. Онъ принялся вытачивать цвѣты изъ цѣльныхъ камней. Огромные брилліанты расцвѣли пышными розами, на лепесткахъ которыхъ солнце зажигало золотыя, голубыя, красныя горящія точки. Большіе изумруды приняли форму сверкающихъ листьевъ. А изъ сафировъ выросли незабудки.

Потрудившись такъ до вечера и страшно уставъ за работой, Тунгъ-Са-О пошелъ къ хозяину, чтобъ получить заработокъ.

— А у меня только-что былъ бѣлый человѣкъ, съ волосами, какъ шелкъ, и получилъ все, что слѣдовало, за тебя! — воскликнулъ хозяинъ, — только-что! Я удивляюсь даже, какъ вы не встрѣтились въ дверяхъ.

— При такихъ условіяхъ не стоитъ и работать!— проворчалъ очень недовольный Тунгъ-Са-О и сталъ думать только о наслажденіяхъ.

Какъ разъ навстрѣчу Тунгъ-Са-О несли въ паланкинѣ 14-лѣтнюю дѣвушку, дочь самаго богатаго и самаго знатнаго мандарина.

Она была хороша, какъ благоухающій несорванный цвѣтокъ.

Ея ножки были такъ малы, что не могли бы сдѣлать и шагу, — и это придавало ей прелесть ребенка, и счастливъ тотъ, кто будетъ ея мужемъ: сколько радостей! Ея робкіе, неувѣренные шаги будутъ вызывать восторгъ и нѣжность въ его сердцѣ, какъ первые шаги ребенка.

Ея маленькіе глазки смотрѣли на все кругомъ: деревья, дома, людей, съ удивленнымъ видомъ, словно спрашивали:

— Что это такое?

Такъ она была невинна.

А крошечныя ручки съ испугомъ держались за край паланкина, словно боялись, что вѣтеръ вотъ-вотъ подхватитъ этотъ цвѣтокъ земли и унесетъ въ воздухъ и не отдастъ его землѣ.

Словомъ, красавица очень понравилась Тунгъ-Са-О.

А такъ какъ ему помогалъ дьяволъ, а можетъ-быть, просто потому, что Тунгъ-Са-О было 18 лѣтъ, и онъ былъ красивъ, — сердце крошки-красавицы забилось сильнѣе, забилось желаніемъ.

Мандаринъ съ восторгомъ согласился выдать свою дочь за самаго ученаго человѣка и величайшаго искусника въ странѣ, и свадьба была отпразднована съ величайшей пышностью.

Свадебный пиръ приходилъ къ концу, и Тунгъ-Са-О, сопровождаемый нескромными шутками, которыя еще больше зажигали горѣвшія желанія, оставилъ гостей.

Онъ шелъ въ покой своей жены чтобъ тамъ, среди цвѣтовъ, сорвать лучшую изъ лилій и горящими устами коснуться маленькаго алаго цвѣтка — устъ своей невѣсты.

И на порогѣ покоя онъ встрѣтилъ выходящаго оттуда бѣлаго дьявола:

— Я это сдѣлалъ за тебя!

Зарыдалъ Тунгъ-Са-О, и міръ показался ему садомъ, въ которомъ росли цвѣты безъ благоуханія, и, безъ пѣсенъ, безтолково прыгали пестрыя птицы.

Такъ жилъ Тунгъ-Са-О долгую, долгую, сѣрую жизнь, пока однажды онъ не очутился на берегу глубокаго ручья.

Черезъ ручей былъ переброшенъ мостикъ, такой легкій и такой непрочный, что по немъ могъ перейти только одинъ человѣкъ. Первый же, кто прошелъ бы по немъ, расшаталъ бы его такъ, что слѣдующій упалъ бы въ ручей и утонулъ.

И въ ту минуту, какъ Тунгъ-Са-О хотѣлъ поставить ногу на мостикъ, — впереди него проскользнулъ бѣлый дьяволъ и перешелъ по мостику. За нимъ, вторымъ, пошелъ Тунгъ-Са-О. Мостикъ упалъ, и Тунгъ-Са-О утонулъ.

Утонулъ, радостно привѣтствуя смерть — избавительницу.

Вотъ и вся сказка.

Сынъ неба! Бойся бѣлыхъ дьяволовъ! Они не отнимаютъ ни души, ни жизни, но они оскверняютъ все, что есть лучшаго въ первой, берутъ себѣ все, что есть хорошаго во второй.

ДОЖДЬ.

Сынъ неба, — пусть его имя переживетъ вселенную! — императоръ Лі-О-А стоялъ у окна своего фарфороваго дворца.

Онъ былъ молодъ и потому добръ. Среди роскоши и блеска онъ не переставалъ думать о бѣдныхъ и несчастныхъ.

Шелъ дождь. Лилъ ручьями. Плакало небо, лили за нимъ слезы деревья и цвѣты.

Грусть сжала сердце императора, и онъ воскликнулъ:

— Плохо тѣмъ, кто въ дождь не имѣетъ даже шляпы!

И, повернувшись къ своему камергеру, онъ сказалъ:

— Я хотѣлъ бы знать, сколько такихъ несчастныхъ въ моемъ Пекинѣ?

— Свѣтъ солнца! — отвѣтилъ, падая на колѣни и наклонивъ голову, Тзунгъ-Хи-Тзангъ, — развѣ есть что-нибудь невозможное для повелителя царей? Еще до заката солнца ты будешь знать, отецъ зари, то, что тебѣ угодно!

Императоръ милостиво улыбнулся, и Тзунгъ-Хи-Тзангъ побѣжалъ быстро, какъ только могъ, къ первому министру Санъ-Чи-Сану.

Онъ прибѣжалъ, едва переводя духъ, и второпяхъ не успѣлъ даже отдать всѣхъ почестей, которыя слѣдовали первому министру.

— Радость вселенной, нашъ всемилостивый повелитель, — задыхаясь проговорилъ онъ, — въ ужасномъ безпокойствѣ. Его безпокоятъ тѣ, кто ходитъ въ дождь безъ шляпы въ нашемъ Пекинѣ, и онъ хочетъ знать сегодня же, сколько ихъ числомъ!

— Да есть-таки бездѣльниковъ! — отвѣчалъ Санъ-Чи-Санъ, — а впрочемъ...

И онъ приказалъ позвать Пай-Хи-Во, начальника города.

— Плохія новости изъ дворца! — сказалъ онъ, когда Пай-Хи-Во склонилъ голову къ землѣ въ знакъ вниманія, — владыка нашихъ жизней замѣтилъ непорядки!

— Какъ? — съ ужасомъ воскликнулъ Пай-Хи-Во, — развѣ не существуетъ прекраснаго тѣнистаго сада, который закрываетъ дворецъ отъ Пекина?!

— Ужъ не знаю, какъ это случилось, — отвѣтилъ Санъ-Чи-Санъ, — но его величество ужасно безпокоятъ негодяи, которые ходятъ въ дождь безъ шляпы. Онъ желаетъ знать сегодня же, сколько такого народа въ Пекинѣ. Распорядись!

— Позвать ко мнѣ сейчасъ же эту старую собаку Хуаръ-Дзунга! — кричалъ черезъ минуту Пай-Хи-Во своимъ подчиненнымъ.

И когда начальникъ стражи города, бѣлый отъ ужаса, дрожащій, повалился ему въ ноги, мандаринъ обрушилъ на его голову цѣлый водопадъ проклятій:

— Негодяй, бездѣльникъ, подлый предатель! Ты хочешь, чтобъ насъ всѣхъ распилили пополамъ вмѣстѣ съ тобой!

— Объясни мнѣ причину твоего гнѣва, — колотясь отъ дрожи у ногъ мандарина, сказалъ Хуаръ-Дзунгъ, — чтобъ я могъ понимать утѣшительныя слова, которыя ты мнѣ говоришь. Иначе я боюсь, я не пойму языка твоей мудрости!

— Старая собака, которой слѣдовало бы смотрѣть за стадомъ свиней, а не за самымъ большимъ городомъ на свѣтѣ! Самъ повелитель Китая обратилъ вниманіе, что у тебя въ городѣ безпорядки, — по улицамъ шатаются негодяи, у которыхъ даже въ дождь нѣтъ шляпы, чтобъ надѣть. Чтобы къ вечеру ты мнѣ далъ знать, сколько ихъ останется въ Пекинѣ!

— Все будетъ исполнено въ точности! — отвѣтилъ, три раза ударяясь лбомъ объ полъ, Хуаръ-Дзунгъ, и чрезъ мгновенье ока онъ уже кричалъ и топалъ ногами на стражей, которые были собраны оглушающими звуками гонга.

— Негодяи, изъ которыхъ я повѣшу половину только для того, чтобы остальныхъ изжарить на угольяхъ! Такъ-то вы смотрите за городомъ! У васъ въ дождь ходятъ по улицамъ безъ шляпъ! Чтобы черезъ часъ [1]) были переловлены всѣ, у кого нѣтъ шляпы даже изъ тростника!

[1]) Китайскій часъ — 40 минутъ.

Стражи кинулись исполнять приказаніе, — и въ теченіе часа на улицахъ Пекина шла настоящая охота.

— Держи его! Лови! — кричали стражи, гоняясь за людьми, не имѣвшими шляпъ.

Они тащили ихъ изъ-за заборовъ, изъ-подъ воротъ, изъ домовъ, куда тѣ прятались какъ крысы, которыхъ преслѣдуетъ поваръ, чтобы сдѣлать изъ нихъ рагу.

И черезъ часъ безъ одной минуты всѣ, кто въ Пекинѣ не имѣлъ шляпъ, стояли во дворѣ тюрьмы.

— Сколько ихъ? — спросилъ Хуаръ-Дзунгъ.

— 20.871! — отвѣчали, кланяясь въ землю, стражи.

— Палачей! — приказалъ Хуаръ-Дзунгъ.

И черезъ полчаса [1]) 20.871 обезглавленный китаецъ лежали на дворѣ тюрьмы.

А 20.871 голова были воткнуты на пики и разнесены по городу въ назиданіе народу.

Хуаръ-Дзунгъ пошелъ съ докладомъ къ Пай-Хи-Во. Пай-Хи-Во — къ Санъ-Чи-Сану. Санъ-Чи-Санъ далъ знать Тзунгъ-Хи-Тзангу.

Наступилъ вечеръ. Дождь кончился. Пробѣгая, вѣтерокъ трогалъ деревья, и дождь бриллiантовъ летѣлъ съ деревьевъ на благоухающіе цвѣты, которые искрились и горѣли въ лучахъ заходящаго солнца.

Изъ блеска и благоуханія былъ созданъ весь садъ, — и сынъ неба Лі-О-А стоялъ у окна своего фарфороваго дворца, любуясь чудной картиной.

---

[1]) Китайскіе полчаса—20 минутъ.

Но, молодой и добрый, онъ и въ эту минуту не забывалъ о несчастныхъ!

— Кстати! — сказалъ онъ, обращаясь къ Тзунгъ-Хи-Тзангу, — ты хотѣлъ мнѣ узнать, сколько народу въ Пекинѣ не имѣютъ даже шляпы, чтобъ накрыться во время дождя?

— Желаніе владыки вселенной исполнено его слугами! — съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Тзунгъ-Хи-Тзангъ.

— Сколько жъ ихъ? Смотри, говори только правду!

— Во всемъ Пекинѣ нѣтъ ни одного китайца, у котораго не было бы шляпы, чтобъ надѣть во время дождя. Клянусь, что я говорю чистѣйшую правду!

И Тзунгъ-Хи-Тзангъ поднялъ руки и наклонилъ голову въ знакъ священной клятвы.

Лицо добраго императора озарилось счастливой и радостной улыбкой.

— Счастливый городъ! Счастливая страна! — воскликнулъ онъ, — и какъ счастливъ я, что подъ моимъ владычествомъ такъ благоденствуетъ народъ.

И всѣ во дворцѣ были счастливы при видѣ счастья императора.

А Санъ-Чи-Санъ, Пай-Хи-Во и Хуаръ-Дзунгъ получили по ордену Золотого Дракона за отеческія попеченія о народѣ.

О ПОЛЬЗѢ НАУКЪ.

Былъ въ Китаѣ богдыханъ Цзанъ-Ли-О, — да сохранится его имя въ памяти людей до тѣхъ поръ, пока существуетъ наше отечество. Онъ очень интересовался науками, хотя самъ едва умѣлъ читать и поручалъ всегда подписывать свое имя другому, чѣмъ очень пользовались ближайшіе мандарины.

Но такъ какъ, несмотря на это, онъ очень интересовался науками, то однажды Цзанъ-Ли-О и задалъ себѣ вопросъ:

— Для какого дьявола онѣ существуютъ на свѣтѣ?

И онъ приказалъ въ опредѣленный день созвать всѣхъ ученыхъ для всенароднаго допроса.

Желаніе сына неба — законъ для земли.

У воротъ всѣхъ университетовъ забили огромные барабаны, и глашатаи закричали:

— Эй, вы! Ученый народъ! Бросайте-ка книги, идите въ Пекинъ отвѣчать радости вселенной, нашему милостивому богдыхану, какую такую пользу приносятъ ваши науки.

Въ назначенный день на большой площади передъ дворцомъ собрались всѣ ученые люди

Китая. Были тутъ такіе старики, что ихъ несли на носилкахъ, но были и молодые ученые, которые казались старше самыхъ старыхъ стариковъ. Были ученые, такъ высоко задиравшіе голову, что у нихъ спинной хребетъ выгнулся назадъ, и они не могли бы съ почтеніемъ поклониться при встрѣчѣ даже самому Богу. Были тутъ и люди, у которыхъ спинной хребетъ сломался въ уголъ отъ сидѣнья за книгами. Были люди очень награжденные за свою ученость. Были ученые съ тремя, четырьмя, попадались и съ пятью шариками на шапкѣ. Были такіе, которые носили трехглазое павлинье перо. Были ученые и въ зеленыхъ курткахъ и было даже нѣсколько желтыхъ кофтъ!

И всѣ были, конечно, въ очкахъ, потому что очки, какъ извѣстно, первый признакъ учености. Ученые всегда близоруки.

Когда солнце вышло изъ-за облаковъ и засверкало на этихъ очкахъ, богдыханъ даже зажмурился.

„Какъ горятъ у нихъ глаза! — подумалъ онъ. — Словно ждутъ прибавки жалованья“.

И богдыханъ, оглядѣвъ толпу и увидавъ, что все въ порядкѣ, сказалъ:

— Въ никогда не прекращающихся заботахъ о благѣ нашихъ дѣтей-китайцевъ, рѣшили мы выяснить вопросъ: зачѣмъ это на свѣтѣ существуютъ науки? Давно уже онѣ существуютъ, и вотъ хотимъ мы узнать, для чего? А потому отвѣчайте намъ прямо и откровенно, безъ утайки и безо всякой хитрости: зачѣмъ науки и какой отъ нихъ толкъ? Начнемъ хоть съ тебя! — указалъ онъ на

знаменитѣйшаго астронома, — самъ сынъ неба, съ неба я желаю и начать. Такъ будетъ мнѣ приличнѣе. Твоя наука самая высокая, ты первый и говори!

Знаменитый астрономъ вышелъ впередъ, отдалъ сколько полагалось по этикету поклоновъ и ласково сказалъ:

— Когда невѣждѣ приходится вечеромъ выйти зачѣмъ-нибудь изъ дома, онъ, какъ свинья, смотритъ только себѣ подъ ноги, а если и случится ему взглянуть на небо, — онъ увидитъ только, что небо, словно оспой, покрыто звѣздами. Другое дѣло, ученый астрономъ! Для него рисунки изъ звѣздъ—это слова, и онъ читаетъ небо, какъ книгу: надо ли ждать наводненій, велики ли будутъ приливы и отливы водъ, какъ будетъ свѣтить солнце, сильно или не очень. Вообще, мы узнаемъ будущее.

— Будущее! Это любопытно! — сказалъ богдыханъ, — а отвѣть мнѣ: что дѣлается теперь, въ эту самую минуту, въ Нанкинѣ?

— Откуда же я могу знать это, свѣтило вселенной! — униженно кланяясь, отвѣтилъ астрономъ.

— Недурно! — воскликнулъ богдыханъ, — будущее-то вы знаете, а вотъ настоящаго-то — нѣтъ! Лучше бы вы настоящее знали, чѣмъ будущее! Полезнѣе бы! А то будущее! Будущее! Самая, по-моему, твоя безполезная и глупая наука! Слѣдующій!

За астрономомъ стоялъ знаменитый историкъ.

Такой, говорятъ, историкъ, что зналъ по именамъ всѣхъ китайцевъ, которые когда-либо жили на свѣтѣ!

Онъ распростерся передъ богдыханомъ и сказалъ:

— Образецъ добродѣтелей, великій правитель, равнаго которому даже я не знаю во всей исторіи Китая! Моя наука не возбудитъ, конечно, твоего мудраго гнѣва, какъ наука моего предшественника. Мы занимаемся прошлымъ. Изучаемъ его, отмѣчаемъ всѣ промахи, ошибки, даже глупости.

— Наука, очень удобная для дураковъ! — воскликнулъ богдыханъ, — всякій дуракъ можетъ сколько угодно безнаказанно дѣлать глупости. Стоитъ ему сослаться на вашу науку: вѣдь глупости и ошибки, — скажетъ онъ, — дѣлались всегда. Дурацкая наука! Убирайся!.. Ты чѣмъ занимаешься, и какой толкъ отъ твоей науки?

Дрожащій ученый, къ которому былъ обращенъ этотъ вопросъ, поборолъ кое-какъ свое волненіе и сказалъ:

— Мы изучаемъ вопросы государственнаго устройства. Какъ должно управляться государство, какіе должны быть законы, какія права должны имѣть мандарины, какія простой народъ.

— Должны! Должны! — крикнулъ богдыханъ, — какъ-будто на свѣтѣ все дѣлается, какъ должно. На свѣтѣ никогда не дѣлается все, какъ должно. Поневолѣ, благодаря вашей наукѣ, всякій будетъ сравнивать то, что есть, съ тѣмъ, какъ должно быть, — и всегда останется недоволенъ. Самая вредная наука! Прочь съ глазъ моихъ! Вонъ!.. Ты что намъ разскажешь?

На этотъ разъ вопросъ былъ обращенъ къ доктору.

— Нашу науку, — отвѣчалъ онъ съ поклонами, — всѣ признаютъ полезной. Мы изучаемъ свойства травъ, и что изъ какой можно сдѣлать, — изъ какой вытяжку, изъ какой порошокъ, изъ какой бальзамъ. Мы собираемъ корни женъ-шеня и учимъ, что изъ нихъ надо отбирать — которые больше всего похожи на человѣческую фигуру. Мы сушимъ молодые, еще мягкіе рога оленя, толчемъ ихъ и дѣлаемъ изъ нихъ наваръ, густой, какъ клей, и цѣлебный, какъ воздухъ весны: онъ какъ рукой снимаетъ всѣ недуги. Конечно, когда человѣкъ здоровъ, ему не нужна наша наука, но если онъ не убережется и заболѣетъ, — мы ему помогаемъ.

— Не убережется! Пускай бережется! — мягче чѣмъ передъ этимъ, но все же съ гнѣвомъ, сказалъ богдыханъ, — только поощряете людей къ легкомыслію. Рѣшительно не понимаю, какой толкъ отъ всѣхъ вашихъ наукъ!

И, обратившись къ знаменитѣйшему и величайшему поэту Му-Си, который жилъ какъ разъ въ это самое время, богдыханъ приказалъ:

— Ты отвѣчай о пользѣ науки!

Му-Си вышелъ, поклонился, улыбнулся и сказалъ:

— Былъ у одного изъ твоихъ предковъ, сынъ неба, такой чудный садъ, въ которомъ росли такіе чудные, душистые цвѣты, что не только пчелы слетались со всей округи, но даже люди за милю и болѣе останавливались, нюхали воздухъ

и говорили: „вѣроятно, сегодня дверь рая оставлена открытой“. И забралась однажды въ этотъ садъ корова. Увидавъ, что изъ земли много койчего растетъ диковиннаго, она начала ѣсть цвѣты. Пожевала розу, но бросила, потому что наколола языкъ. Пожевала лилій, пощипала резеды, левкоевъ, взяла въ ротъ жасмину и выплюнула. „Совсѣмъ никакого вкуса! — сказала корова, — рѣшительно не понимаю, зачѣмъ это люди разводятъ цвѣты!“ По-моему, сынъ неба, коровѣ лучше бы и не задавать себѣ этого вопроса.

Богдыханъ разсердился и сказалъ:

— А отрубите-ка ему голову!

Палачи сейчасъ же здѣсь же отрубили Му-Си голову.

И, глядя на обезглавленное тѣло Му-Си, богдыханъ задумался.

Довольно долго думалъ, наконецъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Одинъ былъ умный человѣкъ во всемъ Китаѣ, да и тотъ теперь померъ!

ИСТОРІЯ ОБЪ ОДНОЙ КОРМИЛИЦѢ.

Богдыханъ Дзингъ-Ли-О, прозванный Хао-Ту-Ли-Чи-Санъ-Хе-Нунъ, что значитъ Сама Справедливость, однажды, проснувшись, почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— Богдыханъ боленъ!

По дворцу пошли разговоры. Многіе перестали кланяться первому министру. Придворный поэтъ написалъ привѣтственную оду преемнику.

Лучшіе врачи, блѣдные отъ страха, съ поклонами, съ извиненіями изслѣдовали богдыхана, съ ужасомъ пошептались, — и старшій врачъ, повалившись въ ноги, воскликнулъ:

— Позволишь сказать всю правду, утѣшенье человѣчества?

— Говори!—разрѣшилъ богдыханъ.

— Конечно, ты — сынъ неба! — сказалъ старшій врачъ, — но по несказанному милосердію своему ты иногда снисходишь къ людямъ и тебѣ угодно бываетъ заболѣвать такими болѣзнями, какими могутъ страдать и обыкновенные смертные. Сегодня день твоей величайшей снисходительности: у тебя просто разстроенъ желудокъ.

Богдыханъ страшно изумился:

— Отчего? На ночь я не пилъ ничего, кромѣ молока моей кормилицы. 360 мѣсяцевъ, какъ я богдыханомъ, и питаюсь, какъ мнѣ подобаетъ, молокомъ кормилицъ. У меня перемѣнилось 360 кормилицъ, и никогда со мной не случалось ничего подобнаго. Кто и чѣмъ обкормилъ мою кормилицу?

Немедленно произвели строжайшее слѣдствіе,— но оказалось, что кормилица ѣла только самыя лучшія блюда, и притомъ ей давали ихъ въ умѣренномъ количествѣ.

— Можетъ-быть, она больная отъ природы. Чего смотрѣли тѣ, кто мнѣ ее выбиралъ?—разгнѣвался богдыханъ, — казнить виновныхъ.

Виновныхъ казнили, но по самомъ тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что они не при чемъ: кормилица была совершенно здорова.

Тогда богдыханъ приказалъ позвать къ себѣ кормилицу.

— Отчего у тебя испортилось молоко? — строго спросилъ онъ.

— Сынъ неба, благодѣтель вселенной, Сама Справедливость,—отвѣчала трепещущая кормилица, — ты ищешь правды не тамъ, гдѣ она спряталась. Меня никто не обкармливалъ и я сама не объѣдалась. Точно также я отъ роду не была ничѣмъ больна. Мое молоко сдѣлалось дурнымъ потому, что я все думаю, что дѣлается у меня дома.

— Что же такое дѣлается у тебя дома? — спросилъ богдыханъ.

— Я родомъ изъ провинціи Пе-Чи-Ли, управлять которой тебѣ угодно было поручить мандарину Ки-Ни. Онъ дѣлаетъ страшныя вещи, радость вселенной. Онъ продалъ нашъ домъ и деньги взялъ себѣ, потому что мы не могли дать ему взятки, которой онъ требовалъ. Онъ взялъ къ себѣ въ наложницы мою сестру, а ея мужу отрубилъ голову, чтобы тотъ не жаловался. Кромѣ того, онъ казнилъ моего отца и посадилъ въ тюрьму мою мать. Вообще — поступилъ съ нами такъ, какъ онъ поступаетъ со всѣми. При воспоминаніи обо всемъ этомъ, я плачу, — и вотъ отчего у меня портится молоко.

Богдыханъ страшно разгнѣвался.

— Созвать ко мнѣ всѣхъ моихъ совѣтниковъ!

И когда тѣ явились, строго-настрого приказалъ:

— Найти мнѣ сейчасъ честнаго человѣка.

Такого нашли.

И богдыханъ сказалъ ему:

— Мандаринъ Ки-Ни, которому я поручилъ управлять провинціей Пе-Чи-Ли, творитъ такія дѣла, что у моей кормилицы испортилось даже молоко. Сейчасъ же отправляйся туда, произведи моимъ именемъ самое строгое слѣдствіе и донеси мнѣ. Только смотри, все безъ утайки, безъ прибавки, — чтобы правда смотрѣлась въ твои слова, какъ смотрится мѣсяцъ въ спокойное заснувшее озеро. Знаешь, въ тихую ночь, — когда смотришь и не разберешь: да гдѣ же настоящій мѣсяцъ и гдѣ отраженье—въ озерѣ или на небѣ? Ступай.

Честный человѣкъ немедля отправился съ цѣлой сотней самыхъ искусныхъ слѣдователей.

Насмерть перепуганный мандаринъ, видя, что дѣло плохо, предложилъ посланному взять хорошую взятку.

Но честный человѣкъ, будучи посланъ самимъ богдыханомъ, не рѣшился этого сдѣлать.

Три раза мѣнялся мѣсяцъ на небѣ, а честный человѣкъ съ сотней слѣдователей все еще разбиралъ дѣла.

Наконецъ, когда четвертый мѣсяцъ былъ уже на исходѣ, честный человѣкъ явился къ богдыхану, повалился въ ноги и спросилъ:

— Всю ли правду говорить, Сама Справедливость?

— Всю!—приказалъ богдыханъ.

— Если есть во всемъ мірѣ, который принадлежитъ тебѣ и никому больше, уголокъ, достойный слезъ, — то это провинція Пе-Чи-Ли, сынъ неба. Поистинѣ, она способна вызвать слезы у самаго злобнаго дракона. По всей провинціи всѣ просятъ милостыню, и некому подать милостыни, потому что всѣ ее просятъ. Дома разорены, рисовыя поля не засѣяны. И все это не потому, что жители отличаются лѣностью, а потому, что мандаринъ Ки-Ни беретъ у нихъ все, что бы они ни заработали. Въ судахъ нѣтъ справедливости, и правъ только тотъ, кто больше дастъ мандарину. О добрыхъ нравахъ тамъ забыли даже думать. Стоитъ увидѣть Ки-Ни дѣвушку, которая ему приглянется, и онъ беретъ ее себѣ, отнимая у отца, у матери. Да и не только дѣвушекъ, онъ беретъ даже замужнихъ женщинъ.

— Да не можетъ быть! — воскликнулъ богдыханъ.

— Не только мѣсяцъ, но и солнце могло бы посмотрѣться въ истину моихъ словъ! — отвѣчалъ честный человѣкъ, — все, что я говорю, правда. Украшеніе твоей власти, цвѣтъ твоихъ провинцій, провинція Пе-Чи-Ли гибнетъ!

Богдыханъ схватился за голову въ знакъ глубокой горести.

— Надо будетъ подумать, что сдѣлать! Надо будетъ подумать!

Онъ приказалъ всѣмъ придворнымъ ждать въ большомъ залѣ, а самъ, уединясь въ сосѣдней комнатѣ, ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ.

Такъ прошелъ весь день.

Передъ вечеромъ богдыханъ вошелъ къ придворнымъ, торжественно сѣлъ подъ балдахиномъ и, когда всѣ упали лицомъ къ землѣ, объявилъ:

— Провинція Пе-Чи-Ли находится въ ужасномъ положеніи, а потому постановляемъ: никогда не брать оттуда кормилицъ для богдыхана.

Съ тѣхъ поръ никогда не берутъ для богдыхана кормилицъ изъ провинціи Пе-Чи-Ли.

ИСПОЛНЕНІЕ ЖЕЛАНІЙ.

Когда премудрый, славный, великій богдыханъ Юнъ-Хо-Занъ наслѣдовалъ власть отъ отца своего, повелителя вселенной Хуаръ-Му-Сяна, и вступилъ на престолъ своихъ предковъ, — по обычаю нашей страны, къ нему приблизился съ 100 поклонами верховный церемоніймейстеръ и поставилъ около трона корзину изъ простого тростника.

— Что это значитъ? — милостиво спросилъ молодой сынъ неба.

— Повелитель вселенной, — отвѣчалъ церемоніймейстеръ, — есть въ нашей премудрой странѣ обычай ставить эту простую корзину у великолѣпнаго трона императора. Въ теченіе жизни богдыханъ пишетъ на бумажкахъ свои тайныя желанія и опускаетъ въ корзину. И при жизни богдыхана никто не смѣетъ коснуться этой корзины. Когда же небо снова похищаетъ его у земли, другими словами, когда онъ соединяется со своими предками, иначе говоря, когда онъ умираетъ, — эти бумажки развертываются, желанія почившаго богдыхана всенародно читаются и свято приводятся въ исполненіе.

— Отличное обыкновеніе! — сказалъ Юнъ-Хо-Занъ, — я хотѣлъ бы узнать, какія желанія были высказаны моими святыми предками!

— На это нелицепріятно отвѣтитъ тебѣ придворный историкъ, милость солнца!

И впередъ съ поклонами выступилъ придворный историкъ, готовый отвѣчать.

— Много ли желаній было найдено послѣ моего прадѣда, великаго Тунъ-Ли-Чи-Сана, и каковы они были? — спросилъ богдыханъ.

— Свѣтъ солнца! Улыбка небесъ! Когда небо ограбило землю, и твоего великаго прадѣда не стало больше съ нами, въ его корзинѣ было найдено столько записокъ, сколько дней было въ его справедливомъ и славномъ царствованіи. И на всѣхъ записочкахъ было написано одно и то же. Каждый день, отходя ко сну, онъ писалъ одно и то же тайное желаніе.

— Въ чемъ оно заключалось?

— Твой прадѣдъ, великій Тунъ-Ли-Чи-Санъ, былъ премудрымъ, а главное,—справедливымъ правителемъ. Изо всѣхъ добродѣтелей онъ больше всего стремился къ этой. Справедливость, какъ цвѣтокъ, цвѣла въ его сердцѣ. И его единственнымъ желаніемъ было: „Пусть судьи судятъ справедливо, мудро, честно и нелицепріяно“. Когда, по священному обычаю, это желаніе было прочитано всенародно, всѣ пали ницъ и возславили божественную премудрость почившаго богдыхана.

— Было ли исполнено это желаніе, какъ то подобаетъ? — спросилъ богдыханъ.

— Повелитель, мудрость, радость вселенной! — падая на землю, отвѣтилъ придворный историкъ,— не люди, а обстоятельства управляютъ землей. Планеты имѣютъ вліяніе на ходъ земныхъ дѣлъ. Среди драконовъ, управляющихъ міромъ, есть не только добрые, но и злые. Между намѣреніемъ и дѣломъ, — сказалъ „Конфуцій, — столько же разстоянія, сколько между добромъ и зломъ". Человѣкъ часто походитъ на безумца и на слѣпого: идетъ налѣво, когда хочетъ итти направо, и шагаетъ по рытвинамъ, когда рядомъ прямая дорога. Словомъ, желаніе твоего премудраго прадѣда пока еще не приведено въ исполненіе.

— Ну, а каковы были желанія моего дѣда? — захотѣлъ знать Юнъ-Хо-Занъ.

— Правленіе твоего дѣда, великаго А-Пуо-Чинъ-Яна, было продолжительно и счастливо, — отвѣчалъ придворный историкъ, — онъ получилъ въ исторіи имя Безкорыстнаго. Когда бывалъ виновенъ кто либо изъ вице-королей, и надо было наложить на него штрафъ въ пользу казны богдыхана, — Безкорыстный предпочиталъ отрубить виновному голову. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которыхъ можно лѣчить металлами, какъ это издавна практикуется въ нашей медицинѣ. Блескъ золота не излѣчивалъ его отъ гнѣва, и когда прочли его записки, оказалось, что лишь одна печаль омрачала его сердце. Онъ имѣлъ мудрый обычай писать свои записочки каждую новую луну. Когда новая луна всходила на небѣ, твой дѣдъ бесѣдовалъ со своей душой, записывалъ ея тайное желаніе и опускалъ въ корзину. Послѣ него было

найдено столько же записочекъ, сколько лунъ было въ его царствованіе. Его душа была мудрая душа, и ея желаніе было всегда одно и то же желаніе. На всѣхъ записочкахъ было написано одно и то же: „Пусть мандарины не берутъ взятокъ!“

— Исполнилось ли это желаніе? — спросилъ Юнъ-Хо-Занъ.

— Повелитель вселенной, — воскликнулъ въ отвѣтъ придворный историкъ, — правленіе его сына, твоего премудраго отца, было огорчено только однимъ: тѣмъ, что мандарины брали слишкомъ много взятокъ!

— Хорошо, — помолчавъ, сказалъ Юнъ - Хо - Занъ, — а много ли записочекъ нашли послѣ моего отца, премудраго Хуаръ-Му-Сяна, да будетъ имя его славно въ вѣка вѣковъ?

— Въ корзинѣ твоего отца, — отвѣчалъ придворный историкъ, — была найдена всего одна записочка. Въ ней вылилась мудрость всей его жизни. Онъ написалъ: „Какъ бы я хотѣлъ не быть богдыханомъ!“ И онъ былъ единственнымъ богдыханомъ, желаніе котораго исполнилось. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ, онъ пересталъ быть богдыханомъ.

— Хорошо! — сказалъ Юнъ-Хо-Занъ и обратился къ верховному церемоніймейстеру:

— Можете опрокинуть корзину вверхъ дномъ, а также уберите бумагу, тушь и кисточки. Я не думаю, чтобъ мнѣ все это понадобилось.

И всѣ дивились премудрости молодого богдыхана.

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА БОГДЫХАНА.

Богдыханъ Санъ-Янъ-Ки, — да будетъ онъ примѣромъ для всѣхъ! — всю благословенную жизнь свою питалъ особое пристрастіе къ познаніямъ и путешествіямъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ благополучно царствовалъ 242 луны *), и ему не удалось никогда видѣть даже Пекина.

Конечно, причиною этого былъ вовсе не недостатокъ желанія.

Каждый день богдыханъ объявлялъ своему первому и полномочному министру Джаръ-Фу-Цяну:

— Сегодня я отправлюсь на прогулку и посмотрю Пекинъ!

Первый министръ кланялся въ ноги и спѣшилъ отдать необходимыя приказанія.

Являлась стража, музыка, приносили паланкины, знамена, мандарины садились на коней.

Первый министръ докладывалъ:

— Все готово для исполненія твоей воли, сынъ неба!

---

*) 20 лѣтъ и 2 мѣсяца.

И богдыханъ шелъ садиться въ паланкинъ.

Но въ эту минуту всегда что-нибудь да случалось.

То выходилъ изъ толпы придворныхъ верховный астрономъ, повергался на землю и говорилъ:

— Властитель вселенной, еще минута, и надъ Пекиномъ разразится страшная гроза съ ливнемъ и градомъ, величиной въ ласточкино яйцо, которыя ты кушаешь. Страшный вихрь будетъ слѣпить глаза, и ничего нельзя будетъ разсмотрѣть. Бѣда была бы тому паланкину, который очутится въ эту минуту на улицѣ. Его бы подхватило на воздухъ, завертѣло, подняло до облаковъ и потомъ такъ шарахнуло бы объ землю, что, конечно, сидящій въ немъ не остался бы жить ни одного мгновенья. Такой страшный ураганъ разразится сегодня надо всѣмъ Пекиномъ, исключая твоего дворца и сада. Само небо не смѣетъ ихъ тронуть. Такъ написано среди звѣздъ и переписано въ наши книги, радость вселенной.

То выходилъ впередъ придворный историкъ, кланялся въ ноги и говорилъ:

— Повелитель земли! Позволь тебѣ напомнить, что сегодня какъ разъ день смерти твоего великаго предка Хуаръ-Тзингъ-Тзуна, жившаго за 12.000 лунъ до насъ, и обычай народный повелѣваетъ тебѣ въ этотъ день безвыходно сидѣть во дворцѣ и предаваться, хотя бы наружно, печали!

То подбѣгалъ главный евнухъ, ударялся изо всѣхъ силъ объ землю и говорилъ:

— Повелитель рѣкъ, морей и горъ! Только что привезли новую невольницу! Такой красоты я еще никогда не видалъ. Цвѣтокъ, только что сорванный цвѣтокъ. Мгновеніе ока жаль потерять, не видя ея. Пойди и только взгляни.

И прогулка отмѣнялась.

Когда же, однако, исполнилось 242 луны счастливаго царствованія и настала 243, — богдыханъ Санъ-Янъ-Ки сказалъ:

— Ну, нѣтъ! Довольно! я знаю чьи это штуки! Это все мудритъ Джаръ-Фу-Цянъ. Но теперь пусть себѣ хоть лопнетъ, а я увижу Пекинъ!

Онъ подкупилъ преданныхъ ему слугъ и сказалъ:

— Бейте въ большой гонгъ, звономъ котораго извѣщаютъ о смерти богдыхана. Вопите какъ можно громче. Кричите: богдыханъ умеръ! Рвите на себѣ одежды, царапайте себѣ лица, — вамъ будетъ заплачено за все.

И онъ легъ на высокое ложе, которое приготовили, по его приказанію, преданные слуги.

Такъ и было сдѣлано, какъ онъ велѣлъ.

Слуги ударили въ большой гонгъ и объявили сбѣжавшимся блѣднымъ какъ смерть придворнымъ:

— Свѣтъ солнца померкъ. Радость вселенной превратилась въ печаль: нашъ премудрый богдыханъ сидѣлъ за обѣдомъ, ѣлъ, ѣлъ и умеръ!

Дворецъ наполнился плачемъ и интригами.

Первый и полномочный министръ Джаръ-Фу-Цянъ ползалъ по землѣ около преемника и говорилъ:

— Я посвящу тебя, сынъ неба, во всѣ тонкости управленія страной. Довѣрься мнѣ.

По обычаю, первымъ долгомъ, торжественно опорожнили „корзину желаній“, стоявшую около императорскаго трона.

Въ ней, впрочемъ, была только одна бумажка, и на ней было написано только одно желаніе почившаго богдыхана:

„Желаю, чтобъ меня похоронили на томъ же ложѣ, на которомъ я буду лежать во дворцѣ, — и пусть никто не осмѣливается не только до меня дотрогиваться, но и близко ко мнѣ подходить“.

Желаніе почившаго богдыхана священно и было исполнено.

Его несли на императорское кладбище на томъ же ложѣ, высоко поднятомъ надъ толпой, на которомъ онъ лежалъ во дворцѣ.

Шествіе было пышное и блестящее. Всѣ были въ бѣломъ.

Улицы Пекина были полны народомъ, который сбѣжался посмотрѣть на богдыхана, хоть на мертваго.

Жрецы пѣли, придворные рыдали, народъ дѣлалъ свои замѣчанія, а богдыханъ лежалъ на своемъ возвышенномъ ложѣ и, пріоткрывъ одинъ глазъ, смотрѣлъ на Пекинъ.

„Ну, и свиньи же китайцы! — думалъ онъ, лежа и глядя, — какъ они могутъ жить подъ такими дырявыми крышами? Хоть бы были еще при этомъ тепло одѣты на случай дождя, а то ходятъ рваные и драные. Послушать, однако, что такое они вопятъ?“

И, насмотрѣвшись, онъ принялся слушать.

А пекинцы вопили:

— Ага! Дворцовая лисица, Джаръ-Фу-Цянъ, конецъ пришелъ твоимъ грабежамъ и разбоямъ! Какъ новый богдыханъ прикажетъ отрубить тебѣ голову, иди на тотъ свѣтъ безъ головы! А мы-то ужъ на нее поплюемъ, какъ выставятъ ее на всеобщее посрамленіе! Не будешь больше насъ раздѣвать догола!

— Эге! Вотъ они почему такіе! — сказалъ себѣ богдыханъ, — погоди же!

Шествіе, между тѣмъ, приблизилось къ императорскому кладбищу. Народъ удалили, и около могилы стали одни придворные.

— Ха, ха, ха! — расхохотался богдыханъ, поднимаясь на ложѣ, — ловкую штуку я съ вами сшутилъ? А? Ну, Джаръ-Фу-Цянъ, не случилось никакого урагана во время моей прогулки по Пекину?

Всѣ стояли блѣдные, а Джаръ-Фу-Цянъ блѣднѣе всѣхъ. Всѣ дрожали, а Джаръ-Фу-Цянъ сильнѣе всѣхъ.

— Что жъ ты хочешь теперь дѣлать? — спросилъ онъ.

— Первымъ долгомъ, — отвѣчалъ богдыханъ, — вернуться во дворецъ и сѣсть снова на тронѣ, а дальше ужъ видно будетъ!

Джаръ-Фу-Цянъ безпомощно оглянулся на придворныхъ.

— Это невозможно! — воскликнулъ, выступая впередъ, придворный историкъ, — мы должны жить согласно обычаямъ предковъ. А такого при-

мѣра въ исторіи не было, чтобы богдыханъ умеръ и опять ожилъ. Это неслыханно. Это грозитъ страшными бѣдствіями и огромными волненіями среди народа! Это грозитъ гибелью Китаю, прямо надо сказать!

— Это невозможно! — воскликнулъ и верховный церемоніймейстеръ, — все дѣло въ этикетѣ. А это нарушеніе всякаго этикета. Все сдѣлано. Похороны состоялись. И главное, — корзина желаній открыта, а она, по этикету, открывается только послѣ смерти богдыхана. Значитъ, ты померъ, разъ корзина открыта. Да и этикета такого нѣтъ,— для возвращенія богдыхана съ кладбища на тронъ. Кто же въ странѣ будетъ исполнять наши священные законы, если мы сами первые не соблюдаемъ этикета! Это прямо грозитъ гибелью Китаю!

— Конечно, гибелью и ничѣмъ больше! — воскликнулъ и великій жрецъ, — это противорѣчитъ всѣмъ святымъ установленіямъ нашей небесной религіи. Сказано: разъ богдыханъ умеръ, — онъ становится богомъ. А богъ не можетъ быть богдыханомъ. Богдыханъ долженъ быть смертнымъ, онъ долженъ править страной, боясь небеснаго гнѣва. А богъ — чего онъ будетъ бояться? Гдѣ же увѣренность въ его правотѣ? Это грозитъ всеобщимъ недовольствомъ, смутами. Нарушеніе постановленій религіи. Гибель, гибель Китаю!

Богдыханъ посмотрѣлъ грустно - грустно кругомъ.

— Ну, что же! — сказалъ онъ, — разъ, дѣйствительно, это грозитъ такими бѣдствіями странѣ, —

дѣлать нечего! Закапывайте. Я не хочу гибели Китая.

— Не слѣдовало дѣлать этой прогулки, радость вселенной! Я всегда говорилъ, что она принесетъ тебѣ несчастье! – сказалъ Джаръ-Фу-Цянъ, кидая первый лопату земли.

За такую прозорливость преемникъ Санъ-Янъ-Ки оставилъ Джаръ-Фу-Цяна первымъ министромъ и далъ ему еще больше полномочій.

А Джаръ-Фу-Цянъ первое, что сдѣлалъ,— отрубилъ головы придворному историку, первому церемоніймейстеру и верховному жрецу:

— Ужъ очень они хитры!

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЮНЪ-ХО-ЗАНА.

Богдыханъ Юнъ-Хо-Занъ, о которомъ шла уже рѣчь, былъ добрымъ и справедливымъ богдыханомъ. По крайней мѣрѣ, стремился быть такимъ. Стремился всѣми силами своей доброй, молодой души.

Онъ былъ заботливъ о народѣ.

Когда устраивались придворныя празднества, фейерверки, большія шествія съ фонариками, музыка и танцы, или когда въ гаремъ богдыхана привозили новыхъ невольницъ, — Юнъ-Хо-Занъ отказывался отъ всѣхъ этихъ удовольствій:

— Развѣ затѣмъ небо послало меня на землю, чтобы предаваться праздности и забавамъ?

Это воздержаніе богдыхана ужасно безпокоило придворныхъ мандариновъ.

— Не повредилъ бы онъ этимъ себѣ... да и намъ! — говорили они, качая головами въ знакъ тяжкаго раздумья.

Юнъ-Хо-Занъ проводилъ все время въ чтеніи тѣхъ писемъ и донесеній, которыя писали ему мандарины, управлявшіе Китаемъ.

А мандарины писали всегда одно и то же.

Такъ что, распечатывая письмо, Юнъ-Хо-Занъ заранѣе уже зналъ, что въ немъ написано.

„Солнце освѣщаетъ счастливѣйшую изъ странъ!“ начиналось каждое письмо.

Такъ что Юнъ-Хо-Занъ даже возроптать:

— Мнѣ ужъ надоѣло это „освѣщающее солнце“. Нельзя ли писать какъ-нибудь поразнообразнѣе?

И мандаринамъ было запрещено во всей странѣ, подъ страхомъ наказанія бамбуками по пяткамъ, употреблять выраженіе:

„Солнце освѣщаетъ“.

Всѣ стали говорить:

— Солнце свѣтитъ на счастливѣйшую изъ странъ.

Но и это надоѣло Юнъ-Хо-Зану. Отъ долгаго чтенія мандаринскихъ писемъ онъ и во снѣ только видѣлъ, что эти слова.

Ему снилось, что онъ бродитъ по своему дворцу, — и на всѣхъ стѣнахъ, потолкахъ, полахъ было написано, выткано, выжжено:

„Солнце свѣтитъ на счастливѣйшую изъ странъ“.

Это ему наскучило, и онъ выбѣжалъ изъ дворца. Онъ бѣжалъ долго, и когда оглянулся, то увидалъ, что на поляхъ растутъ не травы и цвѣты, а письменные знаки, — и изъ этихъ знаковъ составляются слова:

— Солнце свѣтитъ на счастливѣйшую изъ странъ.

И рѣка, которая протекала по долинѣ и сверкала золотой чешуей, дѣлала безчисленные изгибы и этими изгибами выписывала на землѣ:

— Солнце свѣтитъ на счастливѣйшую изъ странъ.

— Солнце свѣтитъ! Солнце свѣтитъ! — свистали въ кустахъ малиновки.

А дятлы въ лѣсу долбили деревья и доканчивали фразу:

— На счастливѣйшую изъ странъ!

— Солнце свѣтитъ! — прокуковала вдали кукушка.

— На счастливѣйшую изъ странъ! — отвѣтило ей эхо.

Вѣтерокъ пробѣжалъ, и листья зашептали смѣясь:

— Солнце свѣтитъ на счастливѣйшую, на счастливѣйшую, на счастливѣйшую изъ странъ.

Въ ужасѣ богдыханъ упалъ на колѣни и обратилъ взоры къ небу.

Но и на небѣ было написано то же:

— Солнце свѣтитъ и т. д.

А солнца-то на небѣ и не было.

Обезпокоенный страшнымъ сномъ, Юнъ-Хо-Занъ призвалъ къ себѣ сверстниковъ, преданныхъ друзей дѣтства, которые, въ числѣ 12, по китайскому обычаю, воспитываются вмѣстѣ съ будущимъ богдыханомъ и получаютъ за него всѣ наказанія.

— Правда ли это? Вотъ будто бы солнце свѣтитъ и т. д. Я богдыханъ, этикетъ запрещаетъ мнѣ выходить изъ дворца, а вы люди вольные, гуляете, гдѣ хотите, все видите, можете все знать. Именемъ неба и нашей дружбой заклинаю васъ, скажите мнѣ всю правду.

Друзья переглянулись:

— Правду?

— Знаешь ли ты, сынъ неба, что такое бамбукъ? — спросилъ самый любимый изъ нихъ.

— Какъ не знать! — воскликнулъ Юнъ-Хо-Занъ, — я часто вижу бамбукъ въ моемъ саду и люблю отдыхать подъ его тѣнью. Высокій, развѣсистый, тѣнистый кустарникъ!

— Вотъ, вотъ! Тѣнистый. Съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ сталъ расти бамбукъ, правдѣ очень трудно свѣтить на землю. Потому что у всякаго человѣка есть пятки. Отдыхай себѣ мирно въ тѣни бамбука, сынъ неба, и не задавай простымъ людямъ такихъ вопросовъ.

— Мы скажемъ тебѣ одно. Мандарины говорятъ тебѣ другое. Почемъ ты будешь знать, кто говоритъ правду? — добавилъ второй другъ дѣтства. — Чтобъ узнать, на чьей сторонѣ правда, надо видѣть все своими глазами!

— Отлично! — сказалъ Юнъ-Хо-Занъ и приказалъ созвать всѣхъ своихъ придворныхъ мандариновъ.

— Вы знаете, — обратился онъ къ мандаринамъ, — какъ я занимаюсь дѣлами правленія.

Мандарины поклонились.

— Вчера въ первый разъ въ жизни я зашелъ случайно въ мой гаремъ, и жалость наполнила мою душу. Жалость и раскаяніе. Мой гаремъ похожъ на прекрасный цвѣтникъ, котораго никогда не орошаетъ благодѣтельная роса. Вянутъ и гибнутъ прекрасные цвѣты. Долженъ ли я такъ поступать? Не одинъ ли разъ мы живемъ на свѣтѣ? Развѣ вернется молодость? А потому и рѣшилъ я вознаградить себя за потерянное время и съ

сегодняшняго дня отдаться удовольствіямъ и забавамъ. Съ сегодняшняго дня отмѣняю я всѣ донесенія и всѣ представленія. Я удаляюсь въ свой гаремъ и запрещаю меня тревожить государственными дѣлами. Три года я пробуду тамъ среди веселья и удовольствій. На три года прощайте!

— Твое рѣшеніе премудро и благодѣтельно!— воскликнулъ придворный философъ, — какой прекрасный примѣръ подаешь ты всѣмъ китайцамъ: жить въ весельѣ. Отнынѣ веселье наполнитъ нашу страну!

А придворный историкъ добавилъ:

— Твой пра-пра-пра-прадѣдъ Цянъ-Лянъ-Дзыръ тоже началъ съ того, что занимался дѣлами государства, а кончилъ тѣмъ, что ушелъ въ свой гаремъ. Поступая такъ, ты слѣдуешь примѣру предковъ.

И во всей странѣ наступилъ настоящій праздникъ. Придворные мандарины отписали своимъ родственникамъ, мандаринамъ въ провинціи:

„Богдыханъ принялъ премудрое рѣшеніе: запереться въ гаремъ, и не будетъ заниматься дѣлами. Больше не надо писать даже донесеній, а жалованья остаются все тѣ же“.

И всѣ мандарины устроили по всей странѣ кто фейерверки, кто танцы.

А Юнъ-Хо-Занъ, между тѣмъ, удалившись во внутренніе покои, сказалъ друзьямъ дѣтства:

— Я требую новой услуги отъ вашей дружбы. Теперь превратите меня изъ богдыхана въ простого китайца. Вы знаете, какіе они бываютъ съ вида. Я же никогда не видалъ простого китайца.

Въ такомъ видѣ я обойду всю страну и своими глазами увижу все, правду, не заслоненную тѣнью бамбука. Благо никто изъ китайцевъ никогда меня не видалъ и не узнаетъ, — мнѣ будетъ нетрудно это сдѣлать.

Друзья дѣтства переглянулись въ смущеніи.

— Это трудно будетъ сдѣлать, сынъ неба,—сказалъ самый любимый изъ нихъ, — прежде всего у тебя, какъ у богдыхана, нѣтъ косы. А каждый простой китаецъ долженъ имѣть косу!

— Такъ привяжите мнѣ косу! — смѣясь отвѣтилъ богдыханъ.

— Косу-то привязать, конечно, не трудно! — отвѣчалъ второй другъ дѣтства, — но что же сдѣлать съ походкой? Ты ходишь прямо, какъ подобаетъ сыну неба. А у простого китайца походка не такая, потому что ихъ бьютъ бамбуками по пяткамъ. Простой китаецъ ходитъ особенно, съ переваличкой, боясь наступить на пятку.

— Вотъ такъ? — разсмѣялся Юнъ-Хо-Занъ и прошелся по комнатѣ на цыпочкахъ, словно у него пятки отбиты бамбуками, — такъ я и буду ходить!

— Да, но ты можешь забыться, пойдешь прямо, и тебя сразу узнаютъ по походкѣ, сынъ неба! — замѣтилъ третій другъ дѣтства.

— Въ такомъ случаѣ, отколотите меня бамбуками по пяткамъ, — вотъ и все! — воскликнулъ Юнъ-Хо-Занъ.

Друзья пришли въ невѣроятное смущеніе и повалились на землю.

— Богдыхана?!

— „Никакая цѣна не высока для мудреца, желающаго пріобрѣсть истину“, говоритъ Конфуцій. Нечего валяться на полу. Вставайте-ка, да принимайтесь за дѣло! — весело воскликнулъ Юнъ-Хо-Занъ, — посмотримъ, что это за удовольствіе!

Послушные воли богдыхана, друзья дѣтства тутъ же отсчитали Юнъ-Хо-Зану 100 ударовъ по пяткамъ, быть - можетъ, даже съ нѣсколько излишнимъ усердіемъ. По крайней мѣрѣ, Юнъ-Хо-Занъ, вставъ послѣ этого на цыпочки, сказалъ:

— Однако! Какъ, должно-быть, вамъ было больно, когда васъ наказывали за меня!

Впрочемъ, онъ сейчасъ же поборолъ боль и приказалъ:

— Теперь подайте мнѣ простое, скромное, но приличное платье и положите мнѣ немного денегъ въ карманы.

И когда переодѣванье было окончено, Юнъ-Хо-Занъ весело сказалъ:

— Теперь богдыхана Юнъ-Хо-Зана на три года не существуетъ. Есть простой молодой китаецъ Юнъ-Хо, только-что окончившій курсъ Конфуціевыхъ наукъ и уже получившій бамбуками по пяткамъ. До радостнаго свиданія, друзья мои! На три года!

И весело, на цыпочкахъ, вышелъ изъ дворца.

Раннимъ утромъ, свѣжимъ и радостнымъ, входилъ Юнъ-Хо-Занъ въ одинъ изъ своихъ городовъ.

Городъ былъ маленькій, а при входѣ въ него, съ обѣихъ сторонъ заставы, стояли два огромныхъ-огромныхъ зданія за высокими-высокими заборами.

— Что это такое?—спросилъ Юнъ-Хо-Занъ, указывая на зданіе направо.

— Тюрьма!—отвѣчали ему.

— А это?

— Здѣсь сидятъ лишившіеся разсудка.

— Такой маленькій городокъ, и такіе большіе тюрьма и сумасшедшій домъ!—разсмѣялся Юнъ-Хо-Занъ, — этотъ городъ напоминаетъ горбуна, у котораго горбъ больше его самого!

— Таковы всѣ города въ нашей странѣ. Всѣ такъ построены!—отвѣчали прохожіе.

— Ну, съ сумасшедшими мнѣ дѣлать нечего!— сказалъ себѣ Юнъ-Хо-Занъ, — а тюрьму посмотримъ, — какіе-такіе пороки въ этомъ городѣ, что потребовалась такая тюрьма, въ которую можно посадить его весь?

Онъ отправился къ мандарину, смотрителю тюрьмы, и сказалъ:

— Прости, что утруждаю твою милость. Но Конфуцій приказалъ: „Встрѣтивъ богача, не проси у него денегъ,—но встрѣтивъ мудраго, непремѣнно попроси у него слова".

Мандарину понравились эти слова, и онъ сказалъ:

— Судя по всему, ты человѣкъ неглупый и ученый. Съ тобой бесѣдовать стоитъ. Спрашивай.

— Я чужестранецъ!—съ поклономъ сказалъ Юнъ-Хо-Занъ, — и мнѣ бы хотѣлось знать, какими пороками отличается этотъ маленькій городъ, если потребовалась такая огромная тюрьма? За что сидитъ, напримѣръ, вотъ этотъ?

Онъ указалъ на одного узника.

— Этотъ? Онъ убилъ своего отца! — отвѣчалъ мандаринъ.

— А! Такого человѣка слѣдуетъ держать въ тюрьмѣ!—сказалъ Юнъ-Хо-Занъ,—а этотъ?

— Этотъ по злобѣ поджегъ домъ своего сосѣда.

— Тоже подѣломъ. А этотъ?

— Этотъ рѣзалъ и грабилъ людей по большимъ дорогамъ.

— Отлично сдѣлали, что посадили. А этотъ?

— У этого нѣтъ косы.

— Косы?

— Косы! Онъ говоритъ, что у него кто-то отрѣзалъ ее у сонныго, въ насмѣшку или изъ злобы.

— Но онъ совершилъ что-нибудь преступное?

— Ничего, кромѣ того, что у него косы нѣтъ.

— Дурное?

— Ничего дурного за нимъ не знаемъ. Косы нѣтъ, — говорю тебѣ: кажется, ученый человѣкъ, а приходится одно и то же повторять десять разъ!

— Прости меня. Но, можетъ-быть, это человѣкъ добродѣтельный?

— Можетъ-быть. Почемъ знать! Но у него нѣтъ косы, его стража и забрала. Я держу его, брею ему голову, по утрамъ бью бамбуками по пяткамъ, — и буду такъ дѣлать, пока у него не выростетъ коса!

— Какъ же у него можетъ вырасти коса, когда ты бреешь ему голову?—въ величайшемъ изумленіи воскликнулъ Юнъ-Хо-Занъ.

— Я дѣйствую на основаніи законовъ! — строго и съ достоинствомъ отвѣчалъ мандаринъ,—статья

12.478.239 говоритъ: „Каждый китаецъ долженъ имѣть косу“, а статья 27.834.375 говоритъ: „Каждому сидящему въ тюрьмѣ надо брить голову“. Я и соблюдаю законы... Да ты ужъ не собираешься ли разсуждать о законахъ? Такъ вотъ что я тебѣ скажу, молодой ты еще человѣкъ! Судя по твоей походкѣ, ты, кажется, извѣдалъ уже, что такое бамбуки. Смотри, чтобъ не пришлось тебѣ отвѣдать этого еще разъ. Благодари еще боговъ, что у тебя есть коса! Ступай-ка отсюда, да когда пройдешь городъ, посмотри направо: тамъ растетъ отличная бамбуковая роща. Посмотри на нее попристальнѣе! Ничто такъ не полезно молодому человѣку, какъ созерцаніе бамбуковыхъ рощъ.

Юнъ-Хо-Занъ поспѣшилъ откланяться и ушелъ.

„Гм!—думалъ онъ,—если такъ поступаютъ: голову бреютъ и ждутъ, пока коса не выраститъ,—я понимаю, что при такихъ порядкахъ многіе сходятъ съ ума, и для чего потребовался такой большой сумасшедшій домъ!“

И онъ зашагалъ по городу, думая:

„Какъ бы довести до всеобщаго свѣдѣнія о несообразностяхъ, творящихся въ тюрьмѣ? Узнаютъ и, конечно, прекратятъ“.

Во время такихъ думъ взоръ его упалъ на вывѣску, на которой большими черными знаками было начертано:

„Лѣтопись современныхъ дѣлъ. Пишется лучшими лѣтописцами и разсылается каждый день всѣмъ желающимъ за недорогую плату“.

— Это достойно быть занесеннымъ въ лѣтопись, — сказалъ себѣ Юнъ-Хо-Занъ и зашелъ въ домъ, на которомъ красовалась такая вывѣска.

Его встрѣтилъ весь перепачканный въ туши главный лѣтописецъ, ласково привѣтствовалъ, усадилъ, угостилъ чаемъ и сказалъ:

— Да будетъ благословенъ день, въ который ты зашелъ въ нашу хижину, молодой человѣкъ! Я сразу полюбилъ тебя, какъ сына моего отца. Что угодно будетъ приказать тебѣ? Ты хочешь, вѣроятно, чтобъ мы присылали тебѣ каждый день наши лѣтописи? Благая мысль. Намъ кстати нужны деньги, и мы возьмемъ съ тебя недорого!

— Благодарю тебя за чай и за ласку! — отвѣчалъ, вставая предъ нимъ, Юнъ-Хо-Занъ, — но я чужестранецъ, въ городѣ не остаюсь и лѣтописи мнѣ получать некуда. Я пришелъ съ другой цѣлью. Я самъ человѣкъ ученый, знаю 66.000 знаковъ и могу написать тушью на бумагѣ все, что думаю. Я хочу написать въ вашу лѣтопись самъ интересную страницу, чтобъ, прочитавъ, всѣ знали, а узнавши, прекратили пагубное недоразумѣніе.

Испачканный тушью человѣкъ, послѣ такихъ словъ, сталъ менѣе ласковъ, но все же, соблюдая вѣжливость, сказалъ:

— Сядь снова и скажи!

Юнъ-Хо-Занъ разсказалъ ему, что видѣлъ въ тюрьмѣ.

Уже съ первыхъ словъ Юнъ-Хо-Зана испачканный тушью человѣкъ вскочилъ и плотно заперъ всѣ окна и двери, а когда Юнъ-Хо-Занъ кончилъ

свой разсказъ, онъ схватился за голову, въ знакъ отчаянія, и горестно воскликнулъ:

— Ты хочешь погубить себя и насъ, жестокій ты человѣкъ! Какъ? Написать такую вещь тушью на бумагѣ и вырѣзать съ этого доску и съ доски сдѣлать оттискъ и вклеить это въ нашу „Лѣтопись“ и разослать всѣмъ?! Тогда возьми лучше просто убей моихъ дѣтей! За что ты хочешь погубить голодной смертью несчастныхъ малютокъ?

— Какъ?—спросилъ Юнъ-Хо-Занъ,—ты думаешь, что всѣ послѣ этого отвернутся отъ твоей лѣтописи? Но вѣдь это правда, и это, я думаю, достойно быть занесено въ лѣтопись.

— Развѣ я тебѣ не вѣрю? Развѣ я съ тобой не согласенъ? — держась за голову, воскликнулъ человѣкъ, испачканный тушью,—но намъ позволено писать только о погодѣ!

— Какъ о погодѣ?

— Исключительно о хорошей погодѣ. Раньше мы писали также и о дурной, но потомъ мандарины запретили: „Если имъ запрещено осуждать то, что творится на землѣ, то какъ же они смѣютъ такъ свободно писать о небѣ?“ И съ тѣхъ поръ мы пишемъ каждый день о хорошей погодѣ. Описываемъ блестящій восходъ солнца даже въ пасмурные дни и воспѣваемъ вечерній вѣтерокъ, который тихо шелеститъ въ кустахъ...

— Даже тогда, когда свищетъ вихрь и ревѣтъ ураганъ? Какъ же вы ухитряетесь дѣлать это?

— Навыкъ, мой молодой другъ, навыкъ. У насъ есть лѣтописцы, умѣющіе на 1.000 манеръ описывать капельку росы и знающіе 88 прилагательныхъ

къ слову „кустъ“. Есть удивительные искусники и даже зарабатываютъ на этомъ хорошія деньги.

— И сколько лунъ вы пишете все про погоду?

— Я—600. Да мой отецъ писалъ 725 лунъ, да мой дѣдъ 832.

— И вамъ не надоѣстъ?

— Мы любимъ наше дѣло!—съ гордостью отвѣчалъ человѣкъ, испачканный тушью.

— Что же мнѣ, однако, дѣлать?—спросилъ Юнъ-Хо-Занъ,—и какъ довести о такой несправедливости до свѣдѣнія высшихъ? Этого такъ оставить нельзя!

— Попробуй, сходи къ верховному мандарину нашего города!

Юнъ-Хо-Занъ пошелъ съ такой быстротой, съ какой можетъ итти человѣкъ, боящійся ступить на пятку.

Въ домѣ главнаго мандарина стоялъ крикъ и плачъ, когда къ нему подошелъ Юнъ-Хо-Занъ. Кричалъ одинъ голосъ, а плакали многіе.

— Мандаринъ сейчасъ занятъ,— сказали Юнъ-Хо-Зану прислужники, — онъ ругаетъ китайцевъ. Подожди, пока кончитъ.

— За что жъ онъ ихъ ругаетъ?—спросилъ Юнъ-Хо-Занъ.

— А такъ. Чтобы чувствовали почтенье!— отвѣчали ему;—дѣлается это такъ. На восходѣ солнца къ дому мандарина сходятся просители. Младшіе мандарины, между тѣмъ, когда главный мандаринъ проснется, разсказываютъ ему содержаніе просьбъ и такъ раскаляютъ сердце мандарина, что, когда солнце доходитъ до полудня, онъ,

какъ тигръ, вылетаетъ къ просителямъ, кричитъ, ругается, топочетъ ногами и грозитъ извести на нихъ цѣлую рощу бамбуковъ. Просители отъ этого чувствуютъ почтеніе къ власти.

— Но они чувствовали бы еще больше почтенья, если бы мандаринъ безъ крика и шума спокойно и справедливо разбиралъ ихъ жалобы! — сказалъ Юнъ-Хо-Занъ.

— Эге!—воскликнули прислужники,—ужъ не во время ли прогулки въ бамбуковомъ лѣсу пришла тебѣ въ голову эта мысль?

Въ это время мандаринъ кончилъ кричать на прочихъ китайцевъ, и къ нему позвали Юнъ-Хо-Зана.

Терпѣливо выслушалъ Юнъ-Хо-Занъ весь крикъ, съ которымъ на него накинулся мандаринъ, поклонился и сказалъ:

— Когда мудрый говоритъ глупости, онѣ все же умнѣе, чѣмъ самое умное, что скажетъ дуракъ“,—говоритъ Конфуцій.

Мандаринъ улыбнулся:

— Это мнѣ нравится. Ты, видно, человѣкъ неглупый и кое-что знаешь. Говори, въ чемъ твое дѣло!

Юнъ-Хо-Занъ разсказалъ ему о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ тюрьмѣ.

— Гм... А у него дѣйствительно нѣтъ косы? — спросилъ мандаринъ, когда Юнъ-Хо-Занъ кончилъ свой разсказъ.

— Какъ же у него будетъ коса, когда ему каждую недѣлю бреютъ голову!— воскликнулъ Юнъ-Хо-Занъ.

— Въ такомъ случаѣ, это не мое дѣло! - сказалъ мандаринъ,—если бы у него была коса,—мое дѣло посмотрѣть: настоящая коса или фальшивая. А разъ косы нѣтъ, — это дѣло мандариновъ-судей. Къ нимъ и иди.

Юнъ-Хо-Занъ откланялся и поспѣшилъ въ домъ, гдѣ судили.

Домъ, гдѣ судили, былъ мрачный домъ. Такъ и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ изъ-за угла выскочитъ человѣкъ, схватитъ и начнетъ бить по пяткамъ.

Преодолѣвъ, однако, всѣ страхи, Юнъ-Хо-Занъ прошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣли мандарины-судьи.

Передъ ними на колѣняхъ стоялъ человѣкъ, обвинявшійся въ кражѣ палки у сосѣда. Съ одной стороны этого человѣка стоялъ мандаринъ, который его ругательски-ругалъ и всячески поносилъ. А съ другой — стоялъ мандаринъ, который всячески восхвалялъ этого человѣка. Они спорили, а мандарины-судьи—кто слушалъ, кто разсматривалъ узоры на потолкѣ.

— Палка! Палка!—кричалъ мандаринъ, ругавшій подсудимаго,—не въ палкѣ дѣло, почтенные мандарины, а въ томъ, зачѣмъ онъ ее взялъ. Это негодяй! Завзятый негодяй! Онъ на все способенъ! Онъ взялъ палку затѣмъ, чтобы убить своего отца и мать! Вотъ зачѣмъ! И я надѣюсь, справедливые мандарины, что вы накажете его не за кражу, а по всей справедливости за отцеубійство. То-есть, прикажете его разрѣзать на 1.000 кусочковъ!

— Кража! Кража!—кричалъ мандаринъ, восхвалявшій подсудимаго, — тутъ кражи нѣтъ, а есть доброе дѣло. У кого взялъ этотъ человѣкъ палку? У сосѣда. А кто сосѣдъ? Негодяй, извѣстный курильщикъ опія, безумный. Этотъ безумный негодяй, накурившись опія, исколотилъ бы палкой насмерть свою жену и дѣтей. Жалѣя несчастныхъ, этотъ человѣкъ и взялъ потихоньку палку у негодяя. Не казнить его надо, добродѣтельнаго человѣка, а поблагодарить. И я увѣренъ, справедливые мандарины, что этотъ добрый человѣкъ не уйдетъ отъ васъ безъ похвалы и награды. А что касается до отцеубійства, то, справедливые судьи, у него и отецъ и мать давно уже умерли. Кого же убивать-то?!

— А, умерли?—закричалъ мандаринъ-ругатель,— тѣмъ хуже! Значитъ, онъ взялъ палку, чтобы раскопать ихъ могилы. Оскверненіе памяти предковъ! Значитъ, вы присудите его, прежде, чѣмъ разрѣзать на 1.000 кусковъ, распилить тупой пилой на-двое!

— Зачѣмъ они говорятъ все это? — удивился Юнъ-Хо-Занъ, обращаясь къ знающему, повидимому, всѣ эти дѣла человѣку.— Человѣкъ укралъ палку, ну, и суди его за кражу палки. А зачѣмъ же одинъ обвиняетъ его въ отцеубійствѣ, а другой говоритъ о добродѣтели.

— А таковъ порядокъ, – отвѣчалъ знающій въ дѣлахъ толкъ человѣкъ,—одинъ тянетъ истину къ себѣ, другой—къ себѣ, а, въ концѣ-концовъ, она и остановится прямо передъ судьями! Одинъ будетъ непомѣрно запрашивать, а другой — невѣроятно

сбавлять. Мандаринамъ-судьямъ настоящая цѣна и выяснится.

— Странный обычай!—сказалъ Юнъ-Хо-Занъ, и подождавъ, пока дѣло о палкѣ кончилось, обратился къ мандаринамъ со своимъ дѣломъ.

Мандарины выслушали его, одни — прислушиваясь къ тому, что онъ говорилъ, другіе—разсматривая узоры на потолкѣ, и въ одинъ голосъ воскликнули:

— Законъ!

— Да тутъ два закона! — возразилъ Юнъ-Хо-Занъ,—одинъ—имѣть косу, другой—брить голову. Какой же законъ долженъ быть исполненъ?

— Оба. Всѣ законы всегда должны исполняться! — отвѣчали въ одинъ голосъ мандарины, — мы затѣмъ и приставлены, чтобы всѣ законы всегда исполнялись.

— Всѣ! — ужъ въ испугѣ воскликнулъ Юнъ-Хо-Занъ и поспѣшилъ, насколько пятки позволяли, поскорѣе убраться.

„Ужъ если отъ примѣненія двухъ законовъ человѣка каждый день бамбуками по пяткамъ, — что же будетъ, если къ нему примѣнить сразу всѣ!“ —думалъ онъ.

„Нѣтъ, со старыми китайцами намъ другъ друга не понять! — рѣшилъ Юнъ-Хо-Занъ,— видно, оттого, что я самъ молодой человѣкъ. Поговорить-ка мнѣ съ тѣми, которые помоложе!“

И увидавъ бѣгущаго изъ школы школяра, онъ привѣтствовалъ его, какъ должно:

— Здравствуй, племянникъ моей тетки!

— Привѣтъ тебѣ, истребитель монгольской саранчи, многоженецъ, похитившій всѣхъ принцессъ міра, окровавленный воинъ, драконъ, дышащій огнемъ!—отвѣчалъ школьникъ на такомъ древнемъ китайскомъ языкѣ, какимъ говорили только за 120.000 лунъ.

— Въ наше время эти слова звучатъ уже какъ ругательства!— улыбнулся Юнъ-Хо-Занъ,— кто научилъ тебя такимъ сквернымъ словамъ?

— А въ школѣ!—съ гордостью отвѣчалъ школьникъ,—у насъ этотъ языкъ только и учатъ.

— Напрасно!—сказалъ Юнъ-Хо-Занъ,—лучше бы васъ учили привѣтливо разговаривать съ современниками на современномъ языкѣ. А на этомъ придется говорить развѣ на томъ свѣтѣ, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь древнимъ героемъ. Чему еще учатъ васъ въ школѣ?

— Исторіи родной страны!— съ гордостью отвѣчалъ школяръ.

— А, это прекрасная наука!— сказалъ Юнъ-Хо-Занъ,—всегда пріятно вспомнить о доблести и славѣ предковъ. Разскажи мнѣ что-нибудь хорошее!

— Что же тебѣ разсказать получше? За 24.000 лунъ до насъ жилъ богдыханъ Да-Гуанъ-Су и истребилъ въ своей жизни 4.000.000 людей. За 12.000 лунъ жилъ богдыханъ Бай-И-Шанъ, отличавшійся жестокостью и казнившій 2.000.000 китайцевъ. За 6.000 лунъ жилъ богдыханъ Цянь-Лянь Цзыръ, у котораго былъ самый большой гаремъ. Онъ былъ сластолюбивъ...

Юнъ-Хо-Занъ, въ знакъ горя, схватился за голову.

— Замолчи, малютка! Какой негодяй разсказалъ тебѣ однѣ только гадости про родную страну!

Но въ это время стражъ схватилъ сзади Юнъ-Хо-Зана за косу.

— Эге! О чемъ ты бесѣдуешь съ молодымъ китайцемъ? Какія мысли ему внушаешь?

И съ такой силою потянулъ Юнъ-Хо-Зана, что привязанная коса отлетѣла.

— Разбойникъ! — завопили всѣ кругомъ, — безъ косы.

А стражъ, моментально заколотивъ Юнъ-Хо-Зана въ колодки, потащилъ его къ главному мандарину.

— Вотъ какого злодѣя я поймалъ! — воскликнулъ онъ, падая предъ мандариномъ на колѣни.

— Эге! Знакомая ласточка! — воскликнулъ мандаринъ, — вотъ онъ кѣмъ оказался! То-то я давеча смотрю: приходитъ, и какъ негодяй въ чужія дѣла вмѣшивается! Ты что же это? По тюрьмамъ шляться, — мѣсто себѣ выбираешь? Въ „Лѣтопись" возмутительную страницу вписать хотѣлъ? Школяровъ на улицѣ ловишь и, что не слѣдуетъ, говоришь? Дать ему отъ меня 100 ударовъ по пяткамъ, и такъ какъ онъ безъ косы, — тащи его въ судъ! Дѣло не мое.

Мандарины-судьи встрѣтили Юнъ-Хо-Зана, какъ стараго знакомаго.

— А! Тотъ самый молодчикъ, который что-то насчетъ примѣненія законовъ полагалъ? И безъ косы, и полагаетъ!

Мандаринъ, который бранитъ подсудимыхъ, кричалъ:

— То-то онъ давеча ворчалъ насчетъ отцеубійства. Самъ онъ, должно-быть, родного отца убилъ, справедливые мандарины!

И даже мандаринъ, который долженъ всѣхъ хвалить, ничего не нашелся сказать въ похвалу Юнъ-Хо-Зана:

— Что я, справедливые мандарины, скажу? Сами видите, — человѣкъ безъ косы!

Юнъ-Хо Зана отвели въ тюрьму, выбрили начисто голову, и мандаринъ-смотритель сказалъ:

— Сиди тутъ, пока коса не выростетъ. А я тѣмъ временемъ буду тебѣ голову брить. Говорилъ утромъ: прогуляйся къ бамбуковой рощѣ. Не захотѣлъ — она теперь по твоимъ пяткамъ прогуляется.

Тутъ Юнъ-Хо-Занъ больше не выдержалъ и въ страшномъ гнѣвѣ воскликнулъ:

— Довольно! Знаете вы, кто я? Я — богдыханъ!

Всѣ такъ и покатились со смѣха.

— Да это сумасшедшій! — сказали одни, — посадить его напротивъ, въ сумасшедшій домъ!

— Самозванецъ! — рѣшили другіе, — отрубить ему голову!

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ.

Такъ прекратилась династія Минговъ въ Китаѣ. Три года ждали возвращенія Юнъ-Хо-Зана въ Пекинѣ, а черезъ три года избрали ему преемникомъ манчжура Ло-То-Жоу.

ПРИ КИТАЙСКОМЪ ДВОРѢ.

Постоялый дворъ въ маленькомъ китайскомъ провинціальномъ городишкѣ. Большая комната. Вездѣ чемоданы, чемоданчики, укладочки, мѣшечки, картонки. Мамаша пьетъ чай. Богдыханъ сидитъ на высокомъ стульчикѣ и перелистываетъ Поль-де-Кока въ переводѣ на китайскій языкъ. Принцъ Туанъ у окна читаетъ газеты.

Мамаша (*къ богдыхану*).

Налить, что ль, еще чаю-то?

Богдыханъ (*покорно*).

Ежели вамъ такъ угодно, маменька!

Мамаша (*передразнивая*).

„Ежели вамъ угодно, маменька", да „ежели вамъ угодно, маменька", — только отъ него и слышишь! И это называется китайскій императоръ!

Богдыханъ (*безпечно*).

Что жъ, отъ слова не станется!

Мамаша.

Восемнадцать, вѣдь, выдулъ, а онъ „ежели вамъ угодно". Могъ бы свои мысли имѣть! Ну, о чемъ ты теперь думаешь?

Богдыханъ (*осклабляясь*).

О цивилизаціи!

Мамаша (*сдвинувъ брови*).

Опять?

Богдыханъ (*отчаянно*).

Да вѣдь что жъ это, на самомъ дѣлѣ? Жили, какъ порядочные люди, въ столичномъ городѣ Пекинѣ, — и вдругъ не угодно ли? Въ провинцію. Не съ кѣмъ папиросы выкурить или другимъ какимъ просвѣщеннымъ дѣломъ заняться. (*Со вздохомъ*). Эхъ, остались бы мы въ Пекинѣ! Сейчасъ бы это меня въ плѣнъ взяли. А потомъ въ Парижъ отправили. Потому у нихъ, маменька, теперича въ Парижѣ выставка, а гвоздя-то настоящаго нѣтъ, — публика и въ умаленіи. А тутъ вдругъ — китайскій императоръ. Вотъ бы народъ поперъ! Въ отдѣльномъ павильонѣ, франкъ за входъ, съ бонами всемірной выставки платятъ 50 сантимовъ. Представителямъ печати безплатно. Только на короткое время! (*Воодушевляясь*). А Парижъ, маменька, городъ на совѣсть. Мнѣ одинъ совѣтникъ нашего посольства разсказывалъ. Онъ туда для окончанія образованія былъ посланъ. Всѣ высшія учебныя заведенія прошелъ: Moulin Rouge, Jardin de Paris. Дипломатіи въ „Café des Ambassadeurs" учился. Каждый вечеръ ходилъ.

Медаль имѣетъ за то, что на Эйфелевскую башню поднимался. Что за человѣкъ! Просвѣщенный: одинъ шесть бутылокъ шампанскаго выпиваетъ. Душа общества: съ шестнадцатью француженками заразъ ужиналъ. Есть тамъ, маменька, китаянки такія, француженками прозываются. Такъ, говорятъ, ежели...

Мамаша (*улыбаясь*).

Все и мысли-то у тебя самыя дѣтскія. Ты бы пошелъ хоть смотръ боксерамъ сдѣлалъ или голову кому отрубилъ. Покажи, что ты въ Китаѣ императоръ!

Богдыханъ.

Ежели вамъ такъ угодно, маменька! (*Уходитъ*).

Мамаша (*со вздохомъ*).

И это сынъ неба! Эхъ, видно, согрѣшила я, грѣшница!

Принцъ Туанъ (*басомъ*).

Все, тетенька, оттого, что у насъ по закону его до старости кормилицы кормятъ.

Мамаша.

Все можетъ быть! Все можетъ быть! Что тамъ, мой драконъ, въ газетахъ пишутъ?

Туанъ.

Да что же, ничего особеннаго не пишутъ! Насъ все ищутъ. На-дняхъ въ дворцовомъ саду вечеромъ шарили. Но никого, кромѣ мандарина съ горничной, не поймали!

Мамаша (*качая головой, съ укоризной*).

Мандаринъ! А!

Туанъ.

Время такое. Военное.

Мамаша.

А во дворецъ-то не ходили?

Туанъ.

Собираются еще итти!

Мамаша.

Охъ, сопрутъ они тамъ все, — чуетъ мое сердце, что сопрутъ.

Туанъ.

Что вы, тетенька! Народъ цивилизованный!

Мамаша.

Толкуй тамъ! знаемъ мы эту цивилизацію. „Дозвольте, — говоритъ, — васъ цивилизовать“, — а самъ все на брошку смотритъ, все, подлый, тебѣ на брошку смотритъ.

Туанъ.

Они только такъ собираются. Церемоніальнымъ маршемъ!

Мамаша.

Знаемъ мы ихъ церемоніальный маршъ! Ну, а наши что?

Туанъ.

Сидятъ, держатся. Телеграфируютъ, что вчера только нѣсколько евнуховъ изъ дворца вышло.

Мамаша.

Никогда я не любила этой націи.

Туанъ.

Имъ, извѣстно, терять нечего.

Мамаша.

Дуть-то другъ друга союзники еще не собираются?

Туанъ.

Дуть еще другъ друга не зачинали. А только такъ видать, что шибко хочется. Ну, да войска пока еще мало. Вотъ, Богъ дастъ, изъ Европы войска подъѣдутъ, тогда другъ другу клочку устроятъ.

Мамаша.

Ахъ, дай-то Богъ. Съ нами-то, пока, что дѣлать собираются? Ничего не пишутъ?

Туанъ.

Разно пишутъ. Вонъ одинъ журналистъ всѣхъ китаянокъ въ юбки переодѣвать собирается*). Для разрѣшенія китайскаго вопроса.

Мамаша.

Ахъ, безстыдникъ!

Туанъ.

Человѣкъ пожилой!

Мамаша.

А все-таки безстыдникъ. Этакимъ дѣломъ заняться захотѣлъ.

---

*) Вѣроятно, намекъ на г. Суворина.

ТУАНЪ.

Журналистъ, одно слово! (*Облизываясь*). Посадилъ я какъ-то одного журналиста на колъ. Имѣлъ это удовольствіе. На колу сидитъ, а оретъ: „Дайте Ирландіи автономію, непремѣнно дайте Ирландіи автономію“. Русскій былъ! Презабавный народъ! Самъ на колу сидитъ, а для другихъ объ автономіи думаетъ.

МАМАША.

Письма есть?

ТУАНЪ.

Куча. Изъ Англіи много пишутъ. (*Беретъ одно письмо*). „Dear lady! Что вы за скверную штуку съ нами выкинули? Вѣдь у насъ торговля, биржа, — крахи на носу! Вернитесь вы, ради Господа Бога, въ Пекинъ. Ничего вамъ не будетъ. Чего мы отъ васъ потребуемъ? Ничего отъ васъ не потребуемъ. Ну, нарубите тамъ возовъ пять-шесть головъ. Все равно какихъ, только чтобы съ косами были. И будемъ считать за наказаніе виновныхъ. И уйдемъ. А то что жъ это? Переговоровъ вести не съ кѣмъ, а тутъ въ торговлѣ застой. Пожалѣйте!“

МАМАША.

Да, какъ же, жди! Вернусь! Изъ Германіи что пишутъ? Небось, фельдмаршаломъ своимъ грозятся?

ТУАНЪ.

Нельзя сказать, чтобы особенно. (*Читаетъ*). „Gnädige Frau! Хотя мы и отправили главнокомандующаго, который вообще очень страшенъ

и котораго совѣтуемъ вамъ непремѣнно очень бояться, но все же спѣшимъ попросить васъ: пока онъ еще не пріѣхалъ, возвращайтесь въ Пекинъ и заключайте миръ. Господи! Развѣ мы чего-нибудь требуемъ. Мы ничего не требуемъ. Ну, хотите, сами продиктуйте намъ условія мира. Мы на все согласны. Контрибуцію, можетъ-быть, хотите, — контрибуцію дадимъ, все-таки обойдется дешевле. Вѣдь фабрики, заводы, промышленность. Все стоитъ, все лопается, крахи. Пожалѣйте насъ. Не прячьтесь!“ Подписано хозяевами промышленныхъ учрежденій.

Мамаша.

Еще письма есть?

Туанъ.

Частныя. Отъ Каинберга какого-то, пишетъ; что банкиръ. „Многоуважаемая сударыня! За что же такое вы убѣжали и насъ въ этакое глупое положеніе поставили? Сколько лѣтъ всегда въ видѣ субсидіи 10-милліоннымъ кредитомъ въ казенномъ банкѣ пользовались, а теперь вдругъ прекращено: деньги нужны. Приказываютъ учетъ векселей прекратить. Чѣмъ же жить-то будемъ? Глубокоуважаемая сударыня, вернитесь вы въ Пекинъ, выведите насъ изъ затруднительнаго положенія. Ей Богу, никогда больше не будемъ“. Отъ Штыкъ-Юнкера отъ какого-то, — тоже банкиръ: „Madame! Настоящимъ письмомъ убѣдительно просимъ васъ вернуться въ Пекинъ! Невозможно! Рекомендуютъ учетъ векселей прекратить. Потому, говорятъ, неопредѣленное

состояніе. Вернитесь въ Пекинъ, осчастливьте Европу, сжальтесь, заставьте вѣчно Бога молить. Съ почтеніемъ — торговый домъ". Отъ биржевиковъ писемъ много. Пишутъ, что гибнутъ, молятъ вернуться!

Мамаша (*улыбаясь*).

Я такъ думаю, что самая лучшая политика теперь — уѣхать на дачу.

Туанъ (*съ увлеченіемъ*).

Куда-нибудь на югъ!

Мамаша.

Пусть посидятъ въ Пекинѣ! Хе-хе! Не любишь? Выдержать этакъ мѣсяцевъ шесть!

Туанъ.

Ой, тетенька! Даже мнѣ бѣлыхъ дьяволовъ жаль!

Мамаша.

Или мѣсяцевъ семь! Они думаютъ, я такъ легко миръ съ ними заключу! Шалятъ! Дудки! Я такую контрибуцію спрошу, какой ихній Бисмаркъ съ ихнихъ французовъ не спрашивалъ!

Туанъ (*съ увлеченіемъ*).

И заплатятъ!

Мамаша.

И заплатятъ! Только „позвольте назадъ въ Европу поскорѣе вернуться".

Туанъ.

Хе-хе! „Пустите душу на покаяніе!"

Мамаша.

„Больше никогда васъ побѣждать не будемъ!“ На всѣ условія пойдутъ!

Туанъ.

И чтобъ посланниковъ мнѣ назадъ выдали.

Мамаша.

И выдадутъ!

Туанъ.

На-те, скажутъ, только намъ чтобъ эту исторію поскорѣй кончить. Люблю посланниковъ! Жить не могу безъ посланниковъ. Сейчасъ я кольевъ понаставлю, и всѣхъ посланниковъ на колъ.

Мамаша (*улыбаясь*).

Патріотъ!

СМОТРЪ.

Шанхай. Поле. Великолѣпная погода. Солнце блещетъ. Толпа любопытныхъ китайцевъ. Войска. Уланы съ пестрыми значками, драгуны съ конскими хвостами. Графъ Вальдерзее на бѣломъ конѣ. На немъ боевой плащъ, тотъ самый, который ѣздилъ въ Палестину. Въ рукахъ у Вальдерзее обнаженный мечъ. Время-отъ-времени фельдмаршалъ нажимаетъ незамѣтную кнопочку, и тогда отъ меча сыплются электрическія искры.

1-й китаецъ.

Онъ великолѣпенъ!

2-й китаецъ.

Восхитителенъ!

Китаянка.

Вотъ это мужчина!

3-й китаецъ (*въ восторгѣ*).

Господа китайцы, давайте кричать „ура!“

Всѣ.

Тс! Тс! Начинается! Не мѣшайте смотрѣть! (*Музыка гремитъ. Начинается церемоніальный маршъ*).

1-й КИТАЕЦЪ.

Это кто?

2-й КИТАЕЦЪ (*заглядывая въ китайскую газету*).

По афишѣ — бенгальскіе уланы!

ВСѢ.

Молодцы бенгальскіе уланы!

3-й КИТАЕЦЪ.

А это? это?

2-й КИТАЕЦЪ (*водя пальцемъ по газетѣ*).

По афишѣ — сипаи!

КИТАЯНКА.

Нѣтъ, какъ у нихъ все вычищено! Какъ все прилажено! Все на своемъ мѣстѣ!

ВСѢ.

Пѣхота пошла! Пѣхота! (*Въ восторгѣ*). Пушки везутъ! Пушки! Ура! Пушки!

1-й КИТАЕЦЪ.

А что жъ это все значитъ?

2-й КИТАЕЦЪ (*глубокомысленно прикладывая палецъ ко лбу*).

У-у! Тонкая политика! Западные варвары — хитрый народъ! У-у, какой хитрый! Имъ хочется,

чтобъ китайскій народъ не бунтовался. Такъ вотъ они и прислали этого стараго генерала устраивать для народа безплатные спектакли. Чтобъ народу удовольствіе доставить!

3-й китаецъ (*въ восторгѣ*).

Ахъ, какой хитрый народъ! Когда война была,—никого не было. А какъ войны нѣтъ,—ишь, сколько понаѣхало!

1-й китаецъ (*съ сомнѣньемъ*).

Гм!.. А они ничего не возьмутъ съ насъ за эти спектакли?

2-й китаецъ.

Я думаю, въ счетъ за эти смотры что-нибудь поставятъ. Тоже вѣдь и имъ что-нибудь да стоитъ. А то, можетъ, и такъ, даромъ доставятъ удовольствіе народу!

3-й китаецъ.

Ахъ, кабы даромъ!

1-й китаецъ.

И что жъ, это только въ Шанхаѣ устроено такое безплатное удовольствіе для публики?

2-й китаецъ.

Зачѣмъ только въ Шанхаѣ?! Вездѣ поѣдутъ! Въ Пекинъ, въ Таку, въ Тянь-Цзинь. Никого не обидятъ. Вездѣ будутъ спектакли давать!

Всѣ.

Ахъ, хорошо!

1-й китаецъ.

Господа, давайте этому старичку „ура" кричать.

Всѣ.

Ура!

Образованный китаецъ.

Стойте, стойте! Въ такихъ случаяхъ у европейцевъ принято не „ура" кричать. Особое такое есть слово: „браво". Браво, Вальдерзее! Браво!

Еще болѣе образованный китаецъ (*во все горло*).

Bis! B-i-i-i-s!

Вальдерзее (*пропуская мимо себя колонны*).

А? Уланы? Хорошо! Драгуны? Очень хорошо! Сипаи? Очень, очень хорошо! Пѣхота? Великолѣпно. Артиллерія, саперы, — даже добровольцы! Превосходно! Батюшки! (*Тронутый*). Даже лазаретныя фуры есть. Все, все есть — только непріятеля нѣтъ. (*Съ трескомъ кладетъ мечъ въ ножны и задумывается, въ это время до него доносятся крики*). А? Что они кричатъ? Испугъ? Недовольство? (*Съ трескомъ выхватываетъ мечъ*). Быть-можетъ, командовать въ атаку?

Адъютантъ.

Никакъ нѣтъ! Они кричатъ „браво". Они въ восторгѣ.

Вальдерзее.

А? Отлично! Что значитъ — мы!

Адъютантъ.

Что телеграфировать въ Берлинъ?

Вальдерзее.

Телеграфируйте, что погода хорошая (*крики „браво“ сильнѣе*) и прибавьте, что китайцы нами совершенно покорены. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

БОГИНЯ.

Это было въ 2100 году.

Безчисленная армія китайцевъ перешла черезъ Вогезы и вступила на территорію Франціи.

Въ это время другая армія,—индусовъ,—послѣ безумнаго сопротивленія швейцарскаго народа, вырѣзавъ всѣхъ, черезъ горы и ущелья Альпъ бросилась на Францію. Ея южные отряды приканчивали Итальянскую и Испанскую республики, а сѣверные уничтожали югъ Франціи и двигались къ Парижу.

Одновременно въ Калэ, Гаврѣ и Брестѣ высадилась третья огромная армія, возвращавшаяся изъ Англіи и Ирландіи, гдѣ были вырѣзаны всѣ жители этихъ двухъ государствъ.

Ліонъ, Марсель были стерты съ лица земли. Неверъ, Дижонъ, Бордо, Нантъ, Орлеанъ, Шалонъ, лѣса Нормандіи и Вандеи пылали въ огнѣ.

Ночи больше не было.

Когда угасалъ день, наступалъ кровавый сумракъ. Надъ Франціей горѣли пурпурно-красныя небеса. Заревомъ пылало все небо.

Франція была охвачена раскаленнымъ желѣзнымъ кольцомъ.

Это былъ конецъ того великаго движенія, которое вспыхнуло на Востокѣ ровно 200 лѣтъ тому назадъ, въ 1900 году. Тогда движеніе казалось подавленнымъ, — но только казалось.

Востокъ только тогда почувствовалъ свою силу.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Китай выступилъ изъ береговъ, какъ выступаетъ изъ береговъ рѣка, когда въ нее вливаются воды отъ таящаго въ горахъ снѣга.

Задыхаясь отъ тѣсноты, Китай двинулся на Западъ.

Скорѣе инстинктомъ, чѣмъ пониманіемъ, Востокъ сознал необходимость соединиться.

Къ сотнямъ милліоновъ китайцевъ примкнули сотни милліоновъ возставшихъ индусовъ.

Персы и кочевники Средней Азіи составили передовой отрядъ и пошли югомъ, опустошая, грабя, стирая съ лица земли все на своемъ пути.

Индусы шли средней полосой, и сѣверомъ двигались китайцы.

Они подвигались медленно. Поколѣнія смѣнялись поколѣніями, и они все двигались впередъ, медленно, какъ потокъ остывающей лавы, какъ ледникъ съ вершины горы.

Европейцы сопротивлялись съ мужествомъ, съ бѣшенствомъ отчаянія.

При помощи своихъ усовершенствованныхъ орудій, они истребляли варваровъ сотнями тысячъ, милліонами. А на смѣну падшимъ приходили новыя поколѣнія. Въ то время, какъ въ авангардѣ бились и умирали, въ арьергардѣ родились, росли, вырастали новые воины и шли впередъ по

трупамъ, по костямъ своихъ отцовъ, — медленно, безостановочно, неотвратимо.

Они трупами запружали рѣки и переходили по нимъ, какъ по мостамъ. Изъ горъ труповъ создавали себѣ прикрытія и двигались впередъ.

Милліоны тѣлъ валялись неубранными, пораждая чуму, холеру, оспу, тифъ.

Армія варваровъ дышала смертью.

Она несла съ собою эпидеміи, которыя губили цѣлыя европейскія арміи.

И тамъ, гдѣ проходили народы Востока, за ними зеленѣли тучныя, упитанныя человѣческой кровью и тѣлами нивы, — и не оставалось больше ни одного европейца, ни одного слѣда европейской цивилизаціи. Они убивали всѣхъ, въ пыль превращали все.

Такъ шли народы Востока два вѣка и теперь приближались къ Парижу.

— Парижъ!

Это имя звучало для нихъ, какъ пѣснь сирены, какъ музыка, таинственная, чудная, загадочная, влекущая къ себѣ.

— Парижъ!

Это имя они слышали два вѣка, — отъ всѣхъ.

— Парижъ!

Вѣроятно — Пекинъ, Дэли, Мекка европейскаго міра. И они шли туда, чтобы стереть съ лица земли эту главную, величайшую святыню Европы.

— Парижъ!

Это имя, которое они слышали изъ поколѣнія въ поколѣніе два вѣка, заставляло горѣть ихъ фантазію, наполняло ихъ любопытствомъ,

желаніемъ узнать тайну, увидать, наконецъ, этотъ священный городъ, слава котораго наполняла міръ, и разрушить величайшую святыню.

Въ то время, какъ народы Востока росли численностью, обновлялись новыми и новыми здоровыми, молодыми поколѣніями, родившимися, выраставшими въ арьергардѣ великой арміи, — вырожденіе дѣлало свое страшное дѣло среди европейцевъ.

Изнервничавшіеся родили нервно - больныхъ. Нервно-больные — безумныхъ.

А такъ какъ вопросъ о сумасшедшихъ, это только вопросъ большаго числа, то теперь въ Европѣ безумными считались тѣ, кто еще 200 лѣтъ тому назадъ считались здравомыслящими.

Люди говорили:

— Зачѣмъ считать себя тѣмъ, что есть, когда можно воображать себя королями, несмѣтными богачами, богами и быть счастливыми?

И сажали „бывшихъ здравомыслящихъ“ въ сумасшедшіе дома.

Люди здраваго разсудка сидѣли въ камерахъ для безпокойныхъ больныхъ, — и ихъ слова, ихъ вопли, ихъ пророчества вызывали только улыбки сожалѣнія у безумныхъ врачей.

Всѣ понятія были пересмотрѣны и переоцѣнены.

Косоглазость, асимметрія лица считались непремѣнными признаками красоты.

Художники писали дикія картины, какихъ никогда никто не видывалъ въ природѣ, какія носились въ ихъ больномъ, безумномъ воображеніи.

Въ музыкѣ любили только бѣшеный ревъ инструментовъ, дикіе вопли, которые били по больнымъ нервамъ и заставляли слушателей падать въ конвульсіяхъ и нервныхъ судорогахъ.

Желѣзное кольцо, охватившее Францію, стягивалось все уже и уже, готовое задушить Парижъ.

Собранія правительства двѣнадцатой республики происходили съ утра до ночи и съ ночи до утра, но никто не говорилъ на нихъ о нашествіи варваровъ.

Министръ-президентъ Фроманъ-Мэрисъ, больной маніей величія, погруженный въ изученіе тайныхъ наукъ, давно уже считалъ себя богомъ и ждалъ только момента объявить это людямъ.

Когда до него доносился грохотъ канонады, и кто-нибудь въ ужасѣ кричалъ:

— Непріятели заняли высоты, командующія надъ Парижемъ!

Онъ только улыбался странной и загадочной улыбкой безумнаго.

Онъ зналъ слово, которое достаточно было произнести ему, и земля разверзнется, съ неба польются потоки огненнаго дождя и истребятъ всю враждебную армію.

По ночамъ, стоя у окна своего великолѣпнаго дворца, онъ съ безумной улыбкой глядѣлъ на красное отъ зарева небо и говорилъ:

— Огонь! Огонь! Небо полно огнемъ! Я скажу слово, и огонь прольется.

Военный министръ, когда ему приходили сказать:

— Непріятель занялъ еще одну гору въ виду самаго города.

Спрашивалъ:

— А вы увѣрены въ этомъ? Я знаю, чей это заговоръ. Я черезъ день буду знать все. Все!

Онъ страдалъ маніей преслѣдованія. И въ то время, какъ непріятель окружилъ, сдавилъ Парижъ, онъ открывалъ безчисленные, каждый день новые заговоры противъ правительства и среди правительства.

Окруженный безумными совѣтниками и подчиненными, онъ цѣлый день бесѣдовалъ съ ними, выслушивая ихъ галлюцинаціи и разсказывая имъ свои. Блѣдный какъ полотно, съ пѣной на губахъ, съ широко раскрытыми отъ безумія и отъ ужаса зрачками, онъ метался по своему кабинету и кричалъ:

— Насъ хотятъ всѣхъ перерѣзать! Но нити заговора въ моихъ рукахъ! Отзовите четвертую дивизію съ окраинъ Парижа и поставьте вокругъ моего дворца. Зарядить пушки, примкнуть штыки, не спать ни день ни ночь. Я знаю, кто въ заговорѣ! Всѣ! Шатруссъ, Сикаръ, Перрэнъ, Ледрю, Гардэ, Массаръ, Барре, Алясоньеръ...

Тюрьмы были переполнены во имя свободы, и больной падучей болѣзнью министръ юстиціи, когда цѣлые дни столбняка смѣнялись у него часами страшнаго нервнаго возбужденія, — кричалъ, весь дергаясь отъ надвигавшагося припадка падучей:

— Берите, хватайте во имя свободы! Во имя свободы!

Схватывалъ первые попавшіеся списки граждан и подписывалъ смертные приговоры и приказы объ арестѣ.

Президентъ двѣнадцатой республики Лянордъ-Блерси не спалъ ночей отъ какого-то владѣвшаго имъ внутренняго безпокойства. Когда онъ, измученный, обезсиленный отъ бѣготни по заламъ дворца падалъ и на часъ засыпалъ на полу, — просыпаясь, онъ, слышалъ шумъ, словно за стѣной двое спорили вполголоса. Къ двумъ голосамъ прибавлялся третій, четвертый, пятый. Шумъ все росъ, усиливался, переходилъ въ ревъ. Кричало все: стѣны, полъ, потолокъ, мебель.

Несчастный схватывался за голову, кричалъ, — но его собственный голосъ звучалъ для него едва слышно въ этомъ адскомъ ревѣ.

И онъ кричалъ:

— Устройте праздникъ! Праздникъ! Устройте имъ праздникъ!

Совѣщанія правительства были посвящены исключительно вопросу о новыхъ, новыхъ и новыхъ празднествахъ для народа.

Министры кричали на перебой въ то время, какъ президентъ сидѣлъ, сжавъ голову, блѣдный какъ мертвецъ, съ лицомъ, подергивавшимся судорогами, съ глазами, полными невыносимаго страданія.

— Праздникъ въ честь торжества анархіи — есть. Праздникъ въ честь побѣды надъ анархіей и возстановленія 7 имперіи — есть. Праздникъ въ честь паденія восьмидневнаго королевства —

есть. Праздники въ честь 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 республикъ — есть.

— Назначьте праздникъ въ честь нашествія варваровъ! — стоналъ президентъ.

— Назначьте же! — кричалъ онъ, срываясь съ мѣста, сжимая кулаки, кидая взгляды, полные бѣшенства и страданія.

Шумъ, ревъ толпы на улицахъ заглушалъ для него этотъ ужасный шумъ, который слышалъ только онъ одинъ, отъ котораго у него готова была лопнуть голова.

Онъ выбѣгалъ тогда изъ дворца, бѣжалъ по улицамъ, слыша, какъ камни кричатъ у него подъ ногами, какъ вопли несутся изо всѣхъ оконъ, какъ въ улицы врывается ревъ изъ переулковъ.

И онъ бросался въ средину веселившейся, плясавшей толпы и кричалъ:

— Заглушайте! Кричите! Пойте! Кричите!

Онъ былъ радъ грохоту канонады. Надъ городомъ стоялъ стонъ: варвары вырубали лѣса и сады, окружавшіе Парижъ, и подходили къ городу. Онъ былъ радъ этому и, измученный, стоя у окна дворца, шепталъ съ облегченіемъ:

— Ближе... ближе... громче... сильнѣе...

И вотъ настала послѣдняя ночь.

Послѣдняя ночь подъ ярко-пурпурными, кровавыми небесами. Послѣдняя ночь среди воплей и побѣдныхъ криковъ и шума надвигающихся на городъ непріятельскихъ ордъ.

Ночь „праздника въ честь вторженія варваровъ“.

По улицамъ metались пророки, поэты, философы и кричали:

— Послѣдняя ночь Цивилизаціи. Смотрите на небѣ ея вечернюю зарю! Наслаждайтесь! Украшайте себя вѣнками, цвѣтами! И съ радостью переходите въ небытіе! Оно прекрасно! Умирайте красиво! Въ красотѣ мы безсмертны! Мы безсмертны! Боги! Боги! Веселитесь!

Съ высотъ Монмартра спускалась процессія.

Среди изступленныхъ криковъ и дикихъ пѣсенъ несли обнаженныхъ женщинъ, въ сладострастныхъ позахъ, опьянѣвшихъ отъ желаній!

Отъ этой процессіи, окруженной мужчинами въ костюмахъ сатировъ и фавновъ, вѣяло безуміемъ, которое заражало толпу. Женщины срывали съ себя одежды, безумные поцѣлуи смѣшивались съ криками, стонами оргіи.

Въ экстазѣ убивали себя, и кровь распаляла страсти.

— Мы безсмертны! Мы безсмертны! — кричали въ толпѣ, ударяя себя кинжалами, — мы безсмертны!

И яркій, ярче дневного, свѣтъ озарилъ улицы Парижа. Варвары вступали въ Парижъ и зажгли предмѣстья.

Крикъ восторга вырвался у обезумѣвшей толпы и слился съ радостнымъ, волчьимъ воемъ побѣдителей...

... Китайцы неслись по улицамъ, забѣгали въ дома, рѣзали мужчинъ и насиловали женщинъ, со смѣхомъ перерѣзая имъ горло и любуясь трепетаніемъ тѣла, которымъ только-что наслажда-

лись. Они подвергали страшнѣйшимъ пыткамъ стариковъ, дѣтей, взрослыхъ, смѣясь надъ криками, которые издавали бѣлые, не думая, что у тѣхъ есть душа, смѣясь, какъ изъ нихъ выходитъ теплый воздухъ, не задаваясь даже вопросомъ,—мучаются ли жертвы. Они потѣшались, веселились,—и только.

Полные мистическаго ужаса къ „священному городу", они не брали себѣ ничего, все разбивая, все уничтожая, боясь, чтобы не осталось чего-нибудь, имѣющаго, быть-можетъ, таинственную, сверхъестественную силу.

Парижъ превращался въ пятно грязи и крови, и варвары стирали съ лица земли это послѣднее пятно цивилизаціи.

Театры особенно повергали ихъ въ ужасъ.

— Вотъ ихъ храмы! — кричали они, — жгите! Жгите ихъ!

Толпа китайцевъ ворвалась въ Лувръ и оцѣпенѣла, увидавъ массу „боговъ".

— Вотъ что нужно уничтожить! Вотъ ихъ сила! Ихъ боги! Вотъ при помощи кого они два вѣка задерживали на пути насъ и нашихъ предковъ!

И началось разрушеніе.

Картины рвали на мелкіе клочки, статуи разбивали въ мельчайшіе дребезги.

Нѣсколько китайцевъ ворвалось въ восьмиугольный темнокрасный залъ, среди котораго стояла Венера Милосская.

Одинъ замахнулся на нее камнемъ, но другіе крикнули:

— Не стоитъ! Займемся другими, болѣе важными богами. У этой, видишь, они сами отколотили руки. Посмотри, какъ она вся избита! Должно-быть, она приносила имъ несчастіе. Пойдемъ искать тѣхъ, кто доставлялъ имъ счастіе!

И они побѣжали ломать, коверкать, разрушать въ другія залы, въ то время, какъ ихъ товарищи подкапывались подъ фундаментъ зданія, чтобы обрушить храмъ надъ разбитыми богами.

Парижъ былъ грудой развалинъ.

. . . .

Прошло двѣ тысячи лѣтъ.

Изъ Америки, которая осталась нетронутой нашествіемъ варваровъ, отправилась экспедиція въ Европу, какъ въ XIX вѣкѣ отправлялись экспедиціи въ Египетъ, чтобъ покопаться въ гробницѣ древней умершей цивилизаціи.

— Сохранились преданія, что здѣсь, гдѣ живутъ теперь желтолицые люди, цвѣла когда-то пышная цивилизація,—и мы знаемъ даже имя ея главнаго центра. Онъ назывался — Парижъ. Но, кромѣ преданій, о тѣхъ временахъ ничего не осталось. Ихъ книги и письмена, бывшія въ нашихъ американскихъ музеяхъ, были на такой бумагѣ, которая превратилась въ пыль. Ихъ картины, которыя были у насъ, выцвѣли. Все было у нихъ недолговѣчно. Посмотримъ, однако, не осталось ли чего подъ грудами мусора и пепла?

И, съ разрѣшенія жителей, американская экспедиція приступила къ изысканіямъ.

Отыскали рѣку, на которой стоялъ этотъ Парижъ. Опредѣлили самое его мѣсто.

И на мѣстѣ, гдѣ теперь простирались пашни и пастбища, приступили къ раскопкамъ.

Взрывали пласты за пластами. Пласты древнихъ, забытыхъ монгольскихъ кладбищъ, пласты щебня, земли, пропитанной слезами и кровью.

— Мы находимся на уровнѣ тогдашняго города.

Ничего.

Ничего, кромѣ щебня, мусора, пыли.

— Отъ древней европейской цивилизаціи не осталось ничего.

Въ эту минуту заступъ рабочаго, съ силой погруженный въ землю, остановился.

Послышался легкій, жалобный звонъ мрамора, о который ударили сталью,—нѣжный, печальный, какъ стонъ, донесшійся изъ другого міра.

— Что-то есть!—съ радостью воскликнули всѣ.

И принялись тихо и осторожно раскапывать мусоръ.

И крикъ радости, восторга вылетѣлъ у всѣхъ.

Среди мусора и пыли, и праха, въ который обратилось все,—лежало мраморное изваяніе чудной, неземной красоты:

Венера Милосская.

Одна, уцѣлѣвшая отъ разрушеннаго міра, какъ завѣтъ, какъ религія.

И съ благоговѣніемъ склонили всѣ передъ нею колѣни:

— Богиня!

